

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

3 (714)
2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State-Funded Educational Institution
for Higher Professional Education
“Moscow State Linguistic University”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 3 (714)

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

COGNITIVE ASPECTS OF LANGUAGE AND SPEECH

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 3 (714)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
академик РАО, доктор педагогических наук, профессор,
И. И. Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

И. И. Халеева (*председатель*)

Н. Н. Нечаев (*заместитель председателя*)

Е. А. Белоусов (*ответственный секретарь*)

Гаджиев А. А. (Азербайджан)	Моисеенко Л. В.
Баранова Н. П. (Белоруссия)	Мусаев А. И. (Кыргызстан)
Бурнацева З. К.	Ноздрина Л. А.
Голубина К. В.	Потапова Р. К.
Воронина Г. Б.	Прохоров Ю. Е.
Гаспарян Г. Р. (Армения)	Радченко О. А.
Гусейнова И. А.	Русецкая М. Н.
Дудик Н. А.	Семенова Т. И.
Залиханов М. Ч.	Сорокина Т. С.
Имомов М. С. (Таджикистан)	Сухарев Ю. А.
Ирисханова К. М.	Тарасова А. Н.
Ирисханова О. К.	Титкова О. И.
Касюк А. Я.	Убин И. И.
Краева И. А.	Ли-Янке Х. (Швейцария)
Красноженова Г. Ф.	Ченки А. Д. (Нидерланды)
Кунанбаева С. С. (Казахстан)	Шерер Р. (Швейцария)
Лодейро Ф. Г. (Испания)	Шулепов Н. А.
Лю Лиминь (КНР)	Форстнер М. (Швейцария)
Маркес Д. С. (Испания)	
Медведева Т. В..	

Редакционная коллегия Выпуска 3 (714)

д-р филол. наук, проф. А. М. Каплуненко (*ответственный редактор*);

д-р филол. наук, проф. Т. И. Семёнова (*зам. ответственного редактора*);

д-р филол. наук, проф. Н. Н. Казыдуб (*ответственный секретарь*);

д-р филол. наук, проф. Т. Е. Литвиненко (*зам. ответственного секретаря*);

д-р филол. наук, доц. П. П. Дашинимаева

(директор Ин-та филологии и массовых коммуникаций БГУ);

д-р филол. наук, проф. Е. Ю. Куницына;

д-р филол. наук, проф. С. Н. Плотникова; д-р филол. наук, проф. Е. Ф. Серебренникова;

д-р филол. наук, проф. В. А. Степаненко; канд. филол. наук, доц. О. М. Готлиб;

канд. пед. наук, доц. Т. В. Живокоренцева;

руководитель Российско-Испанского университетского центра

Университета Кадиса А. С. Аррибас

Издание входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I Лексические и грамматические аспекты лингвистической категоризации

<i>Богданова С. Ю., Коробейникова Н. Н.</i> Концептуализация временных отношений в высказываниях с темпоральным наречием <i>Right away</i>	9
<i>Костюшкина Г. М., Шагланова Е. А.</i> Компрессия информации как проявление закона экономии в языке (на материале текстов рекламы)	23
<i>Борисова Е. А.</i> Вербализация жестов касания в современном английском языке	40
<i>Сбоев А. Н.</i> Тенденции развития лексики китайского языка на материале «Словаря интернет-языка синьхуа»	53

Раздел II Когнитивно-дискурсивные исследования

<i>Казыдуб Н. Н.</i> Бесконфликтный дискурс: ритуальное поведение или ответственный поступок?	62
<i>Плотникова С. Н.</i> Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира	72
<i>Серебренникова Е. Ф.</i> Аксиологические аспекты реализации дискурсивной позиции как точки зрения	84
<i>Хантакова В. М., Зимина С. А.</i> Особенности функционирования синонимов в адвокатском дискурсе	94

Ефимова Н. Н.

Ослышка: ложь извне и ложь изнутри 104

Каверзина А. В.

Когнитивные особенности фатической стадии дискурса
в редакционно-издательской деятельности 115

Кузнецова Л. В.

Дискурсивное конструирование будущего мира в прагматической
ситуации принятия решения в политической коммуникации 128

Рыжова В. А.

Симулякры идеологем «вождь» и «领袖»
в российском и китайском политическом дискурсе 140

Раздел III

Смыслообразование. Textoобразование. Корпусная лингвистика

Ладыгин Ю. А.

О вербализации точки зрения повествователя
в художественном тексте (на материале романов
Ж. Дюамеля «Chronique des Pasquier») 152

Мордовин А. Ю.

«Веб как корпус» или «корпус как веб»: новая реальность
корпусной лингвистики 163

Плясенко Н. А.

Влияние западной литературы на современную
китайскую эссеистику 173

Сазонова А. А.

Сакральный смысл рукоположения (Handauflegung)
(на материале новозаветных библейских текстов
в переводе М. Лютера) 182

CONTENTS

Section I Lexical and Grammatical Aspects of Linguistic Categorization

- Bogdanova S. Yu., Korobeinikova N. N.*
Conceptualization of Temporal Relations Represented
in the Utterances with the Temporal Adverb *Right away* 9
- Kostyushkina G. M., Shaglanova E. A.*
Compression of Information as a Manifestation of the Law
of Language Economy 23
- Borisova E. A.*
Verbalization of Touch Gestures in Modern English 40
- Sboev A. N.*
Trends of the Development of the Chinese Vocabulary on the Basis
of «Xinhua Chinese Internet Language Dictionary» 53

Section II Cognition and Discourse

- Kazydub N. N.*
Non-conflict Discourse: Ritualistic Behaviour or Responsible Activity? 62
- Plotnikova S. N.*
Discourse Technologies and Their Role
in The Construction of the Social World 72
- Serebrennikova E. F.*
Axiological Aspects of Realization of Discourse Position as Viewpoint 84
- Khantakova V. M., Zimina S. A.*
The Features of the Functioning of Synonyms in Lawyer Discourse 94
- Efimova N. N.*
Mondegreen: Where the Lie Lies 104

<i>Kaverzina A. V.</i>	
The Phatic Stage of the Publisher Discourse through a Cognitive Analysis	115
<i>Kuznetsova L. V.</i>	
The Discursive Construction of the Future World in the Pragmatic Situation of Decision Making in Political Communication	128
<i>Ryzhova V. A.</i>	
Simulacra «Chief» and «领袖» in a Process of Carnivalization (on the Basis of Russian and Chinese Political Discourse)	140

Section III
Creation of the Sense. Text Formation.
Studies of Corpora

<i>Ladygin Y. A.</i>	
On Verbalisation of the Narrater’s Point of View in the Artistic Text (on the Material of the Novels of G. Duhamel «Chronique Des Pasquier»)	152
<i>Mordovin A. Yu.</i>	
«Web as Corpus» or «Corpus as Web»: the New Reality of Corpus Linguistics	163
<i>Plyasenko N. A.</i>	
The Influence of Western Literature on Contemporary Chinese Essay Writing	173
<i>Sazonova A. A.</i>	
Sacred Meaning of the Ordination (Based on the German Biblical Texts of the New Testament Translated by M. Luther)	182

Раздел I
ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

УДК 811.11

С. Ю. Богданова, Н. Н. Коробейникова

Богданова С. Ю., д-р филол. наук, проф., зав. каф. английской филологии
МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: rusjap@mail.ru

Коробейникова Н. Н., аспирант МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: nati0711@mail.ru

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ТЕМПОРАЛЬНЫМ
НАРЕЧИЕМ *RIGHT AWAY***

В статье приведены промежуточные результаты корпусного исследования функционирования темпорального наречия *right away* в современном английском языке. На основе анализа эмпирического материала выявлена специфика концептуализации временных отношений, передаваемых в высказываниях с наречием *right away*, конкретизирована его семантическая структура, установлены грамматические конструкции, характерные для темпорального наречия *right away*, и определено их семантическое наполнение.

Ключевые слова: темпоральные наречия; контекстуальный анализ; эгоцентрический контекст; концептуализация; момент речи.

Bogdanova S. Yu.

Ph. D. (Philology), Professor, MSLU EALI; e-mail: rusjap@mail.ru

Korobeinikova N. N.

Post-Graduate student, MSLU EALI, e-mail: nati0711@mail.ru

**CONCEPTUALIZATION OF TEMPORAL RELATIONS REPRESENTED
IN THE UTTERANCES WITH THE TEMPORAL ADVERB *RIGHT AWAY***

The article suggests a discussion of some preliminary results of the corpus study of functioning of the temporal adverb *right away* in modern English. The analysis of empirical data allowed to reveal the specifics of conceptualization of temporal relations represented in the utterances with the adverb *right away*, to specify its semantic structure.

Key words: temporal adverbs; contextual analysis; egocentric context; conceptualization; moment of speech.

Темпоральные наречия, несмотря на их периферийное место в структуре высказывания, являются важными конституентами его содержательной организации. Актуализируясь в контексте высказывания, темпоральные наречия связаны с его другими членами. Согласно определению, они представляют собой лексико-грамматический класс наречий, выражающих определенный момент или период времени, продолжительность или частоту действия [6]. Подкласс темпоральных наречий выделяется в англистике в течение достаточно длительного времени, однако отмечается недостаточная степень изученности особенностей обозначаемых ими ситуаций как традиционными лингвистическими методами, так и с применением корпусных технологий, несмотря на то, что в высказываниях с ними, безусловно, закреплены различия в концептуализации временных отношений.

Нами определен для исследования синонимический ряд из семи темпоральных наречий с семантикой мгновенности, составленный путем выборки из англоязычных толковых словарей и словарей синонимов: *immediately, instantly, right away, at once, instantaneously, straight away, forthwith*. В данной статье считаем целесообразным представить предварительные результаты анализа наречия *right away* с точки зрения особенностей концептуализации им временного промежутка.

Цель данной статьи – выявить семантический потенциал наречия *right away*, определить особенности ситуаций, концептуализация которых передается в высказываниях с данным наречием. Эмпирической базой для исследования послужили данные двух корпусов: Британского национального корпуса (British National Corpus – BNC) [7] и Корпуса современного американского английского (Corpus of Contemporary American – COCA) [8] объемом 100 млн и 450 млн словоупотреблений (далее – с/у), соответственно.

В результате анализа корпусных данных было обнаружено, что как в BNC, так и в COCA темпоральное наречие *right away* наиболее репрезентативно в регистре художественной прозы (*fiction*). Второе место по частотности занимает регистр разговорной речи (*spoken*). Наименьшие показатели частоты встречаемости в обоих корпусах представлены в регистрах научной литературы (*academic*) и газетной периодики (*newspaper*). .

Таблица 1

Распределение *right away* по регистрам в корпусах BNC и COCA

Регистр	Распределение частоты встречаемости наречия по регистрам в BNC на 1 млн с/у	Распределение частоты встречаемости наречия по регистрам в COCA на 1 млн с/у
Разговорная речь	6,32	23,32
Художественная проза	11,69	27,10
Журнальная пресса	3,30	15,32
Газетная периодика	1,82	10,63
Научно-популярная литература	1,21	*
Научная литература	0,52	2,65
Разное	2,93	*

Примечание. *Регистр отсутствует в данном корпусе.

Таблица 2

Словарные дефиниции *right away* в толковых словарях английского языка

Merriam – Webster Dictionary	The Collins English Dictionary	The Oxford Advanced Learner’s Dictionary	Longman Dictionary of Contemporary English	Random House Webster’s Unabridged Dictionary	Oxford Advanced Learner’s Encyclopedic Dictionary	А. С. Хорнби Толковый словарь современ. англ. языка
1) without delay or hesitation; with no time intervening;	<i>British English:</i> without delay; immediately or promptly	immediately; without delay	immediately and without delay	without hesitation; immediately	without hesitation or delay	at once, without any delay
2) at once (usually modifies an undesirable occurrence)	<i>American English:</i> without delay or pause; at once					

При этом важно отметить, что в распределении частоты встречаемости темпорального наречия *right away* обращают на себя внимание существенные количественные преимущества по всем регистрам в СОСА по отношению к BNC (см. табл. 1) Данный факт может свидетельствовать о том, что наречие *right away* имеет наибольшее распространение в американском варианте английского языка.

Большое внимание в данном исследовании уделяется определению семантического содержания темпорального наречия *right away*. В частности, изначально был проведен анализ словарных дефиниций по семи словарям [5; 10; 11; 13–16], который выявил следующие значения *right away* (см. табл. 2).

Как видим, в представленных выше словарях наречие *right away*, главным образом, трактуется как *безотлагательно / без промедлений / задержки (without delay / pause)*, без колебаний (*without hesitation*). Кроме того, важно обратить внимание на то, что *right away* определяется через другие наречия: в четырех словарях – посредством лексемы *immediately*, в трех – наречием *at once*, в словаре The Collins English Dictionary указано также наречие *promptly*. Семантика наречий, использованных в словарных дефинициях наречия *right away*, по нашему мнению, сложна и контекстуально зависима. Исходя из данных дефиниций, однозначно можно выделить только одно значение – *безотлагательность / незамедлительность*, предполагающее отсутствие временного промежутка. Итак, толковые словари не дают конкретного значения наречия, позволяющего отделить его от других, синонимичных ему наречий, в связи с чем возникает необходимость проанализировать широкий спектр дискурсивных ситуаций на предмет выявления конкретных временных отношений, репрезентируемых наречием *right away*.

С целью конкретизации семантического содержания темпорального наречия *right away* был проведен контекстуальный анализ высказываний, представленных в корпусе BNC. В рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением наречия *right away* только в одном регистре – художественная проза (*fiction*). Это обусловлено следующими причинами: во-первых, *right away* в данном регистре обладает наибольшей частотностью; во-вторых, два семантически близких *right away* темпоральных наречия (*immediately, instantly*) из синонимического ряда, упомянутого выше, были нами ранее исследованы также в регистре художественной литературы [1], что, в свою очередь,

позволило получить более объективные результаты при их предварительном сопоставлении.

В результате контекстуального анализа более 150 высказываний было установлено, что в регистре художественная литература, наряду со значением:

1) «безотлагательность / незамедлительность», четко выводимым из словарных дефиниций, наречие *right away* также актуализируется в таких значениях, как

2) «быстрота / мгновенность»;

3) «сразу / разом – целиком, в один прием»;

4) «сразу – с первого раза, с первой попытки»;

5) «сразу после другого события».

Наиболее частотной является манифестация наречием *right away* значения *безотлагательность / незамедлительность*, в котором акцент делается на том, что выполнение действия не может быть отложено на более поздний срок. В высказываниях, актуализирующих данное значение, присутствуют момент речи, понимаемый как точка отсчета временной оси [2, с. 72–79], и действие, которое должно быть осуществлено немедленно. В фокусе внимания в высказываниях с темпоральным наречием мгновенности *right away* находится расстояние между моментом принятия решения и потенциальным моментом осуществления действия. Восприятие говорящим / наблюдателем данного расстояния как *нулевого* может противоречить нашим энциклопедическим знаниям о мире, оно относительно, субъективно и касается особенностей концептуализации человеком данной конкретной ситуации, при этом само понятие *момента речи* представляет собой не точку, а некоторый период времени, который Р. Лангакер характеризует как *ограниченный процесс* [9, р. 286].

Анализ семантики высказываний с личным местоимением 1-го л., представляющих эгоцентрический контекст, позволяет сделать вывод, что данное расстояние между моментом принятия решения и потенциальным моментом осуществления действия концептуализируется как исключаящее какие-либо другие промежуточные действия и состояния. В таком случае мы снова отмечаем тесную связь значения наречия *right away* со значением наречия *immediately* (*without intervening time or space*, early 15c., from immediate + -ly; late 14c.; immediate from O.Fr. immediat, from L.L. immediatus *without anything*

between, from assimilated form of *in* – *not, opposite of* + *mediates to halve*, later, *be in the middle*, from L. *medius middle* [12]). Например:

- 1) I must go right away;
- 2) The compositions are always so bad I can only face them if I do so right away;
- 3) I have to see you right away.

Глаголы, имеющие в семантической структуре указание на начало действия (*start, leave, take*), к которым относится *go* в первом примере, действительно могут обозначать ситуацию, в которой расстояние между моментом принятия решения и потенциальным моментом осуществления действия является *нулевым*. Глаголы *face* и *see* (в значении *встретиться*) не содержат подобного указания (наряду с глаголами *come, tell* и др. в примерах ниже), и интерпретация второго и третьего высказываний целиком зависит от включения в них говорящим темпорального наречия *right away*, указывающего адресату на серьезность своих намерений.

На основании проведенного структурно-семантического анализа высказываний с наречием *right away* было установлено, что в регистре художественная проза оно употребляется со следующими группами глаголов, расположенными в порядке убывания частоты их встречаемости:

- 1) глаголы движения (42 примера из 155 в нашей выборке);
- 2) глаголы действия (32 примера);
- 3) глаголы чувственного восприятия (21 пример);
- 4) глаголы речи (19 примеров);
- 5) (фазовые) глаголы начала действия (17 примеров);
- 6) глаголы ментального восприятия (10 примеров);
- 7) (фазовые) глаголы окончания действия (5 примеров);
- 8) глаголы, обозначающие желание другого лица (4 примера);
- 9) глаголы, обозначающие действие-событие (2 примера);
- 10) глаголы, обозначающие изменение физического состояния (1 пример);
- 11) глаголы, выражающие ответную реакцию на другое действие, событие (1 пример).

Очевидно, что глаголы первых шести групп, наиболее часто представленных в выборке, содержат или могут содержать семантический компонент «начинательность» [4]. Так, фазовые глаголы,

ориентированные на начало действия, существенно превосходят по количеству глаголы, ориентированные на окончание/прекращение действия (17 против 5). Связь с началом действия, отмечаемая в большинстве представленных в BNC контекстов употребления наречия *right away*, возможно, обусловлена семантикой компонента *away*, имеющего пространственное происхождение и обозначающего удаление объекта на некоторое расстояние (вплоть до полного исчезновения) от точки отсчета. Точкой отсчета является в данном случае момент речи, а расстояние, концептуализированное как временной промежуток, может быть различным, в зависимости от обстоятельств экстралингвистической ситуации. Наличие указания на начало движения от точки отсчета (момента речи) у наречия и наличие семантики начинательности у многих глаголов, употребляющихся в контекстах с наречем *right away*, позволяют говорить об интенсификации в них данного компонента.

Безотлагательность, незамедлительность могут быть обусловлены:

- а) необходимостью совершения действия в силу каких-либо внешних обстоятельств, волеизъявления говорящего или иного лица,
- б) намерением незамедлительно, безотлагательно осуществить какое-либо действие.

Безотлагательность, незамедлительность в следующих высказываниях объясняется срочностью или срочной необходимостью совершения действия в силу каких-либо внешних обстоятельств:

- срочная необходимость операции

*He ought to go to Sanderstown **right away** and have an operation for arthrodesis by a proper orthopaedic surgeon;*

- оказания медицинской помощи

*We need a doctor **right away**!;*

- посещения в больнице близкого человека

*She hadn't told him what was the matter. Was that because it was really serious? Was Uncle Walter going to die? He didn't know what to do. Maybe he should phone his Mum. He had her work number. But the woman hadn't said it was urgent, that his Mum should go to the hospital **right away** or anything;*

- обращения к священнику в связи со смертью близкого человека

*Bess Halidon was dead <...> 'I must go for the priest' <...> I must go **right away**.*

В данных высказываниях, наряду с наречием *right away*, компонент *срочность* дополнительно грамматически усиливается глаголом *need* и модальными глаголами *must*, *ought to* и *should* и формально выделяется восклицательным знаком. Темпоральное наречие *right away* в контекстах, описывающих ситуацию срочности / срочной необходимости, соотносится с единичным целенаправленным действием, которое должно осуществиться в ближайшем будущем. Соответственно, в данном случае наречием *right away* задается предельно короткий срок, границы которого определяются моментом речи и временем осуществления действия. Функционирование *right away* с признаком *срочность / срочная необходимость* возможно как в диалогическом, так и в нарративном режимах, с преобладанием первого.

В ходе анализа были также выявлены случаи, где актуализация наречием *right away* значения «безотлагательность / незамедлительность» связана с идеей внешней необходимости, продиктованной волей говорящего или иного лица. В частности, *right away* входит в состав таких речевых актов, передающих необходимость, как:

- требование

*You can take that thing **right away!**; You can pack your bags and get out. Now. **Right away!***

- приказ

*Major Tzann wants to see you in his office, **right away!***

- готовность выполнить приказ / требование

*Of course dottore! **Right away!** Yes sir, **right away, sir!***

- угроза

*And let me assure you of something else – anyone who interferes with the smooth running of this place can pack their bags and get down the road **right away!***

В данных примерах категоричность требования, а также эмоциональность говорящего дополнительно подчеркиваются либо лексически – наречием *now*, либо пунктуационно-восклицательным знаком. Употребление глагола *want* в рассматриваемых высказываниях маркирует волеизъявление другого лица. Таким образом, здесь мы можем

наблюдать усиление эмоциональной коннотации темпорального наречия *right away*. Анализ примеров, иллюстрирующих семантический признак «незамедлительность выполнения действия по воле другого лица», выявил, что *right away* характеризует в них «точечные» действия, протяженность во времени которых минимальна, а временным ориентиром служит момент речи. В дополнение к сказанному выше следует отметить, что для данного семантического признака основным является диалогический режим употребления.

В целом, выражение наречием *right away* необходимости незамедлительно, безотлагательно совершить какое-либо действие доминирует в контекстах, описывающих какие-либо негативные события (обстоятельства, состояния). В частности, наряду с негативными ситуациями, представленными выше, были также обнаружены такие, как, например:

- болезнь животного

*I'll come **right away**. «...» I have to go. One of his sows is off colour;*

- расставание супругов

*You can keep the house, it's your house anyway, and you're fond of the garden. I would go **right away**, find a room somewhere and a job;*

- кризисное психологическое состояние – нервный срыв

*I think I was then as near to hysteria as I have been in the whole of my life.... I would lock my door and go **right away** and tell no one where I was,*

- внутренний дискомфорт как моральный

*Billy listened to Freddie the Nark with a growing sense of unease. «...» the plan the little shifty-eyed character was setting out made Billy want to get up and leave **right away**,*

- так и физический

*Was the phenomenon a new jet-lag deal, or the terminal mutiny of my whole bodybag? «...» Maybe I'd better wing out there **right away** and have them fix me up with a temporary;*

- смерть

*She was already dead when he got there! «...» He was very foolish not to tell the police **right away**.*

Актуализация темпоральным наречием *right away* намерения незамедлительно, безотлагательно осуществить какое-либо действие может быть проиллюстрирована следующими высказываниями:

*I'm going to drop it off **right away**; We'll go there **right away**; I'll go **right away**; I'll go, I'll go **right away**.*

Здесь, наряду с *right away*, намерение выражается и грамматически – с помощью временной формы Future Simple или конструкции *to be going to*.

Резюмируя сказанное выше, отметим, что на выражение наречием *right away* значения *безотлагательность/незамедлительность* указывают характер протекания коммуникативной ситуации, а именно, существенное преобладание диалогического режима над нарративным (более половины примеров), доминирование в контекстах настоящего и будущего времени над прошедшим, а также употребление дополнительных лексико-грамматических и пунктуационных маркеров.

Значительно реже встречаются факты манифестации наречием *right away* значения *быстрота/мгновенность*, соотносящегося с высокой скоростью выполнения действия за предельно короткий промежуток времени. В данном случае, акцент делается не на том, как скоро субъект приступает к осуществлению действия, как в семантическом компоненте *безотлагательность/незамедлительность* (т. е. через какое время / временной промежуток), а на том, как быстро он его выполняет (т. е. за какое время / временной промежуток), например: *After my tour, I didn't expect to hit top form **right away***; *They identified your ten ships **right away** and cheered back*. Необходимо отметить, что *right away* в значении «быстрота/мгновенность» способно задавать гиперболизированную ситуацию, выражающую ирреальную модальность, т. е. выполнение действия должно произойти настолько быстро, что в условиях реальной действительности фактически невозможно: *I'll drive over **right away**. Just you hang on and I'll be there*. В данном высказывании наречие *over* прямо указывает на наличие некоторого расстояния, которое предстоит преодолеть. Способность гиперболизировать ситуацию свойственна также ряду наречий в русском языке. В частности, по мнению Л. Г. Пановой, это присуще таким наречиям, как сейчас, сию минуту, сию секунду и характерно для разговорной речи [3].

Среди проанализированных нами контекстов было также выявлено несколько случаев употребления наречия *right away* в таких

значениях, как «сразу / разом – целиком, в один прием» (*There had always been a sympathetic ear for her clients, and she longed to pour out all her troubles right away*) и «сразу – с первого раза, с первой попытки», например:

*She knew she wouldn't manage it **right away**, but she felt fairly confident that with a great deal of practice and effort, she would succeed in the end.*

Выражение наречием *right away* значения «сразу после другого события» можно наблюдать в следующем высказывании: *Practically **right away**, after the accident.*

В то же время носители языка отмечают, что, используя в речи данное наречие, они допускают потенциальную возможность отложить выполнение действия, поскольку оно не требует безотлагательного выполнения, по сравнению, например, с наречием *right now*, которое характеризует безотлагательность более категорично: «*Right now*» *is strictly the present moment, but «right away» could involve a short delay* [17]. (*Right now* строго обозначает настоящий момент, в то время как *right away* может предполагать короткую задержку). Вполне вероятно, что трактовка значения наречия *right away*, спонтанно данная носителями языка в процессе интроспекции, является менее специфицированной, поскольку они приводят только однотипные ситуации, которые могут быть концептуализированы в высказываниях с данным наречием:

*If I'm busy, and someone comes and asks me for help, and I need a couple of minutes to finish my current project, I might say «I'll be with you **right away**»* [там же]. – Если я занят, и кто-то приходит и просит меня помочь, но мне нужно несколько минут, чтобы доделать свою работу, я могу сказать: «Я сейчас к тебе присоединюсь».

Корпусное исследование, как правило, позволяет проанализировать гораздо большее количество различных контекстов, также представляющих естественное использование языка многочисленными говорящими, что обеспечивает более надежные результаты.

Более половины высказываний с *right away* из рассмотренных нами (51% из 155 контекстов) являются эгоцентрическими, в частности, содержат такие эгоцентрики, как *I, you* и *we*, при этом более половины из этого количества с местоимением *I*:

*I thought, if **I** was going to find a husband with prospects, maybe **I** should start **right away** **I** wasn't getting any younger; **You** could see **right away** how*

*impressed the judges were! You don't need me **right away**, do you? 'We never start throwing things **right away**,' she joked lamely; We'll leave **right away**.*

Наряду с данными эгоцентриками, встречаются также такие эгоцентрические слова, как указательное местоимение *this*, пространственное наречие *here* и наречие времени *now*:

*He should know about **this right away**; Can you come over **here right away**? Can we go **right away now** for the ring?*

Кроме того, в ходе исследования было установлено, что с точки зрения грамматического времени в высказываниях с темпоральным наречием *right away* во всех вышеперечисленных значениях прошедшее время употребляется существенно реже, чем настоящее и будущее в своей совокупности.

Следует сказать, что предварительное сопоставление результатов исследования темпоральных наречий *immediately* и *instantly* с данными, полученными в ходе анализа наречия *right away*, выявило как наличие семантических различий между ними, так и особенностей концептуализируемых временных отношений, нашедших отражение в высказываниях с данными наречиями. В частности, установлена эгоцентрическая ориентированность темпорального наречия *right away*, несвойственная ни *immediately*, ни *instantly*. Наречия *immediately* и *instantly* чаще всего обозначают темпоральные отношения между двумя событиями, тогда как *right away* может осуществлять указание на безотлагательность одного действия, соотнесенного исключительно с моментом речи.

Так, структурный анализ контекстов, представленных в корпусе BNC в регистре художественная проза (fiction), выявил, что для темпорального наречия *right away*, главным образом, характерно употребление в конструкции *V + right away*, т. е. расположение после глагола или глагольной группы:

*You could tell **right away** he didn't want to know; I **must go** to Bradford **right away**; In this case I'm surprised that Stella hasn't had the sense to allow Bill to **take her to a doctor** in Hastings **right away**.*

Значительно реже наречие *right away* встречается в конструкциях с союзом *and*, в которых он соединяет однородные глаголы-сказуемые: *Verb + right away + and + Verb* (*I think, after the first shooting, Vecchi **went to Connie right away and told her Mahoney had been shot***

on your instructions) и Verb + (smb. / smth.) + and + Verb + right away (*Your uncle and I think you should get on a train and come down to us right away, darling, 'she said.*'). Следует отметить, что предглагольное расположение наречия *right away* также возможно, однако случаи употребления конструкции *right away + smb. + Verb* малочисленны: ***Right away I had to leave it to answer the telephone.***

Таким образом, на основе анализа эмпирического материала конкретизирована семантическая структура наречия *right away*, установлена его распределенность по регистрам, выявлены грамматические конструкции, в которых употребляется темпоральное наречие *right away*, и определено их семантическое наполнение. Особенности концептуализированных ситуаций, передаваемых в высказываниях с наречием *right away*, заключаются в следующем: в них часто присутствует единичное действие, непосредственно связанное с моментом речи, а сами ситуации представлены преимущественно в диалогах художественной прозы, содержащих дейктическое указание на лицо, место или время. Эти особенности обуславливают семантическую наполняемость конструкций с данным наречием, в первую очередь, на уровне ЛСГ глаголов с семантикой «начинательности», а также грамматическую структуру конструкций преимущественно в настоящем и будущем времени, содержащих модальные глаголы долженствования, глаголы волеизъявления и намерения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коробейникова, Н. Н.* Функционирование темпоральных наречий *immediately* и *instantly* в современной британской художественной литературе // Магистерские исследования: сб. науч. ст. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – С. 193–209.
2. *Кравченко, А. В.* Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 160 с.
3. *Панова Л. Г.* Наречия группы сразу ... немедленно ... сию секунду в нарративном и диалогическом режимах. – 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru> (дата обращения: 22.03.2014).
4. *Протогенова, О. С.* Способы обозначения начинательности в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1985. – 178 с.
5. *Хорнби, А. С.* Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа: в 2 т. – М.: Специальное издание для СССР, 1982. – Т. II M-Z. – 528 с.

6. *A New University English Grammar*. Грамматика современного английского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений / О. В. Емельянова, А. В. Зеленщиков, Е. С. Петрова [и др.]; под ред. А. В. Зеленщикова, Е. С. Петровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003. – 640 с.
7. *British National Corpus*. – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 22.03.2014).
8. *Corpus of Contemporary American English*. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения 22.03.2014).
9. *Langacker, R. W. Remarks on English aspect* // P. J. Hopper (ed.) *Tense-aspect: between semantics and pragmatics*. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1982. – P. 265–304.
10. *Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New Words Supplement*. – London: Longman, 2003. – 1668 p.
11. *Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus* [Electronic resource]. – URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 22.03.2014).
12. *Online Etymology Dictionary*. – URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения 02.05.2014).
13. *Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary*. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 1081 p.
14. *Random House Webster's Unabridged Dictionary*. – 2-nd ed. – New York: Random House, 2001. – 2230 p.
15. *The Collins English Dictionary: online version*. – URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 22.03.2014).
16. *The Oxford Advanced Learner's Dictionary: online version*. – URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 23.03.2014).
17. *Wordreference.com: language forums*. – URL: <http://forum.wordreference.com/showthread.php?t=2757962> (дата обращения: 02.05.2014).

УДК 81.00

Г. М. Костюшкина, Е. А. Шагланова

Костюшкина Г. М., д-р филол. наук, проф., каф. русский язык как иностранный МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: kostushkina@mail.ru

Шагланова Е. А., аспирант МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: shaganel80@mail.ru

КОМПРЕССИЯ ИНФОРМАЦИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА ЭКОНОМИИ В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВ РЕКЛАМЫ)

Языковая компрессия является мощным эффективным средством и способом проявления экономии в языке. Она обусловлена и самим законом речевой экономии, и требованиями жанра, и особенностями информационного носителя. Основными видами компрессии информации в рекламном тексте являются: аббревиация, телескопия, заимствования, эллипсис и номинативные предложения, тропы, специальная лексика, неологизмы и жаргонизмы.

Ключевые слова: компрессия; информация; экономия; аббревиация; телескопия; заимствования; эллипсис; тропы; специальная лексика; неологизмы; жаргонизмы.

Kostyushkina G. M.

Ph. D. (Philology), Professor, MSLU EALI; e-mail: kostushkina@mail.ru.

Shaglanova E. A.

Post-Graduate Student, MSLU ELI; e-mail: shaganel80@mail.ru.

COMPRESSION OF INFORMATION AS A MANIFESTATION OF THE LAW OF LANGUAGE ECONOMY

The compression of information is a powerful and effective means in manifestation of the law of economy in language. The compression is determined not only by the law of economy, but also by genre and informational particularities. The main types of language compression in publicity text are: abbreviations, telescopes, adoptions, ellipsis and nominative phrases, special vocabulary, neologisms, jargonizes.

Key words: compression; information; economy; abbreviations; telescopes; adoptions; ellipsis; special vocabulary; neologisms; jargonizes.

Активное проявление тенденции к конденсации средств выражения информации представлено на сегодняшний день широким распространением компрессированных сообщений. Развитие человечества в целом, внедрение новых технологий накладывают свой отпечаток на способы, манеру коммуникации и языковую культуру.

Современные условия повседневной речи, виртуального общения, сообщения в средствах массовой информации имеют тенденцию к экономии времени. Чтобы за короткий промежуток времени освоить предлагаемый объем информации, проанализировать, распространить или сохранить ее, человек вынужден прибегнуть к сжатию информации.

Языковая компрессия – универсальное явление во многих современных языках и проявляется оно на всех уровнях языковой системы. Существуют разные виды языковой компрессии (лексическая, семантическая, фонетическая), а также разные способы сжатия информации – редукция, ассимиляция, эллипсис, аббревиатура, телескопия, синкретизм, использование метафор и метонимии, использование иностранных слов и неадаптированных заимствованных компонентов и др. Особенно ярко и наглядно это явление можно проследить в сообщениях СМИ и в рекламных слоганах, для которых характерен ярко выраженный сжатый стиль подачи информации, что обусловлено специфическими целями и задачами данного жанра, а также его высокой стоимостью, малым физическим объемом и протяженностью.

К языковой экономии обращался еще древний мыслитель Аристотель, отмечая, что при желании говорить сжато следует употреблять имена вместо понятий [2, с. 180]. Системным изучением лингвистической экономии занимались [5; 35; 36]. П. Пасси выделяет два основных тезиса, первый из которых гласит о том, что «язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним», а второй – «язык постоянно стремится выделить то, что является необходимым» [5, р. 105]. Первый принцип используется с термином «поиски легких артикуляций», объясняя причины фонетических изменений. Утверждая, что язык постоянно стремится освободиться от лишнего и, кроме этого, еще выделить необходимое, П. Пасси видел в этом реализацию принципа лингвистической экономии. Необходимо также отметить, что именно П. Пасси поставил вопрос о неосознанности лингвистической экономии говорящим. Г. Суит так же, как и П. Пасси исследовал тенденцию языковой экономии в фонетике разных языков и сделал вывод, что ослабление и опущение конечных согласных в некоторых языках никак не влияют на понимание слушающим высказывания [35, р. 49].

Как видим, вопросами экономии в языке и речи отечественные и зарубежные лингвисты занимаются уже давно. Тенденция к экономии

речевых усилий признается универсальным фактором развития языков разных систем. В. Г. Адмони рассматривал экономию языковых усилий в грамматике [1], А. М. Пешковский – в диалогической речи [22], а Е. Д. Поливанов причину языковой экономии видел в «лени человеческой» [23]. Важно подчеркнуть, что в настоящее время изучение экономии главным образом распространяется на синтаксис – область языка, исследование которой началось по-настоящему только в XX в. Тенденция к экономии языковых средств является основной причиной активных процессов в языке, а это значит – причиной развития языка и главной движущей силой его эволюции.

В современной лингвистике сложилось два подхода к пониманию принципа лингвистической экономии: широкий и узкий. Широкий подход состоит в том, что экономным является любое явление в языке в синхронии и диахронии, ведущее к исчезновению новых форм и к совершенствованию языка как средства общения. Узкий подход – количественный, так как базируется на вариативности языковых средств, при которой языковые средства заменяются более экономными единицами. Широкое понимание характерно для языка как системы, а узкое – для речи [14, с. 11; 29, с. 212].

Таким образом, принцип языковой экономии проявляется в том, что говорящий осуществляет выбор языковых средств, при помощи которых он вступает в коммуникацию, и при этом выборе среди множественности или большой вариантности огромную роль играет их экономичность, которая позволяет в краткую, лаконичную форму вместить емкое содержание. Следует отметить, что экономия языковых средств – это не только экономия усилий со стороны говорящего, но и тенденция, направленная на быстрое и однозначное понимание информации слушающим. Это результат стремления современного общества к увеличению информативности текста за счет его структурного сокращения, а также стремления к экономии печатной продукции и времени устных сообщений. Поскольку устное сообщение протекает во времени, а время необратимо, то это сообщение должно быть ограниченным по длине, т. е. выбор слова или грамматической структуры должен проводиться в кратчайший срок. Этот выбор производится из наиболее употребительных, кратких, частых слов и грамматических структур, требующих наименьших человеческих усилий.

В современной литературе проблема компрессии информации представлена достаточно широко. Во многих источниках по вопросам

информации, теории познания, лингвистики и других отраслей знания часто для обозначения одного и того же явления разные авторы применяют разные термины: свертывание, сжатие, компрессия, конденсация, минимизация, упрощение, кумуляция, стяжение и т.п. Однако, используя разные термины для обозначения языковой компрессии, большинство исследователей подразумевают под ней возможность выражения определенного объема информации минимальными, лаконичными языковыми средствами. Результатом действия языковой экономии является краткость, предполагающая структурно-семантическую уплотненность текста, обладающего минимальной формальной структурой и максимальным (оптимальным) смысловым наполнением [14, с. 12]. Тексты, соответствующие одной и той же ситуации, могут быть структурно различными, но, очевидно, информационно тождественными. Сжатые тексты приобретают в наше время все большую популярность, поэтому сфера использования сжатия (компрессии) текста разнообразна. Рассматривая принцип языковой экономии на примере текста, следует отметить, что главная цель создания любого текста – сообщая информацию, воздействовать на реципиента. Любой текст содержит в себе определенную информацию, общее количество которой является его информационной насыщенностью. Информативность текста – это относительный показатель качества текста, так как степень информативности любого сообщения зависит от потенциального читателя, от степени смылосодержательной новизны сообщения для читателя. Так, информативность снижается, если информация повторяется, и, наоборот, она повышается, если текст несет максимально новую информацию [9, с. 231].

Рассмотрим наиболее часто используемые и встречаемые способы компрессии текста, которые относятся к разным видам языковой компрессии.

1. Аббревиация. Тенденция к языковой экономии на лексическом уровне особенно ярко выражена в сфере словообразования, которое тесно связано с другими уровнями языковой системы, так как результатом словообразовательных процессов является появление новых слов. Многие современные лингвисты выделяют в качестве самого активно действующего, используемого и продуктивного способа сжатия текста – аббревиацию, которая, являясь экономным способом словообразования, в языке выполняет компрессивную функцию, и именно поэтому она особенно активна в современном языке.

Основной процесс использования аббревиации можно датировать концом XIX в., а пик его широкого применения и употребления – это XX в., что можно объяснить развитием человечества и его продвижением в различных областях науки и техники, с новыми открытиями, с расширением международных, межкультурных отношений. Аббревиатуры пришли и в документацию государственных и общественных учреждений, а также в газеты, журналы и телевидение. Большинство лексических новообразований оказываются громоздкими и неудобными в употреблении, и именно аббревиации позволяют новым названиям и обозначениям дать более краткую, сжатую форму при полном сохранении значения. Они вживаются в язык и, более того, попадают в словарь определенного языка путем грамматикализации и начинают склоняться как обычные слова, например, аббревиатуры ВУЗ – «я учусь в ВУЗе», ГОСТ – «оформите по ГОСТу», МХАТ – «он работает во МХАТе», СПИД – «он заболел СПИДом» и т. д.

В последнее время в рекламных текстах встречается огромное количество аббревиаций технического и научного характера, а также аббревиаций, входящих в название брэнда или торговой продукции, например:

Большая страна смотрит Триколор ТВ **Full HD!** (эфир «Первого» канала, 2013 г.); ЛДПР (эфир канала «Ариг Ус», 2013 г.), **LG Digitally yours** (эфир «Первого» канала, 2012 г.); **KFC so good! I-twister** всего за 42 рубля! (эфир канала «Россия», 2013 г.); Новый тариф от БВК. «*Бесплатные минуты*» (эфир канала «Ариг ус», 2012 г.).

Широкое распространение аббревиаций в языке СМИ и в рекламных текстах продиктовано стремлением к экономии времени и пространства, а также способностью таких сокращений придать сообщению экспрессию и динамизм.

Суть языковой экономии применительно к аббревиатурам заключается в компрессии средств выражения и обобщённом восприятии содержательной стороны новых языковых единиц, в повышении коммуникативной функции языка. Аббревиация сокращает материальную оболочку коммуникативных единиц, увеличивая, тем самым, скорость поступления информации. Помимо средства экономии времени, речевых усилий говорящего, аббревиатура является и средством концентрации информации, ведь и полная, и аббревиатурная записи передают одну и ту же информацию.

2. **Телескопия.** Действие закона речевой экономии, тенденция к компактности и цельнооформленности породила телескопию, которая заключается «в объединении двух, связанных определительным отношением полнозначных слов с одновременным усечением одного из них или обоих, и в создании новой, единой формально и семантически монолитной единицы» [27, с. 5]. Как показывают примеры, в структуре телескопических единиц (разных языков) принцип экономии проявляется особенно ярко: **рация** (*радио* + *станция*), **био-ника** (*биологический* + *электроника*), **avionics** (*aviation* + *electronics*), **telephone** (*television* + *marathon*).

Исследуя причины компрессии и причины появления компрессивных способов словообразования, ученые используют разные термины для обозначения этого явления. За все время изучения телескопии лексические единицы, полученные в результате данного способа словообразования, называют телескопными словами [17, с. 14–21; 20, с. 66]; контаминациями [4, с. 238]; словами-слитками, словослияниями [19, с. 201; 11, с. 5–7]. Сам же способ создания новых слов называется такими терминами, как *блендинг* [1, с. 85], *контаминация* [21, с. 75; 16], *словослияние и телескопия (телескопические слова)* [18, с. 80; 28; 32, р. 86–105]. Следует отметить, что в настоящее время в литературе чаще используется все же термин «телескопия».

Телескопия является очень эффективным способом пополнения словарного состава разных языков. Известно, что телескопия – это один из древних способов словообразования, но в то же время наименее изученный, особенно в русском языке. Как отмечает В. М. Лейчик, этот способ словообразования появился в XI–XII вв. во французском языке, например: французское слово **sabot** – *сабо* произошло в результате наложения частей двух слов *savate* (стоптанный башмачок) + *bot* (ботинок).

Изучение телескопии в качестве лингвистического явления началось во II половине XX в. в ряде исследований [5; 30; 7; 33], в которых так и не была решена проблема относительно отграничения телескопии от смежных явлений, например, аббревиации. Некоторые авторы склонны считать, что телескопия – всего лишь один из новых видов аббревиации [13]. Это мнение неоднозначно, так как «нет четкой закономерности в использовании сочетающихся элементов слова: начало и конец нового слова как осколки словообразующих

основ могут обрываться где угодно, лишь бы получалось нечто удобное для воспроизведения» [8, с. 147]. Телескопия дает словообразованию большие возможности, так как при таком способе словообразования можно использовать не только отдельные слова и компоненты слов, которые сочетаются в новом созданном слове, но также можно использовать целые предложения и словосочетания, например: прокат кинофильма = **кинопрокат**, берегите уши! = **беруши**.

В разных источниках СМИ, а особенно в текстах рекламного характера мы все чаще наблюдаем использование телескопных единиц с иноязычным компонентом или словом, что является результатом активного межкультурного общения, научно-технического прогресса и отражает характер потребления и использования телескопических единиц современным обществом. Очевидна продуктивность использования таких словообразовательных элементов и слов латинского, греческого, английского происхождения, как: **анти-** (греч. *anti* – против) *антикоррупция*, *антивещество*, **мега-** (греч. *mega* – огромный) мегамаркет, мегапицца; **нео-** (англ. *neo* – новый) *неополитика*; **поли-** (греч. *poly* – множественный) **полимерный**; **моно-** (греч. *monos* – один) *монокомпонентный*; **би-** (лат. *bi* – двойной) *би-лайн*; **супер-** (лат. *super* – сверх, со значением высшего качества, главенства) *суперчеловек*, *суперэфективный*, *супергерой*; **макси-** (лат. *maxi* – большой) *максимойка*; **мульти-** (лат. *multum* – много) *мультимиллионер*; **нон-** (лат. *non* – не) *нон-стоп*; **веб-** (англ. *Web* – сеть) *вебмастер*; **а-** (греч. приставка со значением отрицания) *атипичный*, *аморальный*; **де-** (латинская приставка со значением преобразования, ликвидации) *деградация*; **шоу-** (англ. *show* – показ) *шоу-программа*; **контр-** (лат. *contra* – против) *контраргументация*; **эко-** (eco – от англ. *ecology* – экология) – *экотуризм*; **ультра-** (лат. *ultra* – сверх, крайний) *ультраконсервативный*, *ультралегкий*; **архи-** (греч. *archi* – со значением старший, высшая степень) *архиважно*; **гипер-** (греч. *hyper* – сверх, превышающий предел) *гиперинфляция*; **экс-** (лат. *ex* – бывший) *экс-супруг*, *экс-президент*.

Особенно активизировалось действие иноязычных морфем и слов с развитием рекламы (супергерой, суперцена, мегамаркет, мегавкус, мегапицца, *ультрамодемный*, *фильмы в режиме нон-стоп*, *биойогурт*, *экотуризм*, *экопродукт* и т.д.). Например:

*Планируете сбросить лишнее? Препараты **Турбослим** помогут справиться с причинами лишнего веса легко и быстро. Выбери свой **Турбослим!** **Турбослим** – номер 1 в похудении! [40].*

В данном примере название рекламируемого продукта создано путем сложения двух частей: приставки турбо и кальки английского слова *slim* – слим.

3. Заимствования. Заимствование слов – естественный процесс, который отражает политические, экономические, военные, культурные, научные отношения между народами в разные периоды истории. В современном русском языке огромное количество слов иностранного происхождения, которые на данный момент проникли уже во все сферы речепотребления. Прочно войдя в современное употребление, заимствования в силу некоторых причин заменяют слова языка-реципиента. Причины могут быть в следующем: заимствованное слово легче произносится, оно короче, прозрачнее в своей этимологии, конкретнее по семантике, то есть, если английское слово обозначает относительно новое для российской действительности понятие, описание которого средствами русского языка требует определенных усилий. Например, понятие *public relations* (PR) обозначает в русском языке связь с общественностью, но оно уже вряд ли вытиснится своим русским эквивалентом, тем более, что у него уже появилось производное слово *пиарщик* – специалист по связям с общественностью [10, с. 47].

Иностранная терминологическая лексика же является незаменимым средством лаконичной и точной передачи информации в текстах научного характера, предназначенных для узких специалистов. Однако необходимо отметить, что заимствования, закрепленные в определенных функциональных стилях речи, в современный период развития языка переходят из одного стиля в другой, т.е. заимствуются из одних в др. Например, сложившаяся на базе английского языка терминология вычислительной техники легко пополняется новыми терминами английского происхождения. А такие слова, как *байт*, *ворд*, *интернет*, *баннер* используются в речи людей, которые имеют дело с компьютерами, их становится все больше и больше, т.е. англицизмы из сугубо профессиональной сферы переходят в широкое использование. Причина таких переходов кроется во все той же экономии речевых усилий.

Приведем несколько примеров, которые показывают, что заимствования обладают высокой информативностью, следовательно, и способностью лаконичного выражения. Но, необходимо учесть то, что удачное использование заимствований в этих двух целях зависит от знания иностранного языка и специальной терминологии адресатом. Вот почему иностранная лексика используется чаще в рекламных текстах, адресованных молодежной аудитории, студентам и бизнесменам, знающим иностранный язык, и тем, кто следит за техническими новинками:

Передовые технологии от Sony, последняя версия Android, бесподобно тонкий корпус. Только в новом Xperia Arc от Sony Ericsson. Только в «Связном» [40]; Удивляй! С ярким сенсорным телефоном Samsung Ultra Touch [там же].

В приведенных примерах слова иностранного происхождения присутствуют не только в названии товара, но и как технические термины, характеризующие рекламируемый объект. В первом случае это слово из компьютерной сферы *Android*, что в переводе с английского дословно означает человекоподобный робот, но, в данном контексте употреблен для обозначения операционной системы для мобильных устройств. Прилагательное *сенсорный* – от англ. *sensor* (датчик, чувствительный элемент) использован для обозначения характеристики мобильного телефона, у которого **сенсорный экран** – устройство ввода информации, представляющее собой экран, реагирующий на прикосновения к нему.

4. Эллипсис и номинативные предложения. Синтаксические построения в современном языке становятся все более фрагментарными, расчлененными, а формальные связи слабеют и становятся свободными. Это повышает роль ситуации и контекста, имплицитных средств выражения связи в тексте. В результате мы имеем словесную сжатость синтаксических единиц и, соответственно, их смысловую емкость, которые выражаются такими способами сжатия, как эллипсис, умолчание, бессоюзие, парцелляция, они широко используются в стилистических и прагматических целях. Существование эллипсиса возможно благодаря речевому единству – связь, которая существует между словами, предложениями во время речевого процесса, здесь большую роль играют контекст и ситуация. На этой основе возможно различие контекстуального и ситуативного эллипсисов.

В контекстуальном эллипсисе пропущенные компоненты могут быть легко восстановлены, следуя контексту:

When were you here last? – Yesterday morning. – Когда ты был здесь в последний раз? – Вчера утром.

Эллипсис реагирующей реплики прямо отвечает на вопрос спрашивающего, при этом поддерживая связность текста. В ситуативном эллипсисе непринужденная обстановка общения дает возможность назвать лишь самые важные элементы разговора: *thank you, glad to see you* вместо *I thank you, and I am glad to see you*.

Язык СМИ и рекламы стремится к динамичности, броскости, которые и достигаются предельно краткими предложениями с пропуском избыточных в информационном отношении слов. Вот почему рекламные тексты и слоганы строятся в основном с помощью подобных конструкций, в качестве примера можно привести следующие рекламные слоганы:

Nissan. Превосходя ожидания; Назувин. Для носов и носиков [37].

Таким образом, эллипсис – базовое явление в естественном языке, отражающее одну из ключевых тенденций в языке – принцип экономии. Будучи особенно характерным для разговорной речи, эллиптические предложения даже и вне диалога придают высказыванию краткость, живость, выразительность и динамичность.

Номинативные предложения как способ компрессии используются практически во всех видах текстов. Номинативные предложения – это односоставные предложения, главный член которого, обозначающий наличие, существование предмета или явления в настоящем или вне времени, выражен именем существительным, личным местоимением, субстантивированной частью речи, которые имеют форму именительного падежа. Примеры таких предложений очень часто встречаются в жизни, в быту: *Парикмахерская* – номинативное назывное предложение с названием учреждения, написанное обычно на вывесках, говорит о том, что здесь (там) находится, размещается парикмахерская; *Февраль. Предрасветная синяя тишина* – номинативное предложение бытийное (экзистенциональное), утверждающее наличие называемого предмета, явления [25, с. 236]. Номинативные предложения очень часто встречаются в рекламных текстах, где они используются, чтобы в лаконичной форме подчеркнуть уникальность и качество рекламируемого товара. Например:

Braun. Качество. Надежность. Дизайн; Dior; Volkswagen. Das Auto; Окна Мира. Мировые окна! [38].

Номинативные предложения, содержащие указания на наличие, существование тех или иных предметов или явлений, давая отдельные детали в виде ярких штрихов, имеют описательный характер и отличаются большой смысловой емкостью, выразительностью, наглядностью и живостью изложения. Поэтому рекламодатели используют их при описании услуг или в рекламе бытовой техники:

М-видео. Всегда с Вами; Новый духовой шкаф Hotpoint Ariston. Высокие стандарты приготовления [40].

5. Тропы. Немалую компрессивную функцию в тексте выполняю стилистические тропы. Существует большое многообразие тропов с таким же огромным функциональным потенциалом. Важнейшими из них являются: метафора, олицетворение, гиперболы, синекдоха, эпитет, литота, метонимии и др. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. Наиболее адекватное лингвистическое описание эмоций, по их мнению, это описание через метафоры, в которых эмоции концептуализируются в языке [34, р. 295]. Как правило, в тех случаях, когда прямое объяснение какого-либо явления по той или иной причине невозможно, говорящий использует различные окольные пути, обращаясь при этом к тем знаниям, которые, по его предположению, уже имеются в опыте адресата. Более того, метафора создает компактность и образность употребления слов. Именно эта характерная черта, а также специфика человеческой памяти запоминать быстрее то, что в форме метафоры, а не в сухом рациональном изложении, позволяет использовать метафору в рекламных текстах, например:

«Мотилиум» – мотор для вашего желудка; «Лада» – ключ к дорогам России; Orion Choco pie. Минуты нежности.

Создание данных рекламных текстов основано на сходстве между двумя предметами или явлениями, при этом, сходство может основываться на самых различных чертах [6, с. 100].

В случае олицетворения объект получает осязаемую предметность и как бы включается в сферу нашей жизни, при этом сохраняет лаконичность выражения, что нашло свое частое и успешное использование в рекламе:

«Вискас» знает и понимает кошек [37]; Новый Сорти легко отстирает чернила и краски, соки и кетчуп. В борьбе со сложными пятнами побеждают крошки Sorti! [40].

Использование гиперболы не только придает мыслям необычную форму и яркую эмоциональную окраску, но и несет оценочную функцию (чаще всего – положительное или отрицательное отношение), для усиления эмоционального воздействия на читателя. Гипербола часто встречается в языке СМИ, особенно в заголовках: В Улан-Удэ появились цветные деревья – один из заголовков к новостям в еженедельнике «Информ Полис» [24], конечно, в рекламе, так как «помогает создать более четкий рекламный образ, к ней обращаются, стремясь кратко подчеркнуть особые свойства объекта, его исключительность»:

Кроссовки Adidas. Контроль над стихией; Жевательная резинка «Стиморол». Вкус на грани возможного! [6, с. 99]; 200 % цвета в новой помаде от AVON [37].

Эпитеты «наиболее действенны в рекламе», так как способствуют созданию образа товара, ведь определения товаров и услуг должны вызывать конкретные ассоциации, представления:

Milka. Сказочно нежный шоколад; Элегантная встроенная техника существует. Доказано Zanussi [6, с. 97].

Часто, встречаясь в рекламе предметов роскоши, парфюмерии, косметики, эпитеты используются для описания результата использования товара и призваны «обольстить» потребителя.

Сравнение уподобляет один предмет другому на основании общего у них признака, в русском языке оно выражается: творительным падежом: *Снежная пыль столбом стоит в воздухе* (Горбатов); формой сравнительной степени прилагательного или наречия: *Ты красивей спору нет ...* (Пушкин); оборотами со сравнительными союзами: *Внизу, как зеркало стальное, синегот озера струи* (Тютчев); лексически (при помощи слов *подобный, похожий* и т. д.): *Ее любовь к сыну была подобна безумию* (Горький) [25, с. 26]. В рекламе широко используется сравнение, которое придает тексту оригинальное звучание, экспрессию, позволяют легко сделать комплимент объекту описания и даже преподнести его лучшим в своей категории товаров, при этом сохраняя лаконичную форму выражения. Например:

Swarovski. Чистые, как любовь; Pall Mall. Мы такие же яркие, как вы [6, с. 98]; *Vanish. Больше, чем отбеливатель* [37].

Итак, тропы, являясь важнейшим атрибутом творчества, рассматриваются нами не только как способ экспрессивного выражения, но и как прием компрессии текста, которые в совокупности призваны манипулировать массовым сознанием.

6. Специальная лексика, неологизмы и жаргонизмы. Специальная лексика занимает внушительный объем в языковой системе и в современной языковой ситуации наблюдается терминологическая экспансия, и возрастает их коммуникативная роль. Изобилие разного рода терминологии мы каждый день встречаем в средствах массовой информации, и человек, согласно современному темпу и требованиям жизни, предположительно обязан знать и владеть элементарными понятиями из области политики, экономики, спорта и искусства. Изобилие специальной лексики говорит нам о том, что между терминами и обиходными словами стираются грани, укрепляется связь между научным и обыденным, изменяется сознание современного человека [26, с. 128]. В состав специальной лексики входят профессионализмы, которые служат для обозначения различных производственных процессов, орудий, сырья, выпускаемой продукции. Они являются средством точного и лаконичного выражения мысли, обозначения предметов, явлений и понятий. То же самое касается и техницизмов – узкоспециальных наименований, применяемых в области техники. Все перечисленные особенности специальной лексики позволяют говорить об их компрессивной функции. Термины точно воссоздают определенный колорит, обстановку, лаконично и емко передают информацию, избавляя нас от передачи всего контекста, так как в основе каждого термина обязательно лежит определение (дефиниция) обозначаемой реалии. Использование специальной лексики в художественной литературе, в языке СМИ, кроме стилистической окраски, имеет и компрессивную функцию, например, терминологическое выражение ликвидные активы может быть заменено только длинным описательным оборотом: выданные банком кредиты, возврат которых в указанный срок не подлежит сомнению и обещает доход [26, с. 133].

Таким образом, терминологическая лексика, как никакая другая, информативна, и ввиду общей терминологизации современной речи, среди областей ее употребления значится и рекламный слоган.

Например, в следующем слогане телерекламы компании Самсунг: *Samsung с технологией Eco Bubble гарантирует проникновенную стирку* [40] предлагается использовать технологию, называемую *Eco Bubble*, благодаря которой белье тщательно и деликатно стирается пеной, а не просто растворенным в воде моющим средством [31].

Как еще один способ компрессии текста выделяются жаргоны как социальная разновидность речи, которая, в отличие от общенародного языка, характерна специфическая (нередко экспрессивно переосмысленная) лексика и фразеология, а также особое использование словообразовательных средств. Лексика жаргона строится путем переосмысления, метафоризации, звукового искажения, усечения, а также активного освоения морфем и слов англо-американского происхождения, например: *круто, тусовка, предки; фан* – поклонник; *баксы* – доллары США, валюта; *сухой* – самолет СУ-24 и др.

Для современной языковой ситуации характерно резко расширившееся использование жаргонизмов. Большая их часть нацелена реализовать определенную стилистическую функцию, но, кроме этого, они могут стать приемом компрессии текста. Особенно это касается молодежного жаргона, или сленга (от англ. *slang*), который популярен в молодежной среде студентов, учащихся: *общага* – общежитие, *стипон* – стипендия, *пара* – лекция или занятия, *шпоры* – шпаргалки, *хвост* – несданный экзамен или зачет и др. Они распространены в устной речи и придают ей экспрессию и лаконичность. Но жаргонизмам свойственна подвижность в языке – миграция из одной лексической группы в другую, и в связи с этим их можно встретить и в художественной литературе, и в публицистике, и в языке СМИ, и в рекламных текстах. Например, в рекламе хорошо известного стирального порошка «Tide» («Тайд») мы часто слышим: *Чистота – чисто Tide*, где «наречие» чисто выступает одновременно в своем непосредственном качестве, обозначая отсутствие грязи, и в качестве жаргонизма, семантически эквивалентного словосочетанию «говорить правду» [15, с. 143].

Неологизмы также могут быть использованы в целях компрессии. Каждая эпоха обогащает язык новыми лексическими единицами. В рекламном слогане *Фруктовый, вкусный, молочный, полезный. Фругурт. Весна со вкусом фругурт* [40] лексический неологизм фругурт, обозначающий новый питьевой молочный напиток, был создан посредством стяжения двух слов фрукт и йогурт.

Таким образом, языковая компрессия является мощным, эффективным средством и способом проявления экономии в языке. Это явление носит универсальный характер. Языковая компрессия информации обусловлена и самим законом речевой экономии, и требованиями жанра, и особенностями информационного носителя. В процессе компрессии информации упрощается как порождение высказывания/ текста, так и его обработка и понимание реципиентом, что обусловлено компактностью, лаконичностью, информативностью и экспрессивностью языковых единиц в тексте/речи за счет элиминации тех компонентов, которые могут быть восстановлены из невербальной части текста, без потери необходимой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1955. – 392 с.
2. Античные теории языка и стиля / под ред. О. М. Фрейденберг. – М.–Л.: Госсосоэкономиздат, 1936. – 343 с.
3. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка. – М.: Наука, 1959. – 85 с.
4. Бельчиков, Ю. А. Контаминация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 238.
5. Берман, И. М. О «вставочном» типе словообразования // Вопросы языкознания. – 1959. – №2. – С. 104–107.
6. Бернадская Ю. С., Марочкина, С. С., Смотрова, Л. Ф. Основы рекламы. – М.: Наука, 2008. – 281 с.
7. Борисенко, И. И. Телескопия в современном английском языке // Вопросы языковой структуры (исследования по романо-германской филологии): сб. ст. – Киев: Вища школа, 1976. – 253 с.
8. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
9. Валгина, Н. С. Теория текста: учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
10. Добросклонская, Т. Т. Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник МГУ. Сер.19. – 2005. – № 3. – С. 38–54.
11. Егорова, К. Л. О так называемом телескопическом словообразовании // Филологические науки. – 1985. – №5. – С. 56–60.
12. Есперсен, О. Философия грамматики. – М.: Иностран. лит-ра, 1958. – 404 с.
13. Земская, Е. А. Как делаются слова. – М.: Иностран. лит-ра, 1963. – 91 с.

14. *Зими́на, Л. О.* Принцип экономии в современной рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2007. – 20 с.
15. *Костина, А. В.* Эстетика рекламы. – М.: Вершина, 2003. – 304 с.
16. *Лаврова, Н. А.* Понятие контаминации: форма и содержание // Вестник МГЛУ. Сер. Актуальные проблемы современной английской лексикологии. – М.: Рема, 2008. – Вып. 552. – С. 44–53.
17. *Лейчик, В. М.* Об одном малоизученном способе словообразования («Телескопные слова» современного французского языка) // Филологические науки. – 1966. – №3. – С. 14–21.
18. *Лейчик, В. М.* Люди и слова. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
19. *Мурадян, А. Ю.* Словослияние в современном английском языке (специфика, динамика, теория): автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1978. – 26 с.
20. *Омельченко, Л. Ф.* Телескопия – один из малоизученных способов глаголообразования современного английского языка // Филологические науки. – 1980. – №5. – С. 66–71.
21. *Пауль, Г.* Принципы истории языка. – М.: Иностран. лит-ра, 1960. – 500 с.
22. *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
23. *Поливанов, Е. Д.* Где лежат причины языковой экономии? // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия / сост. Ф. М. Березин. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 51–56.
24. *Родионова, Т.* В Улан-Удэ появились цветные деревья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infpol.ru/news/667/166200.php> (дата обращения: 11.07.2013).
25. *Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А.* Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. – М.: Оникс: Мир и Образование, 2008. – 624 с.
26. *Солганик, Г. Я.* Практическая стилистика русского языка: учеб. пособ. для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2010. – 304 с.
27. *Сухова Е. А.* Эволюция видов лексической компрессии в истории функциональных стилей французского языка (на материале языка прессы): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 202 с.
28. *Тарасова, Л. А.* Словообразовательные способы нерегулярного сокращения морфов в современном английском языке (на примере телескопии). – Ашхабад, 1989. – 82 с.
29. *Тихомирова, О. В., Милеева, М. Н.* Фонетическая компрессия и ее проявление в деловом английском языке // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. – 2008. – Вып. 3. – С. 212–217.

30. Чаадаевская, Е. И. О «вставочном словообразовании» // Вопросы языкознания. – 1961. – №4. – С. 140–142.
31. Что такое *Eco Bubble* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.samsung.com/promo/ecobubble/> (дата обращения: 10.08.2013).
32. Bakaradze E. Principle of the least effort: Telescopic wordformation // International Journal of Arts and Sciences. – 2010. – № 3 (16). – P.86–105.
33. Dubois J. Etude sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporain. – Paris: Larousse. 1962. – 118p.
34. Lakoff G., Johnson, M. Metaphors: We Live by. – Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1980. – 242 p.
35. Passy P. Etudes sur les changements phonétiques et leurs caracteres. – Paris: Firmin-Didot, 1890. – 270 p.
36. Sweet H. History of the English sounds from the earliest period. – Oxford: Clarendon Press, 1888. – 409 p.
37. Эфир телеканала «Первый» (дата обращения: 2011–2013 гг.).
38. Эфир телеканала «Россия» (дата обращения: 2011–2013 гг.).
39. Эфир телеканала «Ариг Ус» (дата обращения: 2011–2013 гг.).
40. *Telead.ru*, Ваша любимая телереклама [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.telead.ru> (дата обращения: 2011–2013 гг.).

УДК 81

Е. А. Борисова

соискатель каф. теоретической и прикладной лингвистики МГЛУ ЕАЛИ;
специалист по учебно-методической работе отдела довузовской подготовки
МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: Stepanenko.Katarina@gmail.com

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЖЕСТОВ КАСАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается тактильное взаимодействие людей как компонент процесса коммуникации и его репрезентация в современном английском языке посредством глаголов, номинирующих жесты касания. В статье анализируются вербализованные жесты касания и их роль в коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: тактильное коммуникативное поведение, жесты касания, семиозис, невербальный знак, невербальная семиотика, соматические объекты, номинации.

Borisova E. A.

Post-Graduate Student MSLU ELI; e-mail: Stepanenko.Katarina@gmail.com

VERBALIZATION OF TOUCH GESTURES IN MODERN ENGLISH

The article deals with the research of tactile interaction as a component of human communication and its representation in modern English with the help of verbs which nominate touch gestures. The article presents the analysis of verbalized touch gestures and their role in the communicative situations.

Key words: tactile communicative behavior, touch gestures, semiosis, nonverbal sign, nonverbal semiotics, somatic objects, nominations.

Касания сопровождают человека всю его жизнь, пронизывая сложный социально-психологический процесс коммуникации, который является одной из основ существования любого социума. За касаниями как кинетической формой поведения стоит огромный культурный пласт, который уходит в далекое прошлое [3, с. 330–348], он объединяет людей в единое целое, обеспечивает согласованность их усилий, делает возможным сохранение и передачу последующим поколениям групповых норм, традиций, т. е. социального опыта. Сферу употребления касаний образуют разные по своему характеру ситуации общения. Касания, с которыми человек сталкивается каждый день на протяжении всей жизни, входят в сферу бытового общения и нередко играют важную роль в человеческом взаимодействии, так

как несут дополнительную информацию, значимую для процесса общения [18; 14; 2].

Движения тела и выражения лица всегда находятся в поле внимания: пока человек находится в ситуации общения и может быть наблюдаем другим человеком, «он демонстрирует смыслы, хочет он этого или нет» [1, с. 39]. В самом общем смысле всякое поведение можно рассматривать как коммуникативное, поскольку его можно представить как сообщение (текст), имеющее адресанта и адресата [9]. Р. Бирдвистел в своей работе «Kinesics and Context» также употребляет слово «behavior» (поведение), описывая сферу движений человеческого тела [14]. Таким образом, движения становятся семиотически значимой частью невербального поведения человека, и тактильное поведение человека интерпретируется как определенный коммуникативный код, способствующий общению и пониманию людей [10]. Люди общаются между собой не только при помощи слов, но и посредством телесных движений. Интерес к проблемам коммуникативного поведения, соотношению невербальных языковых кодов с естественным языком обусловил появление работ Н. Д. Арутюновой, Г. В. Колшанского, Г. Е. Крейдлина, Е. С. Кубряковой, Н. Б. Мечковской, Т. И. Семеновой, Ю. С. Степанова, П. Экмана (P. Ekman), Р. Бирдвистела (R. L. Birdwhistell) и др., посвященных исследованию различных аспектов сложных процессов человеческой коммуникации. Семиотика касания представляет собой область невербальной семиотики, предметом которой является изучение коммуникативно-значимых касаний и закрепленных за ними номинаций [4; 11].

Процесс, в котором нечто функционирует как знак, называется семиозисом. Семиозис включает три фактора: 1) то, что выступает как знак (знаковое средство, sign vehicle); 2) то, на что указывает знак (десигнат, designatum); 3) воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком (интерпретанта, interpretant). В качестве четвертого фактора также может быть введен интерпретатор (interpreter) [8, с. 47]. Акты семиозиса обнаруживаются в повседневной жизни человека, когда он осмысляет, интерпретирует различные явления внешнего мира, поведение окружающих его людей, выражение их лиц, интонацию. Способность интерпретировать вещи и ситуации как знаки, и, следовательно, осваивать мир уже не только на материальном, сенсомоторном уровне, ярко

свидетельствует о том, что сам процесс понимания мира требует семиотической компетентности людей [5, с. 97].

Движениям тела, как отмечает Н. Б. Мечковская, свойственна онтологическая противоречивость, которая заключается в том, что в норме неконтролируемые физические, физиологические движения (*потирать руки, кашлять, вставать, садиться*) не имеют семиотической функции; человек совершает их не для того, чтобы выразить некоторый смысл, а для реализации физических и физиологических потребностей. Стремление человека к «перцептивному прочтению мира» обуславливает семиозис, который постоянно идет в мире движений тела: незнакомые явления начинают трактоваться как симптомы; симптомам приписывается конвенциональность [6, с. 377]. С точки зрения семиотики Н. Б. Мечковская выделяет в обыденной жизни три класса движений тела: психологически нерелевантные (незначимые), знаки-симптомы и знаки-кинемы [7, с. 137]. Три названных класса движений тела соответствуют трем первым предъязыковым ступеням семиозиса (знакообразования): а) нулевая степень знаковости: физическое движение равно самому себе, т.е. оно совершается с утилитарной, а не с информационной целью и не является для окружающих источником сведений о внутреннем состоянии субъекта соответствующего действия; б) минимальная, но не нулевая степень знаковости, для которой характерны знаки-индексы (симптомы): непровольное, нецеленаправленное физическое действие является частью или проявлением другого действия или состояния и поэтому может быть источником информации о субъекте действия или состояния; в) более высокая степень знаковости: явления кинезики, т.е. телодвижения (или специальные позы, жесты, мимические движения), каждое из которых в данном социуме имеет узуальное значение и используется в качестве конвенционального носителя данного содержания [6, с. 378].

Г. Е. Крейдлин также отделяет утилитарные, незначимые движения человеческого тела от жестов-эмблем, способных передавать смысл независимо от вербального контекста. Эмблемы ученый подразделяет на коммуникативные (дейктические, этикетные, общие) и симптоматические [4, с. 99]. Основным критерием отделения жестов от физиологических, чисто утилитарных движений человеческого тела, является знаковый характер жеста. Г. Е. Крейдлин под

жестом понимает движение телом (головой, глазами, руками, пальцами и т.д.), которое служит конвенциональным знаком [там же, с. 161]. В акте коммуникации невербальные компоненты способны выступать в качестве означающих тех денотатов, которые в данном контексте не требуют обязательных вербальных обозначений.

Единицы естественного языка выполняют метаязыковую функцию: они переводят семиотику невербального кода в систему вербального. Эмпирический материал показал, что в разных контекстах один и тот же глагол используется для номинации как физиологических, так и психологически релевантных движений. Психологически нерелевантные по отношению к участнику коммуникативного акта движения тела не являются коммуникативно значимыми, так как совершаются человеком для реализации физиологических потребностей, ср.:

The Scouse flicked over a page of his cowboy book and continued reading [15].

В примере выше представлена ситуация, в которой герой читает книгу. Перелистывание страниц книги не несет для наблюдателя-интерпретатора информации ни о внутреннем состоянии персонажа, ни о его коммуникативных намерениях.

Психологически значимыми являются движения тела, которые интерпретируются наблюдателем как выражение определенного чувства, эмоции, состояния, и эти движения концептуализируются как симптоматические жесты, ср.:

But his surprising disguise was noticed within seconds by the waiting photographers primed to snap him as he exited. And as they gave chase, he flicked his hair across his face in a bid to hide his manly stubble and chiselled jawline (GloWbE).

В представленной ситуации директор компании переоделся в женскую одежду и парик, чтобы не быть замеченным прессой. Однако план не сработал, и как только фотографы погнались за ним, директор быстрым движением поправил волосы, чтобы прикрыть мужественную линию скул, покрытую щетиной. В художественном тексте происходит вербализация невербальной ситуации, в данном случае глагол *to flick* является номинацией симптоматического жеста поправления волос, который выражает эмоциональное состояние героя, не желающего быть узанным и пытающегося спрятаться под париком.

Таким образом, жест поправления волос становится вербализованным жестом. Важно отметить, что интерпретация движения как экспрессивного жеста осуществляется адресатом – участником коммуникативной ситуации.

Коммуникативные жесты представлены движениями тела, которые направлены на конкретного адресата и несут ему информацию коммуникативного плана. В примере ниже описана ситуация привлечения внимания с помощью жеста касания, также вербализованного глаголом *to flick*, ср.:

And when I nodded, he flicked his fingers at a passing waiter. «Dos tequilas. What about you, Seor Rodriguez?» [15].

Как становится очевидным из примера выше, движение пальцами, которым гость подозвал официанта, выполняет функцию индексального жеста, направленного на конкретного адресата (в данном случае официанта) с целью сознательной передачи некоторой информации. Наблюдатель, в роли которого выступает официант, интерпретирует движение как коммуникативный знак привлечения внимания к посетителю.

Жесты касания вербализуются в английском языке такими глаголами, как: *bang* (ударять), *brush* (смахивать), *canon* (столкнуться), *canoodle* (ласкать, обниматься), *caress* (гладить), *chafe* (тереть), *clasp* (прижимать), *cling to* (цепляться), *grab* (хватать), *graze* (слегка касаться), *hammer* (сильно ударить), *handle* (держат в руках), *hug* (сжимать в объятиях), *knead* (мять, массажировать), *massage* (массажировать), *pir* (ущипнуть), *palpate* (ощупывать), *pat* (похлопывать, поглаживать), *pinch* (ущипнуть), *prick* (уколоть), *put your arms around* (обнять), *rap* (легко ударить), *rub* (тереть, растирать), *scratch* (царапать), *skim* (задевать), *stroke* (ласкать), *tap* (постукивать), *tickle* (щекотать), *touch* (трогать), *twiddle* (вертеть, крутить), *wring your hands* (тереть, скручивать руки от эмоций) и др. Анализ эмпирического материала позволил выявить около восьмидесяти подобных глаголов и глагольных выражений, номинирующих жесты касания.

В дефинициях всех глаголов, вербализующих жесты касания, содержится номинация самого движения, ср.: **clasp** – *to hold something tightly, closing your fingers around it* [20]; **deck** – *knock (someone) to the ground with a punch* [23]; **flick** – *to cause (something) to fly through the*

air by making a quick movement with your hand, finger, or thumb [22]. В ряде случаев дефиниции содержат коммуникативный смысл, который названное движение реализует в коммуникативной ситуации, ср.: **hug** – *to hold someone or something close to your body with your arms, usually to show that you like, love, or value them* [16]; **kiss** – *to touch someone with your lips, usually on their lips or cheek, as a sign of love or as a greeting* [21]; **nuzzle** – *to touch, rub, or press something or someone gently and/or in a way that shows your love, especially with the head or nose, usually with small repeated movements* [16]. Наличие в дефинициях вышеперечисленных глаголов семиотических связок *as a sign of, to show that, in a way that shows* эксплицирует семиотическую нагруженность движений, что позволяет рассматривать их как конвенциональные коммуникативные жесты, имеющие лексические номинации.

В дефинициях некоторых глаголов, номинирующих жесты касания, встречаются лексические единицы, обозначающие соматические объекты, такие, как: *arms, hand, fingers, part of someone's body, someone's muscles, someone's body* и др. Анализ исследуемой группы глаголов позволяет отнести их к соматическим глаголам, поскольку в семантике данных глаголов присутствует семантический компонент 'касаться тела или части тела', ср.: **knead** – *to press someone's muscles many times to help cure pain or to help someone relax* [21]; **pinch** – *to press someone's skin tightly between your fingers and thumb, so that it hurts* [20]; **stroke** – *to move your hand or fingers over part of someone's body in a gentle, loving way* [21].

В ходе исследования языкового материала также выделены глаголы, которые в своем первичном значении обозначают контакт с предметом, ср.: **rap** – *to hit something loudly and very quickly several times in order to attract attention*; **brush** – *to accidentally touch someone or something lightly when passing them*. Важно отметить, что в ситуации, когда объектом касания является часть тела, подобные глаголы сближаются по значению с соматическими глаголами, ср.:

*He told his teacher he had lost it on the way to school, and Mr. Watson promptly **rapped his knuckles** with a ruler for his carelessness* [15]; *When he **brushed his cheek against hers** or supported her waist in multiple pirouettes the sensual heat was unmissable* [там же].

В приведенных примерах глаголы *to rap* и *to brush* обозначают физический контакт с частями тела, в частности костяшками пальцев в первом и щекой во втором случае.

Анализ эмпирического материала из современной англоязычной литературы и корпусных данных позволил разработать классификацию вербализованных жестов касания, взяв за основу признак 'контакт с частью тела'. На основании этого признака выделены следующие категории жестов:

- 1) жесты, вовлекающие в процесс касания все тело;
- 2) жесты, вовлекающие в процесс касания как все тело, так и определенные его части;
- 3) жесты, вовлекающие в процесс касания только части тела.

Жесты, вовлекающие в процесс касания все тело, представлены глаголами и глагольными словосочетаниями, номинирующими жест объятия:

embrace, hug, cuddle, canoodle, enfold, fall into sb's arms, put your arms around, take sb in your arms и др., ср.: *She was sweet to Donny, baking him pies and chocolate-chip cookies and other good things, **hugging** and kissing **him** every time she saw him, and even tucking him into bed at night, like a little kid* [17].

В примере выше жест объятия, вербализованный глаголом *to hug*, направлен на тело в целом и вовлекает в процесс касания все тело, а не только определенную часть. Данный жест является коммуникативным, так как направлен на конкретного адресата и несет ему коммуникативный смысл выражения любви и заботы. В нижеприведенных примерах жесты касания номинированы глаголами *to cuddle* и *to embrace*, ср.:

*But his return reunited him with friend, Dougie Allen, who he has not seen for 60 years. When they met up again last night, «We **cuddled one another**», Mr Bright said [19]; Once we were in the main concourse, I put down my suitcase and turned to say goodbye. Jane and I **embraced**. «Good luck, girl,» she said. «I really hope there's something out there for you» [15].*

В первом случае жест объятия использован в коммуникативной ситуации встречи старых друзей, во втором случае объятие происходит во время прощания героев. Данные жесты не направлены на определенные части тела, а вовлекают в процесс касания все тело в целом.

Жесты, вовлекающие в процесс касания как все тело, так и определенные его части, номинируются глаголами

caress, hold, touch и др., ср.: *«I love **touching you**,» she said, clinging for a moment [15]; And I feel it. It's as if He's **touching me**, as if He is **caressing every inch of my skin** with his breath [17]; Some people were standing around her **holding her** as if to keep her from falling [19].*

Во всех приведенных выше примерах конкретные части тела не были указаны, что позволяет делать вывод о коммуникативном касании, направленном на тело в целом. В нижеследующих примерах представлены жесты касания, репрезентированные теми же глаголами, что и в предыдущих трех случаях, однако в данных ситуациях эти жесты вовлекают в процесс касания определенные части тела, ср.:

«What's happened up there?» Joe saw Dolly, blanket-wrapped, tumbled hair touching her bare shoulders. Her eyes looked enormous [15]; He was too busy caressing the sensitive skin at the base of my spine, where tiny hairs had begun to tremble [17]; Still holding her hand, they walked out of the school [19].

Исходя из анализа эмпирического материала, можно сделать вывод о том, что определенные вербализованные жесты репрезентируют вовлечение в процесс прикосновения как все тело в целом, так и определенные его части.

Жесты, вовлекающие в процесс касания только части тела, вербализуются при помощи глаголов и глагольных сочетаний *pat, rub, scratch, stroke, chuck sb. under the chin* и др., ср.:

«Don't be ridiculous» Arthur says, patting him on the shoulder gingerly [19]; «Well, I'd certainly call that a success,» Gregor Arcos crowed, rubbing his hands together with trenchant glee [17].

В представленных выше примерах жесты касания, вербализованные глаголами *to pat* и *to rub*, актуализируют коммуникативное касание только части тела. В первой ситуации жест можно рассматривать как коммуникативный, так как он направлен на конкретного адресата и представляет собой попытку успокоить говорящего. Во втором случае жест потирания рук является симптоматическим, так как выражает эмоциональное состояние удовольствия.

Эмоциональная составляющая коммуникации передается с помощью невербального тактильного поведения. Жесты касания часто отражают эмоциональное состояние исполнителя и его отношение к участникам коммуникации [7; 11; 13]. В языке такого рода жесты обычно номинируются глаголами, в семантике которых закреплена эмоциональная составляющая [12]. Анализ словарных статей глаголов, номинирующих жесты касания, позволил выделить три подкласса жестов касания в зависимости от семантики глагола: номинации жестов, связанных с выражением положительных эмоций, номинации

жестов, связанных с выражением негативных эмоций, и номинации жестов, нейтральных в плане выражения эмоций.

Языковым обозначением жестов касания, выражающих положительные эмоции, являются лексические единицы, в семантике которых закреплено положительное значение. В эту группу входят жесты, вербализованные глаголами и глагольными сочетаниями: *canoodle, caress, chuck sb. under the chin, cling to, cradle, cuddle, dandle, embrace, enfold, fall into sb's arms, fondle, gentle, gather, hold sb's hand, hug, kiss, neck, nestle, nuzzle, pat, pet, put your arms around, stroke, take sb. in your arms, tickle, u др.* Положительное значение данных глаголов и глагольных сочетаний подтверждается на лексикографическом уровне наличием в дефинициях таких лексических единиц, как:

*gently, in a loving, or sexual way, for comfort or support, in a friendly way, in a playful way, amorously, for pleasure u др. ср.: **cling to** – to hold on to someone or something very tightly **for comfort or support** [21]; **neck** – kiss and caress **amorously** [23]; **pat** – to touch someone **lightly** several times with the flat part of your hand, in order **to comfort** them or to show them that you are **pleased** [20].*

Жесты касания, выражающие негативные эмоции и негативное отношение к участнику коммуникации, репрезентируются в английском языке с помощью языковых единиц, в семантике которых закреплено отрицательное значение: *bang, butt, crush, deck, fiddle with, fumble (with), grab, hammer; jostle, kick, paw, rasp, slam, thump, twiddle, wring one's / your hands u др.* В дефинициях данных глаголов и глагольных сочетаний присутствуют лексические единицы с отрицательным значением:

*vigorously, destroy, damage, nervous or bored, with anger, awkwardly, roughly, violently, in an unpleasant way, unhappy, distress u др. ср.: **paw** – to feel or touch someone **roughly** with the hands, especially **in an unpleasant sexual way** [16]; **thump** – to hit someone **very hard** with your closed hand, especially on their body rather than on their face or head [20]; **wring one's / your hands** – clasp and twist one's hands together as a gesture **of great distress**, especially when one is **powerless** to change the situation [23].*

Жесты касания, которые не маркированы по признаку эмотивности, вербализуются глаголами, в семантике которых не закреплено ни положительное, ни отрицательное значение:

brush, cannon, catch, chafe, clasp, come into contact, dab, dig sb. in the ribs, feel, finger, flick, grasp, handle, hold, hang on, knead, knock, lick, massage,

nip, nudge, palpate, rap, rub, scratch, skim, tap, touch, и др. ср.: catch – to suddenly take hold of someone or something with your hand [20]; feel – to handle or touch in order to examine, test, or explore some quality [22]; rub – to move your hands or fingers quickly backwards and forwards over part of your body, while pressing down, especially in order to make a pain less severe [21]; touch – to put your fingers or hand onto someone or something [там же].

Проведенный анализ языковых номинаций жестов позволил сделать вывод о том, что, в основном, коммуникативные жесты касания имеют позитивную окраску, ср.:

A source told HollywoodLife: «They were sitting at a table in the back corner and they were canoodling, Justin ordered Heinekens and Selena drank vodka based cocktails. They were holding hands, kissing, and looked in love» [19].

О важности невербального тактильного поведения в ситуациях межличностного взаимодействия свидетельствует наличие репрезентативной группы языковых единиц, в семантике которых закреплена положительная коннотация актов касания. Как показывает анализ эмпирического материала, при негативных отношениях тактильное взаимодействие ограничено, и тактильный контакт происходит только при прямом выражении агрессии по отношению к адресату. Жесты касания, репрезентированные глаголами, в семантике которых заложено отрицательное значение, в основном являются симптоматическими и выражают физиологическое и эмоциональное состояние людей на момент совершения жеста, ср.:

«But y’are! You’re getting married! Get off me Chris!» She pushed hard and scrambled to get up, grabbing her things as quickly as possible before racing back to the dressing room [19].

В некоторых коммуникативных ситуациях такие жесты реализуют коммуникативный смысл выражения агрессии по отношению к адресату, ср.:

Jason sought help following an argument with his partner, Denise, in which she slapped her twice across the face and grabbed her by the throat [там же].

Глаголы, обозначающие контакт с предметом, не являются семиотически нагруженными, ср.:

I was tapping on the laptop in the saloon [19].

Однако, в зависимости от контекста, такие касания могут нести информацию симптоматического плана, ср.:

*She was **tapping her foot impatiently**, and kept glancing at her watch every ten seconds as if an hour would have passed in that short span of time [19].*

В данном случае касание становится семиотически значимым и может рассматриваться как симптоматический жест, выражающий нервозность. В случае, когда подобное касание в контексте несет информацию коммуникативного плана, оно рассматривается как коммуникативный жест, ср.: *I was trying to read when I **felt a tapping** on my shoulder* [там же]. Похлопывание по плечу в данной ситуации означает привлечение внимания.

Итак, в современном английском языке жесты касания вербализованы глаголами и глагольными сочетаниями, которые содержат в семантике компонент ‘касаться тела или части тела’. В ряде случаев данный семантический признак актуализируется в контексте с соматическими объектами. По признаку ‘контакт с частью тела’ вербализованные жесты обозначают вовлечение в процесс касания как всего тела, так и определенных его частей. Проведенное исследование подтверждает, что касание в коммуникативной ситуации может нести адресату информацию о том, в каком эмоциональном состоянии находится адресант, какое коммуникативное намерение он передает жестом касания. С точки зрения невербального проявления человеческой эмотивности выделяются номинации тактильных жестов, в семантике которых либо уже закреплено эмоциональное состояние, либо оно актуализируется в зависимости от коммуникативной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. –2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Колианский Г. В. Паралингвистика. – М.: Наука, 1974. – 80 с.
3. Крейдлин Г. Е. Движения рук: касание и тактильное взаимодействие в коммуникации людей // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна: Международный ун-т природы, общества и человека, 1999. – С. 330–348.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 582 с.
5. Кубрякова Е. С. О семиотически маркированных объектах и семиотически маркированных ситуациях в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр., посв. юбилею проф. Н. Н. Болдырева / под ред.

- Е. С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 95–101.
6. Мечковская Н. Б. На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна: Международный ун-т природы, общества и человека, 1999. – С. 376-393.
 7. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: учеб. пособие для студентов филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2004. – 432 с.
 8. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
 9. Николаева Т. М., Успенский Б. А. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М.: Наука, 1966. – С. 63–74.
 10. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – 237 с.
 11. Степанов Ю. С. Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 166 с.
 12. Федотова, О. В. Функционально-семантические особенности глаголов, репрезентирующих фрейм «прикосновение» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2007. – 22 с.
 13. Ю Е. Д. Репрезентация невербальных средств коммуникации в современном испанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2009. – 22 с.
 14. Birdwhistell R. L. Kinesics and Context. Essays on Body Motions Communication. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. – 338 p.
 15. BNC – British National Corpus. – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 21.01.14).
 16. CDO – Cambridge Dictionaries Online. – URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 12.01.14).
 17. COCA – Corpus of Contemporary American English. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 27.02.14).
 18. Ekman P. Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. – New York: Times Books Henry Holt and Company, 2003. – 285 p.
 19. GloWbE – Corpus of Global Web-based English. – URL: <http://corpus2.byu.edu/glowbe/> (дата обращения: 05.03.14).
 20. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – [Barcelona] Pearson Longman, 2005. – 1950 p.

21. *LLA* – Longman Language Activator. Helps you write and speak natural English (new edition). – Barcelona : Pearson Education Limited, 2002. – 1632 p.
22. *MWD* – Merriam-Webster Dictionary. – URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 15.01.14).
23. *OED* – Oxford English Dictionary. – URL: <http://www.oed.com> (дата обращения: 06.02.14).

УДК 811.58

А. Н. Сбоев

преподаватель каф. китаеведения Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета;
e-mail: sboevalexander@mail.ru.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКА СИНЬХУА»

С появлением Интернета и становлением его как средства общения произошли значительные изменения во всех языках мира, затронувшие все разделы языка, и китайский язык не стал исключением. *В данной статье на материале «Словаря Интернет-языка Синьхуа» рассматриваются тенденции развития лексики китайского языка, в частности Интернет-языка.*

***Ключевые слова:** Интернет-язык; неологизмы; Интернет-лексика; иносстранные заимствования; сложносокращенные слова; буквенные слова*

Sboev A. N.

Senior Lecturer, Far-Eastern Federal University; e-mail: sboevalexander@mail.ru.

TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF THE CHINESE VOCABULARY ON THE BASIS OF «XINHUA CHINESE INTERNET LANGUAGE DICTIONARY»

With the advent of the Internet and its establishment as the mean of communication, significant changes have occurred in all languages of the world. These changes influence on all aspects of the language, and Chinese is no exception. The article, based on materials of «Xinhua Chinese Internet language dictionary», focuses on the trends of the development of Chinese vocabulary in general, and the Internet language development in particular.

Key words: Internet language; neologisms; Internet-words; loan-words; shortened words; letter words.

Интернет оказывает влияние на многие сферы нашей жизни, его влияние проявляется и в языке, формируется интернет-язык. Интернет-язык – не отдельный вид языка, он создается на базе обиходного, повседневного языка общения, дополняя и развивая его. «Язык общения в Интернете сегодня становится все более и более разнообразным и постоянно изменяется. В связи с этим, несомненный интерес представляет тот факт, каким образом язык Интернета влияет на современный китайский язык» [3, с. 55]. В любом языке есть несколько разделов: фонетика, грамматика, лексика, развитие каждого из них

происходит неравномерно, но раздел, который больше всего подвержен изменениям и развивается быстрее других – это лексика. Как отмечает А. А. Хаматова, появлению большого количества иностранных заимствований, буквенных слов интернет-лексики способствовали характерные для XXI в. процессы глобализации, информатизации и интернационализации [5, с. 10]. Китайский интернет-язык содержит слова, записываемые иероглифами, цифры, буквенные слова, а также различные знаки препинания и другие символы.

Некоторые китайские лингвисты считают интернет-язык частью молодежного сленга. Так, например, Хуан Тао в работе «流行语与社会时尚文化» *liúxíngyǔ yǔ shèhuì shíshàng wénhuà* (Модные слова и общественно-популярная культура) выделяет отдельную главу «网络流行语» *wǎngluò liúxíng yǔ* (Модные слова Интернета) [8]. В «Словаре неологизмов Синьхуа» Интернет-термины также выделяются в отдельную главу [9]. В «Словаре современного китайского сленга» под редакцией Ли Шуцзюаня и Янь Лигана [2] включена некоторая Интернет-лексика. В тоже время у некоторых слов молодежного сленга, включенных в словарь, обозначены только новые значения, используемые в повседневной жизни, и не указаны новые значения, используемые именно при общении в сети интернет. Например, значение слова 雷 *léi* в данном словаре записано как «гром (метафорическое обозначение катастрофы, бедствия)», однако в интернет-языке это слово употребляется в ином значении – «шокирующий». Слово 嫩 *nèn* в интернет-языке используется для обозначения местоимения «ты», тогда как в данном словаре этому слову дается значение «молодой, неопытный».

В 2012 г. издательством «Шанью иньшугуань» выпущен «Словарь Интернет-языка Синьхуа», составителем которого является Ван Лэй [8] (далее: Словарь). Он содержит 2 946 лексических единиц. Из них 827 представляют собой буквенные слова (28,1 %), 482 – цифровые слова или словосочетания (16,3 %), 1 637 слов, записанных иероглифами (55,6 %).

Из 1 637 слов, записанных иероглифами, 94 односложных слова (5,7 %), 776 двусложных (47,4 %), трех- и более сложных – 767 (46,9 %), таким образом, мы отмечаем, что практически половина иероглифических слов данного словаря трех- и более сложные.

В словаре отмечены новые тенденции развития лексики китайского языка, так как Интернет является площадкой для распространения неологизмов и трансформации уже имеющейся лексики.

Указаны такие наречия степени, как 巨 *jù*, например, 巨囧 *jù jiǒng* (очень грустный), 巨搞笑 *jù gǎoxiào* (очень смешной), 巨漂亮 *jù piàoliang* (очень красивый), 暴 *bào*: 暴强悍 *bào qiánghàn* (очень дерзкий), 暴笑 *bào xiào* (очень смешной), 暴强 *bào qiáng* (очень сильный), 超 *chāo*: 超好 *chāo hǎo* (очень хорошо, замечательно), 超可爱 *chāo kě'ài* (очень милый), которые не распространены в нормативной речи, но широко используются в Интернете.

Отмечено появлений новых междометий, не имеющих широко-го распространения в нормативном языке, например, 切 *qiē* обозначает пренебрежение, презрение: 切, 这种人谁理会呀! *qiē, zhè zhǒng rén shuí lihuì ya!* (Да кто обращает внимание на таких людей!). 汗 *hàn* (обозначает попадание в затруднительное положение): 汗, 在歌厅遇到老师啦! *hàn, zài gētīng yù dào lǎoshī la!* (Ух, в караоке натолкнулся на учителя). А также появление новых модальных частиц, например, 滴 *dī*: 原来是这个样子滴! *yuánlái shì zhègè yàngzi dī!* (Оказывается вот оно как!). 滴 *dī* употребляется вместо *de* или 地 *de*. Частица 捏 *niē* или 涅 *niè*: 偶还没准备好捏! *ǒu hái méi zhǔnbèi hǎo niē!* (Я еще не подготовился как следует!) 捏 *niē* заменяет частицу 呢 *ne*.

Наиболее продуктивным словообразовательным суффиксом выступает суффикс 族 *zú*, в Словаре указано 51 слово с данным суффиксом. Этот суффикс может присоединяться к словам, записанным иероглифами, например, 围脖族 *wéibó zú* – не те, кто носит шарфы, а те, кто часто пользуются микроблогом (围脖 *wéibó* (шарф) омонимично слову 微博 *wēibó* – микроблог), 裸考族 *luǒkǎo zú* – те, кто идут на экзамен без повторения материала и должной подготовки. Также данный суффикс может присоединяться и к буквенным словам, например, 沃沃族 *VoVo zú* – люди, имеющие высшее образование, высокий доход, стремящиеся к свободной и комфортной жизни (образовано от первых двух букв слов «bourgeois» и «bohemian» – буржуазная богема), WINK族 *WINK zú* – девушки, имеющие доход, но не имеющие детей (может быть незамужняя девушка, разведенная или вдова), также WINK族 *WINK zú* может обозначать девушку, имеющую ребенка, но по каким-либо причинам не живущая с ним вместе (*WINK* – от *англ.* «women with income, no kids»).

На втором месте по продуктивности суффикс 客 *kè* (43 слова), например, 测客 *cèkè* – человек, выдвигающий определенные темы для обсуждения в чатах и форумах, чтобы изучить мнение людей. Суффикс

体 tǐ (17 слов) обозначает какой-либо стиль общения в интернете, например, 蜜糖体 mìtángtǐ – стиль общения в Интернете, при котором говорящий часто использует различные частицы, редуцированные слова, часто пишет смайлики и т. д. (蜜糖 mìtáng – мед). 党 dǎng (13 слов), например, PS党 PS dǎng – частые пользователи программы Photoshop, 群 qún (2 слова), например, QQ群 QQ qún – групповой чат в программе QQ. Также упоминается суффикс 门 mén, обозначающий какое-то скандальное событие. Например, 握资门 wòzīmén, этот скандал связан с компанией Apple: в 2010 г. после поступления в продажу iPhone4, многие обладатели телефонов жаловались на отсутствие сигнала сети, на что компания Apple ответила: «换个姿势握手机» huàn gè zīshì wò shǒujī (держите телефон и поменяйте положение). Таким образом, можно отметить, что словообразовательные суффиксы в китайском интернет-языке в большинстве случаев обозначают группу людей или отдельного человека.

Слов с префиксами в данном Словаре значительно меньше, чем с суффиксами, указываются префиксы 被 bèi и Е. Префикс 被 bèi обозначает безвыходность ситуации, беспомощность, например, 被就业 bèijiùyè – быть устроенным на работу (возможно против желания говорящего или без его согласия). Префикс Е встречается в таких словах, как Е产品 Echǎnpǐn – электротовары, электроника, Е教室 Ejiàoshi – аудитория с мультимедийным оборудованием и др.

В Словаре встречается 16 редуцированных слов. Большинство из них – это звукоподражания смеху. Например, 哈哈 kākā, 和和 héhé (вместо 呵呵 hēhē), 西西 xīxī (вместо 嘻嘻 xīxī).

Среди лексики, представленной в Словаре, присутствуют заимствования из английского, либо из японского языка. А. Л. Семенов указывает, что существуют две основные причины заимствования иностранных слов: необходимость выражения новых значений и потребность в обновлении лексической системы путем замены потерявших свою выразительность лексических единиц на новые более выразительные [4, с. 48]. В интернет-языке слова заимствуются именно для усиления выразительности. Например, 哈妮 hānī – от английского «honee» – милый, 哈皮 hāpí – от английского «happy» – радостный, веселый, 卡哇伊 kǎwāyī – от японского «可爱い» kawaii – милый, 欧巴桑 ōbasāng – от японского «おばさん» obasan – женщина средних лет, 纳尼 nàní – от японского «なに» nani – что? 素敌 sùdì – от японского «すてき» suteki – ободрять, хвалить.

Часть интернет-лексики создается благодаря большой степени омонимичности китайского языка. Так появляются слова 幽香 yōuxiāng вместо 邮箱 yóuxiāng (почтовый ящик), 斑竹 bānzhú вместо 版主 bǎnzhǔ (модератор) и др.

Часть лексики, входя в интернет-язык, может приобретать новые значения. Например, 恐龙 kǒnglóng (первоначальное значение – динозавр, в Интернете – некрасивая девушка), 青蛙 qīngwā (первоначальное значение – лягушка, в Интернете – некрасивый молодой человек) и др.

Для сокращения времени написания слов пользователи Интернета часто используют сложнокращенные слова. «Стремление к информативности речи – одна из сильнейших тенденций развития китайского языка, поэтому мы видим такое обилие сложнокращенных слов среди неологизмов» [1, с. 104]. Возникновение большого количества сложнокращенных слов является неизбежным развитием лексики языка. Основная функция этих слов – замена полных слов [7, с. 108], поэтому в данном Словаре также присутствуют сложнокращенные слова, например: 泪求 lèiqiú – 流着眼泪求助于人 liú zhe yǎnlèi qiúzhù yú rén – слезно просить помощи, 善良 shànliáng – 善变而没有天良 shànbiàn ér méiyǒu tiānliáng – изменчивый и бессовестный.

Интерес представляет еще и то, что создаваемое в Интернет-языке сложнокращенное слово бывает омонимично другому слову, которое зачастую является антонимом сложнокращенному. Приведем примеры, где сложнокращенное слово не только омонимично другому, но и записывается точно также:

Сложнокращенное слово 神童 shéntóng означает «больной ребенок, ребенок идиот» (образовалось от словосочетания 神经病儿童 shénjīngbìng értóng), омонимично слову 神童 shéntóng – «одаренный ребенок, вундеркинд».

Сложнокращенное слово 总裁 zǒngcái означает «сотрудник, которого постоянно увольняют» (образовано от 总是裁人 zǒngshì cái rén), омонимично слову 总裁 zǒngcái – «генеральный директор».

Сложнокращенное слово 耐看 nàikàn означает «смотреть, сдерживая возмущение, негодование» (образовано от 耐着性子看 nàizhe xìngzi kàn), омонимично слову 耐看 nàikàn – «привлекательный, заслуживающий внимания».

Сложнокращенное слово 可爱 kě'ài означает «жалкого человека, которого никто не любит» (образовано от 可怜没人爱 kělián méi rén ài), омонимично слову 可爱 kě'ài – «милый, очаровательный».

Сложносокращенное слово 冒号 *màohào* означает «прикидываться больным» (образовано от 冒充病号 *mào chōng bìng hào*), омонимично слову 冒号 *màohào* – «двоеточие».

Сложносокращенное слово 不错 *bùcuò* означает «в этом не твоя вина» (образовано от 长成这样不是你的错 *zhǎngchéng zhèyàng bùshì nǐ de cuò*), омонимично слову 不错 *bùcuò* – «правильно, верно».

Сложносокращенное слово 爱心 *àixīn* означает «любит деньги и бесовестный» (образовано от 爱钱又没良心 *ài qián yòu méi liángxīn*), омонимично слову 爱心 *àixīn* – «любовь, сердечность».

Сложносокращенное слово 天才 *tiāncái* означает «прирожденный дурак» (образовано от 天生的蠢材 *tiānshēng de chǔncái*, при этом 材 *cái* заменяется на 才 *cái* ввиду их омонимичности для создания полной омонимии со словом 天才 *tiāncái* – «гений, талант»).

Сложносокращенное слово 美女 *měinǚ* означает «женщина с несчастной судьбой» (образовано от 倒霉的女人 *dǎoméi de nǚrén*, при этом 霉 *méi* заменяется на 美 *měi* ввиду их омонимичности для создания полной омонимии со словом 美女 *měinǚ* – «красавица»).

Необходимо также дать описание буквенным словам китайского интернет-языка и словам и словосочетаниям, которые записываются цифрами.

Буквенные слова, представленные в Словаре, можно разделить на несколько видов:

Буквенные аббревиатуры от английских слов, например, *AAA* (от слов «anytime, anyplace, anywhere») – в любое время, в любом месте, где угодно, *IDNY* (от слов «I don't know you» – я тебя не знаю), *DIYer* (от слов «do it yourself» и суффикс «er») – тот, кто любит все делать сам и др.

Буквенные слова, записываемые первыми буквами фонетической транскрипции «пиньинь» китайских морфем, например, *BC* (白痴 *báichī*) – идиот, *DX* (大虾 *dàxiā*) – продвинутый интернет пользователь, *SG* (帅哥 *shuàigē*) – красавчик и др.

Буквенные слова, заимствованные из японского языка и записываемые латинскими буквами, например, *otaku* (от японск. «おたく») – любители анимэ.

Английское слово, записанное в том же виде, как оно используется в языке-оригинале, например, *kick* – *бить*, *pinat*.

Буквенные слова, состоящие из одной буквы. Это может быть английское слово, начинающееся с этой буквы или инициаль китайского слова, например, *L* (от китайского 乐 *lè* или английского «laugh») –

смешной, радостный, *D* (от китайского 顶 *dǐng*) – поддерживать, *g* (от английского «*grin*») – улыбаться.

Китайское слово, написанное полностью транскрипцией «пиньинь», но без указания тона. Например, *ai* (爱 *ài*) – *любить*, *jiōng* (囧 *jiōng*) – *грустный* и др.

Буквенные слова, внешне отражающие то, что они обозначают. Например, *orz* (вид человека, согнувшего колени и опустившего голову) может обозначать «грусть, тоску; сногшибательный; большое уважение».

Стоит упомянуть о буквенных словах, которые могут относиться как к первой, так и ко второй группе. Их значение может быть уточнено только из контекста, например, *GG* – старший брат (от китайского 哥哥 *gēge*), *Google* (от китайского 谷歌 *gǔgē*), должен идти (от английского «*gotta go*»), отличная игра (от английского «*good game*») и др.

В интернет-языке не имеющие никакой связи между собой цифры, сочетаясь вместе, обретают определенный смысл. При этом исчезает их числовое значение. Они обретают новое значение, так как произношение этих чисел совпадает или сходно с произношением какого-либо слова. Такие слова, записываемые цифрами, тоже можно разделить на несколько групп:

Комбинация цифр, по произношению похожая на китайские словосочетания, например, 20170 *èr líng yī qī líng* (爱你一千年 *ài nǐ yī qiān nián*) – буду любить тебя тысячу лет, 940194 *jiù sì líng yī jiù sì* (告诉你一件事 *gàosu nǐ yī jiàn shì*) – сообщу тебе об одном деле, 04551 *líng sì wǔ wǔ yī* (你是我唯一 *nǐ shì wǒ wéiyī*) – ты моя единственная, 687 *liù bā qī* (对不起 *duìbùqǐ* или 了不起 *liǎobùqǐ*) – извините; необыкновенный, выдающийся и др.

Комбинация цифр, по произношению сходная с японским словом, например, 8716 *bā qī yī liù* (“ばかやろう” *bakayarou*) – сволочь, негодяй, 3166 *sān yī liù liù* (“さようなら” *sayonara*) – до свидания и др.

Комбинация цифр, сходная с произношением английского слова, например, 74 *qī sì* (*kiss*) – целовать и др.

Комбинация цифр, которая внешне напоминает какое-то слово. Например, 90 (англ. «*go*») – идти, уходить, 505 (*SOS*) – сигнал бедствия, просьба помощи, 31707 (англ. «*love*» наоборот) – любовь, 5050 (англ. «*so so*») – так себе, обычно, 177155 (*miss*) – девушка и др.

Комбинация цифр, не подходящая ни под одну группу, описанную выше. Например, 0001000 – обозначает одинокого человека, 007 – обозначает секретность, тайну, 1437 – я полюбил тебя навсегда (1 по-

хож на английское слово «I» – я, в слове «love» (*любить*) 4 буквы, в слове «you» (ты) – 3, в слове «forever» (*навсегда*) – 7).

Таким образом, анализ Словаря подтверждает, что тенденции развития лексики китайского языка, характерные для XXI в., сохраняются и в китайском интернет-языке:

– В китайском интернет-языке преобладает многосложная лексика.
– Одним из самых продуктивных способов словообразования является аффиксация, также большое количество лексики создается путем образования сложносокращенных слов.

– В лексику Интернета проникает множество заимствований, как правило, это заимствования из английского и японского языков.

– Часть интернет-лексики создана благодаря омонимичности китайского языка, а также появляются новые значения у уже имеющих-ся слов.

– В интернет-лексике появляются наречия степени, междометия и частицы, которые редко или вообще не употребляются в обиходной речи.

– Значительную долю интернет-лексики составляют буквенные слова и слова/словосочетания, записываемые цифрами, таких слов в данном Словаре насчитывается 827 и 482 соответственно.

Основным вопросом развития лексики китайского языка на сегодняшний день является вопрос о дальнейшей судьбе тех слов, которые употребляются в интернете. Закрепится ли эта лексика в языке и перейдет в разряд общеупотребительной или со временем совсем выйдет из употребления – это можно будет узнать только спустя определенное количество времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жолобова, Е. С.* Неологизмы в китайском языке нового периода и сложности их перевода // Китайское языкознание. Изолирующие языки : материалы XII Междунар. конф. (22–23 июня 2004 г.). – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 2004. – С. 103–106.
2. *Ли Шуцзюань, Янь Лиган.* Словарь современного китайского сленга. – М.: Sinolingua: Вост. книга, 2009. – 256 с.
3. *Меркулова, М. В.* Заимствования в китайском языке и особенности их изучения // Социально-педагогическое сопровождение студентов в процессе изучения иностранных языков в неязыковом вузе. Духовная культура России, Японии, Китая, Кореи: материалы Междунар.

- науч.-практич. конф. (Хабаровск, 17–18 мая 2012 г.). – Хабаровск, 2012. – С. 54–56.
4. Семенов, А. Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 48–57.
 5. Хаматова, А. А. Тенденции развития лексики китайского языка в начале XXI века // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – 2012. – № 4 (21). – С. 9–13.
 6. 贺国伟. 汉语词语的产生与定型. – 上海: 上海辞书出版社, 2003. – 250 页.
 7. 黄涛. 流行语与社会时尚文化. – 上海: 上海辞书出版社, 2003. – 115 页.
 8. 新华网络语言词典 / 汪磊主编. – 北京: 商务印书馆, 2012. – 233 页.
 9. 新华新词语词典: 2003年版 / 商务印书馆辞书研究中心编写. – 北京: 商务印书馆, 2003. – 455 页.

УДК 81'42

Н. Н. Казыдуб

д-р филол. наук, проф., и.о. зав. каф. теоретической и прикладной лингвистики МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: nadejda_kazydoub@mail.ru.

БЕСКОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС: РИТУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИЛИ ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК?

В статье обосновывается статус бесконфликтного дискурса как стратегического ресурса, обеспечивающего конструирование благоприятной коммуникативной среды. Рассматривается принципиальная возможность применения идеологии бесконфликтного общения для решения задачи оптимизации культурных и языковых контактов. Бесконфликтный дискурс рассматривается в двух ипостасях: как ритуальное поведение и как ответственный поступок. Соизмерение двух сценариев бесконфликтной коммуникации выявляет безусловную предпочтительность оформления бесконфликтного дискурса по модели ответственного поступка. Такая модель предполагает когнитивный, языковой и речевой выбор участников коммуникации в качестве основы формирования пространства доверия и способа преодоления дефицитов, порождаемых несовпадением культурных мотиваций и интерпретаций.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; бесконфликтный дискурс; ритуальное поведение; ответственный поступок; вежливость; толерантность; доверие.

Kazydub N. N.

Ph. D. (Philology), Professor, MSLU EALI; e-mail: nadejda_kazydoub@mail.ru.

NON-CONFLICT DISCOURSE: RITUALISTIC BEHAVIOUR OR RESPONSIBLE ACTIVITY?

The article argues the status of non-conflict discourse as a strategic resource of intercultural communication. It reveals the contribution of non-conflict discourse ideology to the promotion of cooperative values and complimentary styles in intercultural encounters. Non-conflict discourse is presented in two dimensions: as a ritualistic behaviour and as a responsible activity. Comparative analysis of two dimensions gives reasons for a discursive choice: the responsible activity model proves to be a more potent instrument of authentic communication. This model is centered on the competent choice of cognitive models, language units and speech

strategies aimed at creating a continuum of trust through overcoming dissimilar expectations and interpretations.

Key words: intercultural communication; non-conflict discourse; ritualistic behaviour; responsible activity; politeness; tolerance; trust.

Поиск способов разрешения культурно-языковых конфликтов встраивается в вектор оптимизации межкультурного и межэтнического взаимодействия. Поликультурная и полиэтническая среда становится бытийным контекстом человека говорящего, совмещающего деятельность в различных системах культурных координат. С этой позиции критическую значимость имеет разработка ресурсного обеспечения культурно-языковых контактов. В настоящей работе проблематика оптимизации межкультурного взаимодействия помещается в плоскость порождения бесконфликтного дискурса как пространства согласования культурных идентичностей, языковых картин мира и коммуникативных стилей.

Представляется, что идеология бесконфликтного дискурса содержит концептуальные положения, раскрывающие пути преодоления культурных противоречий и ресурсы, обеспечивающие принципиальную возможность межкультурного диалога [3].

Во-первых, формулируется сверхзадача ориентирующего взаимодействия языков и культур – достижение взаимопонимания посредством расширения диапазона когнитивных переживаний, вписывающихся в формат консенсусных решений, мирных переговоров и дипломатических сценариев.

Во-вторых, разрабатывается репертуар языковых средств, функциональное назначение которых определяется задачами формирования благоприятной коммуникативной среды по линиям совпадения интенциональностей, кооперативного взаимодействия и совместного преодоления очагов культурного напряжения.

В-третьих, конструируются дискурсивные маршруты, исключающие конфронтативное поведение в силу принципиального выбора языковой личности, ориентированной на конструктивное решение коммуникативной проблемы.

Является ли бесконфликтный дискурс точкой отсчета или пунктом назначения? Выбор определения зависит от вектора интерпретации рассматриваемого феномена. Бесконфликтный дискурс может быть точкой отсчета при формировании зоны аттрактивности

взаимодействующих культур и языков и пунктом назначения в смысле достижения уровня аутентичной коммуникации.

Зона аттрактивности конструируется посредством укрупнения диалоговой тенденции межкультурного и межэтнического общения на основе симметричного переживания опыта взаимодействия с окружающей средой и схождения интенциональных векторов в условиях совместной деятельности. Другими словами, зона аттрактивности – это пространство порождения симметричных состояний в процессе взаимодействия асимметричных когнитивных, языковых и дискурсивных систем.

Понятие бесконфликтного дискурса обычно ассоциируется с ритуальным (этикетным) поведением. Отметим характерные черты такого поведения:

- преимущественное использование речевых клише и штампов;
- избегание «неудобных» тем;
- выбор «мягкой» модальной упаковки для выражения своих мыслей и чувств;
- ориентация на сохранение общественного «лица» с применением стратегического инструментария вежливости;
- косвенные речевые акты;
- ограничения в плане экспликации эмоционально-оценочных переживаний;
- широкий диапазон компенсаторных и репарационных стратегий.

Системным оператором, регулирующим порождение бесконфликтного дискурса по типу ритуального поведения, является категория вежливости. **ВЕЖЛИВОСТЬ** – это стратегия, предписывающая участникам коммуникации соблюдение конвенциональных норм и правил социального, в том числе и речевого, поведения. Такая стратегия вводит в дискурс **гармонемы** – слова, функционально предназначенные для создания благоприятной коммуникативной среды. Гармонемы имеют семиотическую значимость: они служат знаками доброжелательного отношения, уважения к собеседнику и готовности вести диалог. В силу своей культурологической маркированности гармонемы представляют собой этнокультурный ресурс, запускающий программу субсидиарности – интерактивного взаимодействия представителей различных культур, основанного на принципах эмпатии, согласия и партнерства. Вежливость как регулятивный контур

ритуального (этикетного) поведения, безусловно, может считаться фактором, способствующим деактивации очагов интолерантного напряжения, возникающих при столкновении культур и этносов, различающихся когнитивными и коммуникативными стилями. В этом контексте стратегии вежливости рассматриваются как обязательный элемент межкультурного и межэтнического взаимодействия, развивающегося по сценарию коллективного преодоления монокультурных кодов и стереотипных представлений. Вежливость – это **точка отчета**, которая ориентирует представителей контактирующих культур относительно конвенций, содержащих определенные правила организации диалогового пространства.

Вместе с тем, по ряду причин и, прежде всего, в силу своей ритуальной природы, вежливость не может обеспечить реализацию в полной мере принципа аутентичности межкультурной и межэтнической коммуникации. В соответствии с этим принципом, когнитивным оператором межкультурного и межэтнического взаимодействия становится «*доверие*». Расширение пространства доверия на основе формирования широкого спектра аксиологических аттракторов является стратегическим решением проблемы улучшения межкультурных отношений. Доверие открывает перспективы для искреннего выражения своих чувств и эмоций, совместного поиска решений сложных и спорных вопросов и долгосрочных национальных и социальных контрактов. Ориентирующий потенциал доверительных отношений обосновывается принципами комплиментарности, рациональности (разумности) и экологичности (сбалансированности внутренних переживаний и внешних проявлений). Доверие в качестве триггерного механизма запускает целый ряд процессов, вписывающихся в целевую установку оптимизации межкультурного и межэтнического взаимодействия.

Серьезной задачей становится моделирование зоны комплиментарности, что требует выявления, системного описания особенностей национального мировидения и активного продвижения культурологического и этнологического знания.

В этой своей ипостаси бесконфликтный дискурс являет себя как **пункт назначения**, так как включает в свое содержание высший ориентир межкультурной и межэтнической коммуникации – аутентичность. Преодоление дефицитов ритуального поведения вводит

ответственный поступок в качестве параметрической характеристики поликультурной и полиэтнической среды. Этот параметр преобразует сценарии взаимодействия культурных и этнических идентичностей: системным требованием становится решение коммуникативной задачи посредством **выбора** когнитивных, языковых и речевых ресурсов, конгруэнтных принципам порождения бесконфликтного дискурса. К таким принципам относятся:

– **принцип интенциональной симметрии**, который предполагает изначальную ориентированность контактирующих культур на достижение взаимопонимания и преодоление когнитивных и коммуникативных несовпадений;

– **принцип аксиологического консенсуса**, регулирующий процесс конструктивного обсуждения и согласования ценностных систем взаимодействующих культур в векторе формирования общей аксиосферы;

– **принцип когнитивной и эмоциональной конвергенции**, в соответствии с которым составляется прогноз и осуществляется проектирование областей схождения и сближения культурных и национальных идентичностей;

– **принцип кооперативного взаимодействия**, который обосновывает диалоговый формат межкультурного и межэтнического взаимодействия как наиболее эффективный способ разрешения международных конфликтов;

– **принцип коммуникативного такта**, предписывающий участникам диалогового процесса выбор языковых дескрипций, речевых иллюзий и дискурсивных стратегий, соответствующих нормам и правилам вежливой коммуникации;

– **принцип ко-адаптации моделей народной (наивной) языковой категоризации**, оформляющий взаимодействие языковых сознаний по трем линиям: **линии расширения опыта межкультурной и межличностной коммуникации**, в рамках которой имеет место взаимный обмен культурными символами и культурными значениями; **линии пересечения образных представлений**, нюансированных в плане их культурных ассоциаций и коннотаций, и **линии сопряжения культурных и личностных мотиваций**, раскрывающих источники формирования социокультурных и языковых картин мира;

– **принцип совместного поиска решений**, вводящий требование активного участия контактирующих культур и этносов

в гуманитарных и образовательных программах, ориентированных на развитие гармоничных межкультурных отношений.

Конгруэнтность ресурсного обеспечения принципам порождения бесконфликтного дискурса подтверждается процедурой тестирования, осуществляемой в параметрах реальной поликультурной и полиэтнической среды.

Когнитивные ресурсы включают кластеры категорий, концептов и сценариев, обладающих значительным потенциалом с точки зрения оптимизации межкультурного взаимодействия в силу своей экологичной структурной организации. Такая организация разрешает включение положительно маркированных когнитивных моделей и исключает «минусовые» концептуальные структуры типа предубеждений, стереотипов, дискриминационных и диффамационных дескрипций. Особую значимость имеют аксиологические концепты, раскрывающие магистральные линии феноменологического переживания и критического осмысления содержания окружающей среды [2; 5; 6].

Аксиологические концепты объективируются формульными высказываниями, предписывающими языковой личности определенные линии поведения в соответствующих прагматических контекстах. Например:

*Waste not; want not.
You've made your bed; now lie in it.
Little children should be seen and not heard.
A penny saved is a penny earned.
God helps those who help themselves [8, p. 53].*

С учетом культурной специфики аксиологических концептов следует допустить вероятность ошибочных интерпретаций, порождаемых вследствие несовпадения «веса» культурных ценностей в различных системах координат. Имеются также «аксиологические лакуны», которые значительно усложняют процесс обработки иноязычной культурной информации. По этой причине инструментарий бесконфликтного дискурса должен содержать способы преодоления аксиологического диссонанса в условиях культурно-языковых контактов. Разработка такого инструментария обосновывается процедурой семиометрии, соотносящей аксиологическое содержание контактирующих культур.

Особого рассмотрения заслуживают когнитивные ресурсы, формирующие вектор ко-адаптированного речевого поведения на основе

допущения иной точки зрения и готовности учитывать культурные мотивации речевых поступков. К таким ресурсам относится **толерантность** как когнитивная способность языковой личности, обеспечивающая возможность взаимопонимания в ходе развертывания межкультурного диалога. Толерантность вбирает в себя широкий спектр рациональных и эмоциональных состояний: сопереживание; искренний интерес к иной культуре; терпимость; уважение иного мнения; отказ от речевой агрессии; выбор сотрудничества в качестве приоритетного сценария межкультурного и межличностного взаимодействия. Ресурсная значимость толерантности определяется ее прагматическим потенциалом: изначальная ориентированность на кооперативное взаимодействие значительно снижает риск развития конфронтативного сценария и практически исключает коммуникативные неудачи. В призме бесконфликтного дискурса толерантность рассматривается в качестве звена, соединяющего две ипостаси диалогового сценария: этикетную и проблемную. С этой точки зрения толерантное поведение оформляет область взаимодействия церемонии и свободы. С одной стороны, толерантное поведение мотивируется принципом вежливости, который предписывает насыщение дискурса этикетными формулами. С другой стороны, толерантность предполагает свободный выбор языковой личности, ориентированной на понимание Другого и создание предпосылок для достижения дискурсивного консенсуса. На этом этапе порождения бесконфликтного дискурса формируются условия преобразования ритуального поведения в ответственный поступок. Тем самым эксплицируются когнитивные основы бесконфликтного дискурса

ВЕЖЛИВОСТЬ ↔ ТОЛЕРАНТНОСТЬ ↔ ДОВЕРИЕ.

Эта триада обосновывает выбор соответствующих языковых и речевых ресурсов.

Языковые ресурсы содержат разноуровневые языковые единицы, оформляющие коммуникативное пространство по типу кооперативного (диалогового) взаимодействия. С учетом когнитивных опор бесконфликтного дискурса обозначим три категории языковых дескрипций: маркеры вежливости, маркеры толерантности и маркеры доверия.

Маркеры вежливости суть этикетные формулы, насыщающие конструируемый дискурс комплиментарными речевыми иллокуциями,

целевое назначение которых заключается в продуцировании позитивных эмоциональных переживаний, обосновывающих выбор кооперативного сценария речевого поведения. Такие маркеры эксплицируют взаимное уважение, стремление участников коммуникации избежать межличностных и межкультурных столкновений и умение вести диалог в соответствии с правилами и предписаниями речевого этикета.

Маркеры толерантности оформляют конструктивную позицию языковой личности в условиях столкновения культурных сценариев и идеологических точек зрения. Подобные языковые дескрипции констатируют факты когнитивных и языковых расхождений и в то же время отражают ориентированность на взаимопонимание. Тем самым запускается процесс преодоления когнитивного диссонанса. В этом отношении особо следует отметить дискурсивный потенциал металингвистического комментария, разъясняющего непонятные сегменты речевых сообщений. Так решается задача согласования векторов категоризации и интерпретации феноменов реального мира при порождении речевых событий.

Маркеры доверия являются характеристиками аутентичной коммуникации. Они подтверждают успешное преодоление взаимной подозрительности и готовность участников коммуникации обсуждать проблемные ситуации в открытом формате. Такой контекст порождает речевые иллокуции, в полной мере раскрывающие диапазон эмоциональных переживаний и рациональных рассуждений языковой личности. Соответственно, формируются устойчивые мотивы для взаимовыгодного ориентирующего взаимодействия. Этот список включает:

- расширение зоны аттрактивности за счет взаимообмена смыслами-аттракторами;
- укрупнение диалогической тенденции в межкультурном и межэтническом взаимодействии;
- распространение идеологии бесконфликтного дискурса;
- поиск эффективных инструментов управления поликультурной и полиэтнической средой;
- наделение принципа кооперации статусом управляющего параметра в условиях культурно-языковых контактов.

Речевые ресурсы представляют собой речевые стратегии и тактики, оптимизирующие речевое взаимодействие посредством

насыщения дискурсивного пространства прототипическими эффектами, порождаемыми аксиологической триадой

ВЕЖЛИВОСТЬ ↔ ТОЛЕРАНТНОСТЬ ↔ ДОВЕРИЕ.

Круг подобных эффектов очерчивается с учетом опорных элементов аутентичной коммуникации. Сюда входят: этическая позиция; морально-нравственная обоснованность речевых поступков; дискурсивная компетентность; коммуникативная рациональность; коммуникативная ответственность; позитивная маркированность дискурсивного события; ориентированность на решение коммуникативной задачи; когнитивная и поведенческая гибкость; эмоциональная отзывчивость; речевой такт.

Важным становится умение языковой личности конструировать аргументативный дискурс по типу критической дискуссии, цель которой состоит в разрешении спора [1]. Представляется, что правила критической дискуссии органично вписываются в методологический инструментарий бесконфликтного дискурса как ответственного поступка языковой личности. Эти правила обеспечивают необходимые и достаточные условия динамического взаимодействия ритуальных предписаний и свободного выбора в части обоснования дискурсивных точек зрения. Полагаемый в основу критической дискуссии **принцип приемлемости** аргументативных схем формирует вектор поиска дискурсивных консенсусов, определяющих достижение конечной цели речевого взаимодействия.

В условиях бесконфликтного дискурса осуществляется «мягкая» сборка когнитивных, языковых и речевых ресурсов с учетом параметров бытийного контекста. Такая сборка требует владения общими принципами, стратегиями и технологиями когнитивного менеджмента [4; 7], определяющего выбор необходимых инструментов реализации стратегических и тактических задач в ходе конструирования дискурсивного маршрута как ответственного поступка языковой личности. Обучение конструированию дискурсивных маршрутов по типу бесконфликтного общения служит целям подготовки специалистов, способных решать задачи управления поликультурной и полиэтнической средой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Еемерен В. Х. ван, Гроотендорст Р.* Аргументация, коммуникация и ошибки / пер. с англ. – СПб.: Васильевский остров, 1992. – 208 с.
2. *Златев Й.* Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения / авториз. пер. с англ. Т. Л. Верхотуровой и А. В. Кравченко // *Studia Linguistica Cognitiva*. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 308–361.
3. *Казыдуб Н. Н.* Бесконфликтный дискурс: концепты, стратегии, сценарии // *Вестник ИГЛУ*. – 2012. – № 3(20). – С. 94–99.
4. *Казыдуб Н. Н.* Когнитивный менеджмент во взаимодействии языков и культур // *Когнитивные исследования языка: гл. ред. Н. Н. Болдырев; Минобр. и науки РФ, Рос. акад. наук; Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов*. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. Н. А. Беседина. – С. 104–113.
5. *Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: кол. монография / отв. ред. Л. Г. Викулова*. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
6. *Donaldson T.* Values in Tension: Ethics Away from Home // *Harvard Business Review*. – 1996. – V. 74. – № 5. – P. 48–62.
7. *Montana P. J., Charnov, B. H.* Management. – N. Y.: Barron's, 2000. – 541 p.
8. *Kohls L. R., Knight J. M.* Developing intercultural awareness: a cross-cultural training book. – Yarmouth: Intercultural Press, Inc., 1994. – 283 p.

УДК 811.11

С. Н. Плотникова

д-р филол. наук, проф. каф. английской филологии МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: snplotn@mail.ru.

ДИСКУРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ РОЛЬ В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО МИРА

В статье анализируется соотношение технологизации дискурса и конструирования социального мира. Вводится объединяющее их понятие технологичного дискурсивного конструирования социального мира, определяется статус этого понятия в теории дискурса.

Ключевые слова: конструирование социального мира; технологизация дискурса; дискурсивная технология; коллективная vs авторская технология; дискурсивный технолог; дискурсивное конструирование настоящего/прошлого/будущего мира.

Plotnikova S. N.

Ph. D. (Philology), Professor, MSLU EALI; e-mail: snplotn@mail.ru.

DISCOURSE TECHNOLOGIES AND THEIR ROLE IN THE CONSTRUCTION OF THE SOCIAL WORLD

My aim in this paper is to highlight some of the major features of social constructionism and the implications it holds for the theory of discourse. I argue that when people produce discourse, the world gets constructed. I also present the view that discourse technologies are at the heart of the construction process leading to the creation of present, future and past social worlds.

Key words: construction of social world; technologisation of discourse; discourse technology; collective vs author's technology; discourse technologist; discursive construction of present/future/past world.

Важной задачей современного этапа лингвистических исследований является определение места лингвистических технологий в ряду гуманитарных технологий и выделение типов лингвистических технологий.

Одним из ведущих современных исследователей гуманитарных технологий является М. Н. Эпштейн. Он отмечает, что на протяжении почти всего XX в. гуманитарные науки испытывали комплекс неполноценности перед естественными науками из-за отсутствия у гуманитарных наук конструктивного потенциала, из-за того, что у естественных наук была область практической применимости – технология,

которая преобразует то, что они исследуют: природу, а у гуманитарных наук, исследующих культуру, такой практической настройки фактически не было. Как пишет М. Н. Эпштейн: «Сегодня гуманитарные науки почти никак не воздействуют на то, что они изучают, – на язык, литературу, художественные движения, поскольку академическому гуманитарии положено знать, а не изобретать и не придумывать. У гуманитарных наук, наряду с их научностью, должен возникнуть еще один уровень – не чисто исследовательского, а конструктивно-преобразовательного мышления. Перед ученым-естественником часто встает вопрос: какими новыми технологиями чреват его открытия? Такой же вопрос уместно ставить и перед лингвистом, литературоведом, искусствоведом, культурологом. Например, какие новые литературные приемы, стили, направления могут возникнуть на основе той или иной литературоведческой идеи?» [7].

М. Н. Эпштейн усматривает технологический потенциал и у философии: эта наука может заниматься созданием технологий миротворения, предлагая философское основание игровых компьютерных миров. Наряду с философией в технологическом проектировании других миров стала участвовать и история, например, профессиональные историки приглашаются для разработки тематических игр, воссоздающих исторические события. Технологический потенциал культурологии М. Н. Эпштейн видит в конструировании новых форм действия в культуре, новых техник общения, новых моделей восприятия, в проектировании возможных трансформаций всего культурного поля.

В целом, гуманитарные технологии понимаются как изобретательство в сфере гуманитарных наук, их проективно-трансформативная деятельность по преобразованию культуры. Анализ гуманитарных технологий, их фиксация, присвоение им названий, раскрытие их сущности в последнее время все чаще встречается в научных исследованиях. Это свидетельствует о все более возрастающем интересе к проблеме проектирования и деконструкции гуманитарных технологий.

Понятие лингвистической технологии как типа гуманитарной технологии до сих пор остается малоизученным. Можно выделить три основных вида лингвистических технологий: языковые, когнитивные, дискурсивные технологии [5].

Целью данной статьи является анализ соотношения понятий дискурсивной технологии и конструирования социального мира

и разработка объединяющего их понятия технологического дискурсивного конструирования социального мира.

Из упомянутых видов лингвистических технологий понятие дискурсивной технологии является на настоящий момент наиболее разработанным. Изучение дискурсивных технологий было заложено в трудах М. Фуко, который рассматривает их создание и использование как альянс между обществом и структурами власти – альянс, конституирующий так называемую био-власть, которая вводит человеческую жизнь в область эксплицитных расчетов и делает дискурс орудием трансформации жизни. Согласно Фуко, дискурсивные технологии это разновидности технологий управления, с их помощью различные силы пытаются реализовать свои проекты и программы [6].

В 1996 г. Н. Фэрклоф предложил новое понятие – технологизация дискурса (*technologisation of discourse*). Дав несколько иное определение термину Фуко «порядок дискурса» (*order of discourse*) и понимая под ним целостную конфигурацию дискурсивных практик общества или одного из его институтов, Фэрклоф утверждает, что современные порядки дискурса значительно отличаются от всех его предшествующих порядков. Современным порядкам дискурса присуща повсеместная и все более расширяющаяся технологизация, суть которой в том, что сами организации начинают заниматься исследовательской и практической работой по созданию дискурса для своего персонала. Фэрклоф подчеркивает, что данная тенденция возникает непосредственно у нас на глазах и ее контуры еще до конца не обрисованы. Технологизация дискурса более заметна в одних организациях, чем в других. Элементы этого процесса прослеживаются и в более ранних порядках дискурса, однако в наши дни стало наблюдаться общее стремление к систематизации и целостной институциональной конфигурации дискурсивных практик, что позволяет рассматривать технологизацию дискурса в качестве исключительно современного явления [8].

В нашем определении дискурсивной технологии мы исходим из общенаучного понимания технологии. Технология представляет собой некий порождающий процесс, алгоритм, сценарий, ведущий к намеченной технологом цели – созданию определенного продукта. В промышленной технологии такой продукт будет материальным, например, реальным осязаемым объектом. В когнитивной технологии продукт будет когнитивным; он будет представлять собой разработанный

«контент»: некое содержание, информацию, знание, а также образы, имиджи, идолы и т.д. В дискурсивной технологии продуктом, получаемым «на выходе», будет дискурс, специально разработанный для какой-то конкретной цели, например, для обучения персонала супермаркета исключительно доброжелательному общению с клиентами [5].

В современном мире привлечение дискурсивных технологов к работе с персоналом становится общей практикой. Это связано с изменениями, происходящими в разных сферах труда, показавшими беспрецедентную степень важности дискурсивных и коммуникативных умений на рабочем месте и большой дефицит в этой области, когда недостаток дискурсивной компетенции становится основной причиной производственной неэффективности (например, неумение продемонстрировать эмпатию, точно выразить свою мысль и выслушать собеседника, неумение запрашивать и предоставлять информацию и т.д.). В наши дни технологичный дискурс становится экономическим механизмом, поскольку он превращается в средство, позволяющее получать экономическую выгоду от одного только дискурса, без дополнительных капиталовложений, и побеждать конкурентов, не использующих такой дискурс.

Повсеместная технологизация дискурса в современном обществе свидетельствует о том, что дискурсивные технологии начинают играть важную роль в конструировании повседневной жизни людей, во всем многообразии составляющих ее социальных миров.

Конструирующее поведение как действующее поведение в настоящее время интенсивно изучается в теории социального конструктивизма. Реальность, с точки зрения этого подхода, социально конструируется, общий мир повседневной реальности создается людьми в процессе их непосредственного общения друг с другом; конструирование действительности – это непосредственное существование людей, основанное на их знаниях и текущей деятельности; его суть – постоянное определение своего места в настоящем и поиски нужного будущего [1].

Если реальность социально конструируется в повседневной жизни людей, то дискурс непосредственно участвует в этом процессе. Существование в мире – это также существование в языке; на это прямо указывается в теории социального конструктивизма. Как пишут П. Бергер и Т. Лукман, «язык реализует мир в двояком смысле слова:

он его постигает и он его производит. Общение представляет собой актуализацию этой эффективности языка в ситуациях лицом-к-лицу индивидуального существования. Иными словами, люди постоянно производят свой социальный мир не только благодаря своим действиям, но и благодаря языку; сама «проговоренность» делает реальность, поскольку то, что не проговаривалось, не существует» [1, с. 104].

Поскольку реальный мир находится в процессе постоянного социального конструирования, то любое вплетенное в этот процесс порождение дискурса можно назвать дискурсивным конструированием мира. В процессе дискурсивного конструирования создается мир, в который говорящий/пишущий полностью вовлечен: он живет в этот момент внутри данного мира и творит его своими действиями и своим дискурсом.

Следует подчеркнуть, что в данной трактовке мир рассматривается как среда, в которой протекает жизнь. Такой мир У. Матурана и Ф. Варела называют «возникающим». В центре биологической концепции мира как жизни находится положение о том, что «возникающий мир с необходимостью прячет свое начало» и что «мы существуем в настоящем; прошлое и будущее – это лишь способы существовать сейчас» [3, с. 215, 217].

В «возникающем», т.е. в непосредственно формируемом здесь и сейчас мире, дискурсивное конструирование представляет собой дискурсивную объективацию ситуаций непосредственного взаимодействия говорящих. Дискурсивная объективация реальности обусловлена прагматическими мотивами – практические действия человека вызывают к жизни соответствующий дискурс. Непрерывное создание дискурса – одна из основ непрерывного формирования мира. Совместно конструируемая жизнь является одновременно и совместно конструируемым дискурсом – непосредственным существованием в дискурсе в каждый конкретный момент времени.

Типичным дискурсивным конструированием мира является бытовое общение – обычный разговор в магазине, на улице, в банке, в транспорте и т.д. Разговор – это чередование закрепленных друг за друга высказываний двух говорящих, осуществляющих единую для них цель действия. Когда один человек спрашивает другого, как пройти к какому-либо месту, то цель спрашивающего становится и целью отвечающего; во время разговора они объединяются в единой

для них дискурсивной деятельности и достигают цели совместными усилиями (вопрос – ответ). В момент порождения дискурса они осуществляют совместное дискурсивное конструирование мира, т. е. его дальнейшее развитие, продвижение вперед (после вопроса и ответа мир стал иным, теперь состоявшееся взаимодействие двух людей является неотъемлемой частью его событийного множества).

Подобные короткие, бессистемные, стохастические дискурсивные взаимодействия, конструирующие мир по типу броуновского движения, противопоставляются длительному и системному конструированию мира в стабильных социальных группах, в которых общие цели дискурсивного взаимодействия достигаются на постоянной основе, часто на протяжении всей жизни.

Итак, дискурсивное конструирование – это дискурсивная деятельность по порождению пока еще не существующего бытия. С помощью дискурсивного конструирования создается и объективируется настоящее, поскольку дискурс возникает в текущий момент повседневной жизни; собственно, и создает его. В процессе дискурсивного конструирования мир актуализируется: переводится из состояния невидимости в состояние видимости, при этом дискурс становится само собой разумеющейся, непосредственной реальностью для человека. Конструирование мира осуществляется при помощи когнитивных сценариев действий и дискурса: человек имеет знание того, как действовать и как говорить в каждой конкретной ситуации общения.

Когнитивные сценарии конструирования мира в своей основной массе являются конвенциональными: они основаны на типизациях и воспроизводятся почти автоматически в стандартных ситуациях общения [9]. Приведенный выше пример обычного разговора на улице базируется именно на таком сценарии; этот сценарий сформировался путем многочисленных типизированных повторений и фактически стал коллективной технологией.

Социальный мир конструируется при помощи огромного количества подобных простых коллективных технологий общения; их сценариям дети овладевают в процессе социализации и чаще всего усваивают их неосознанно, без специального обучения – путем подражания.

Коллективные технологии мы определяем как основанные на знании, являющемся латентным, неоформленным – «ничьим». Никто не может предъявить авторские права на такое знание, оно возникает

у самих пользователей эмпирическим путем. Подобные дискурсивные технологии сродни ремесленным технологиям, предшественникам современных промышленных технологий, создававшимся путем проб и ошибок и передававшимся от мастеров к ученикам. Точно так же основанные на неартикулированном знании дискурсивные технологии впервые апробируются «мастерами» общения, которым, следуя «зову» технологии, начинают подражать их «ученики».

Существуют и более сложные коллективные технологии общения, которыми также все пользуются неосознанно и автоматически. Их выявление требует исследовательских усилий. Одну из таких технологий, появившихся в последние годы в Великобритании, описывает Н. Фэарклоф. Он называет эту технологию конверсационализацией институционального дискурса, определяя ее как повсеместное внедрение в институциональный дискурс и симуляцию в нем неформального разговорного общения. В рамках этой технологии поощряется переход к более эгалитарным демократичным отношениям между менеджерами и рабочими и, вообще, в целом, между людьми, находящимися на высоких и низких уровнях социальных иерархий. Разговор, как «живой» тип общения, помогает уравновесить общие дискурсивные ресурсы – каждый работник получает доступ ко всему дискурсивному репертуару, что повышает его производственную активность. Благодаря разговорам всех со всеми каждый человек направляет сам себя (self-steering self) на участие в решении проблем, к которым он в институциональном плане не имеет отношения. Тем самым, чисто дискурсивная технология – общая конверсационализация взаимодействий – позволяет повысить производственную эффективность [8].

Теперь, когда данная технология выявлена и объяснена, становится понятным из опыта общения, что она действует и участвует в конструировании социального мира не только в Великобритании, но и во многих других странах, в том числе и в России. Совершенно очевидно, что эту технологию никто специально не разрабатывал и не внедрял – это коллективная технология. Тем не менее при восприятии дискурса ощущается наличие единого созидающего фактора, мощного порождающего импульса, направляющего дискурс в единое русло. Но в данном случае было бы неверным отождествить этот импульс с каким-то конкретным разработчиком – дискурс создается по «зову» технологии, благодаря принятию и усвоению ее сценария коллективным сознанием.

В отличие от коллективной, авторская технология рассматривается нами как инструмент разрыва с объективистским подходом к социальному миру и дискурсивному взаимодействию в нем, что позволяет охарактеризовать конструирование социального мира не только как саморазвивающийся процесс, но и как процесс, спроектированный дискурсивными технологами.

Понимание сущности технологического процесса – когнитивной модели происходящего – не входит в непрременную обязанность его участников; это – задача дискурсивных технологов, разработчиков данной технологии. Они создают знание, лежащее в основе технологии, определяют специфику его динамики, благоприятные и неблагоприятные пути развития сценария, его возможные дивергенции и изменения. Они же дают инструкции пользователям – описание технологии в виде ноу-хау, позволяющее реинвестировать разработанный сценарий в новые контексты.

Несмотря на то, что создатели авторских технологий являются реальными конкретными людьми, чаще всего они остаются неизвестными, поскольку скрывается сам факт создания и использования технологии. Такими анонимными дискурсивными технологами являются спичрайтеры, создающие политический дискурс вместо политиков; разного рода аналитики, советники и консультанты, дающие рекомендации тем, кто обращается к ним за помощью, в том числе и относительно того, какой тип дискурса будет наиболее эффективным в той или ситуации; специалисты, нанимаемые организациями для обучения персонала общению с клиентами.

Во время предъявления дискурса адресату реальные разработчики дискурсивных технологий переходят в разряд виртуальных фигур: они незримо присутствуют «за» дискурсом, за спиной тех, кто говорит или пишет, пользуясь их моделью.

В качестве технологии, разработанной дискурсивными технологами, можно привести технологию, также выявленную Н. Фэарклофом. Он анализирует проспекты британских университетов, которые очень сильно изменились, начиная с середины 1980-х гг., превратившись из пары страниц в солидную брошюру, содержащую письменные тексты, цветные фотографии и изощренную графику. Если в прежней модели проспект давал информацию о курсах, условиях приема и требованиях к поступающим, то в нынешней модели он «продает» курсы. Функции дискурса перемещаются при этом с информирования

и перечисления обязанностей на убеждение и перечисление выгод. В типичном проспекте требования, которые университет предъявляет абитуриенту, напечатаны мелким шрифтом где-нибудь внизу. Проблематичный, с точки зрения маркетинга, смысл о наличии требований тщательно скрывается с помощью соответствующих языковых конструкций, например, употребления *you will need* вместо *we require*, а также пассивных конструкций (*will be accepted, candidates who are offered places will be invited*). Благодаря подобным выражениям компетентным и принимающим решение агентом предстает уже не университет, а абитуриент. Речевые акты приказа или просьбы избегаются, а аспекты прохождения курсов, которые являются требованиями, семантизируются как заверения и обещания (*students will gain valuable experience*) или как описания (*students pursue...*). Н. Фэарклоф приходит к выводу, что компромисс между информированием и продажей (*telling and selling*) является основной задачей, решаемой с помощью данной технологии.

Эта технология была создана конкретными дискурсивными технологиями (*discourse technologists*), и, как пишет Н. Фэарклоф, – это совершенно новая профессия. Он указывает, что те люди, кого можно назвать современными дискурсивными технологами, имеют отличительные особенности.

Во-первых, они имеют причастность к научному знанию, они – либо ученые в области гуманитарных наук, либо эксперты или консультанты с доступом к научной информации, из-за чего их вмешательство в дискурсивные практики имеет ауру «истины».

Во-вторых, они имеют причастность к социальным институтам, в которых занимают аккредитованные роли либо как их сотрудники, либо как консультанты со стороны, привлеченные для участия в особых проектах.

В-третьих, многие из них выходят на транс-институциональный уровень, т.е. начинают работать как внешние специалисты, создающие дискурс для любого типа организации. Внешние специалисты, равняясь друг на друга, часто разрабатывают одинаковые технологии, в частности технология компромисса между информированием и маркетингом в проспектах британских университетов соответствует общей технологии колонизации институционального дискурса дискурсивными техниками маркетинга и рекламы [8].

Углубляя анализ соотношения технологизации дискурса с конструированием социального мира, следует отметить, что дискурсивное конструирование настоящего тесно связано с дискурсивным конструированием будущего. В частности, как было установлено в исследовании В. В. Кузнецовой [2], в групповом профессиональном дискурсе в процессе ежедневного общения члены группы постоянно производят свой профессиональный мир, дискурсивно конструируют настоящее, в его сменяющихся друг друга моментах. Но одновременно они конструируют и будущее, например, при обсуждении производственных целей.

Было обнаружено, что дискурсивная технология обсуждения производственной цели в когнитивном отношении базируется на выдвигании в фокус группового сознания технического или управленческого концепта, который оценивается как смысл, важный для будущего корпорации. Этот концепт начинает управлять дискурсивным созданием будущей картины мира. В процессе обсуждения используется также технология так называемого «мозгового штурма», когда участники выдвигают максимально возможное количество вариантов решения проблемы, при этом коллективная интенциональность направляется не какое-то конкретное решение, например, предложенное начальником, а на лучшее решение, в связи с чем члены группы пользуются правом на прямую аргументацию и свободное выражение согласия и несогласия.

Дискурсивно сконструированное в процессе обсуждения будущее воплощается затем в жизнь, т.е. реализуется посредством технических и управленческих действий. Тем самым, технологичный дискурс превращается в движущую силу производственного процесса, который представляет собой стержень конструируемого корпорацией социального мира.

Таким образом, понятие дискурсивного конструирования относится к объективации не только текущего, но и будущего опыта, установлению фактичности мира в будущем. При дискурсивном конструировании будущее не прогнозируется, а строится, поскольку замысел «конструкторов», в данном случае – членов профессиональной группы – ими же и должен быть реализован.

Относится ли понятие дискурсивного конструирования мира к прошлому? На первый взгляд – не относится, поскольку действие человека в его событийном пространстве и его наблюдение за другим

событийным пространством представляют собой разные когнитивно-дискурсивные процессы. В первом случае человек осуществляет конструирование мира, в том числе и дискурсивное; во втором случае человек осуществляет дискурсивный мониторинг мира [4].

Хотя прошлый мир уже сконструирован и в него возможен лишь перцептуальный доступ (например, в семейном видео, кадрах кинохроники, в архивных данных, в письменных источниках эпохи, в музейных экспозициях), такой мир можно переконструировать, создать заново. Дискурсивное конструирование прошлого мира – дискурсивная репрезентация фактичности мира, отличающейся от его документально зафиксированной фактичности, наблюдавшейся в момент формирования данного мира во всей взаимосвязи и взаимообусловленности имевших место фактов. При дискурсивном конструировании прошлого «конструктор» пользуется особой дискурсивной технологией – выдвигает фоновые события на центральное место, меняет местами фон и фигуру, незначимые факты интерпретируются им как значимые, организующие вокруг себя все факты мира и обуславливающие их. Дискурсивное конструирование проявляется также в технологии создания новой фактичности прошлого, когда зафиксированные факты подменяются фактами, специально скомбинированными из фактов прошлого, или даже полностью вымышленными конструктами.

В качестве примера технологичного дискурсивного конструирования прошлого можно привести фильм О. Стоуна об убийстве американского президента Джона Кеннеди, в котором отстаивается версия о том, что это убийство было результатом заговора в высших политических кругах США. Известный критик Х. Уайт назвал эту версию мифом, уничтожающим реальность (*obliterating reality*), ведущим к стиранию различий между фактом и вымыслом и к снятию запрета говорить, о чем вздумается [10]. На наш взгляд, в фильме Стоуна наблюдается переход «в мирах» – от общего социального мира к миру, сконструированному его автором. Этот мир «зависает» между реальным и художественным миром, не относясь ни к тому, ни к другому, однако воспринимающие интерпретируют сконструированный Стоуном мир с позиций реальности, ее непреодолимой фактичности. Х. Уайт приводит высказывания политологов, историков, журналистов, обвиняющих Стоуна в нарушении принципа объективности, в «побеге» от истории (*flight from history*). Такая резкая критика свидетельствует о том, что люди, лично участвовавшие в формировании

мира в прошлом и являвшиеся свидетелями событий, негативно относятся к субъективному дискурсивному переконструированию мира, считают его нелегитимным.

В целом, идея конструирования социального мира при помощи дискурсивных технологий дает новый ракурс рассмотрения дискурса и дискурсивной креативности. Роль лингвистов в разработке дискурсивных технологий, несомненно, будет возрастать, и в будущем, возможно, в лингвистических университетах начнет осуществляться подготовка специалистов нового профиля – дискурсивных технологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Кузнецова В. В. Реализация принципа корпоративности в английском групповом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2005. – 224 с.
3. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 605 с.
4. Плотникова С. Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva*. – М.: Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. – С. 66–81.
5. *Технологизация дискурса в современном обществе* / С. Н. Плотникова [и др.]. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 320 с.
6. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 уч. г. – СПб.: Наука, 2004. – 432 с.
7. Эпштейн М. Н. Конструктивный потенциал гуманитарных наук. Могут ли они изменять то, что изучают? [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.rpri.ru/index.php> (дата обращения: 12.05.2014).
8. Fairclough N. Technologicalisation of discourse // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis* / ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. – N. Y.: Routledge, 1996. – P. 143–159.
9. Stubbs M. *Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. – Oxford: Basil Blackwell, 1984. – 272 p.
10. White H. The modernist event and the flight from history // *The Sheila Carmel Lectures 1988–1993* / Ed. by H. Wirth-Nesher. – Tel-Aviv: Tel-Aviv University, 1995. – P. 99–123.

УДК 81

Е. Ф. Серебренникова

д-р филол. наук, проф. кафедры романской филологии МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: ser_evgen@yahoo.com

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОЙ ПОЗИЦИИ КАК ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В статье попытка лингвоаксиологического обоснования дискурсивной позиции как точки зрения с акцентом на принцип значимости. Являясь оператором восприятия, концептуализации и легитимации высказываемого, данный принцип определяет аттрактивность позиции путем валоризации смысла в траектории дискурса. Валоризация рассматривается на примере отдельных аксиологем и дискурсивных операций.

Ключевые слова: лингвистика и аксиология; дискурс; дискурсивная позиция; точка зрения; фрейминг; аттракция; валоризация; аксиологема.

E. F. Serebrennikova

Ph. D. (Philology), Professor, MSLU EALI; e-mail: ser_evgen@yahoo.com.

AXIOLOGICAL ASPECTS OF REALIZATION OF DISCOURSE POSITION AS VIEWPOINT

This article attempts to justify linguo-axiological backing of discourse position as viewpoint on the principle of relevance. As an operator of perception, conceptualization and legitimization of expressed, this principle determines the position attractiveness through the valorization of the meaning in discourse. Valorization is considered in the context of specific axiologems and discourse operations.

Key words: linguistics and axiology; discourse; discourse position; viewpoint; framing; attraction; valorization; axiologem.

Разработка аспектов языкового означивания в русле динамического подхода в современной лингвистике во многом основывается на базовом положении о его сущности как принимающего языковую форму процесса придания значения объекту референциального отношения. Означивание референта на выводном уровне конституирует тот своеобразный смысл – «концепт» (Г. Фреге), который отражает определенным образом структурированный способ видения объекта означивания в коммуникации. Смысл как определенный способ видения, точка зрения – некая «концепция» денотата, в лингвокогнитивном плане трактуется как «структура понимания и размышления»

(Дж. Лакофф) и определяется в терминах «фрейма», «сценария», онтология и функциональное проявление которого не может не находиться под влиянием «человеческого фактора», имеет аксиологическое измерение как в плане его порождения в открытом герменевтическом пространстве между «пре-конструированным» и «конструируемым» здесь и сейчас, так и в плане его интерпретации для понимания и освоения (точнее, интериоризации, в терминах Л. С. Выготского). Фрейм, поэтому «говорит» о ценностях и идеалах [12]. С одной стороны, понимание конструирования смысла в речи (высказывании, шире – дискурсе) в данном русле способствует трактовке дискурса как нацеленной и отграниченной «точки зрения» по отношению к предмету дискурсивизации; с другой – аксиологическое измерение обосновывается каузативной подчиненностью означивания и обозначения базовому принципу «антропологической прагматики» – принципу значимости в векторе самосохранения, выживания и развития человека и социума [3].

Принципу значимости, на наш взгляд, необходимо придать гораздо более объемное звучание в научном лингвистическом обиходе. Эпистемическое переосмысление возможно при введении понятия «значимость» как результирующего понятия в координаты дефиниционной оппозиции «значимое – не значимое», выводящей на понимание неизбежности редуцирования процессов в векторе оценивания значимого на более широком фоне не значимого: профилирования главного на фоне второстепенного, основного на фоне дополнительного, четкого, яркого на фоне нечеткого, смытого; нормального на фоне девиантного, закономерного на фоне случайного, привлекательного на фоне не привлекательного, привлекающего внимание, интерес, сопереживание и, в конечном счете – аттрактивного или не аттрактивного для познающего сознания, открытого множеству сфер и пространств бытия – жизненного мира человека. В этом случае понимание значимости получает потенциал не только реляционного понятия, организующего отношения между взаимодействующими сущностями и, соответственно, выявляющего их сущностные и функциональные признаки, не только понятия для выявления ценностных оппозиций, традиционно трактуемых как «собственно» аксиологические операторы морально-нравственного и эстетического свойства. Оно приобретает самостоятельное значение оператора означивания,

приобретения качества явленной значимости, объясняя аттрактивность того, что означается, аттрактивность того, каким образом это означается, аттрактивность того, что осмысляется в режиме диалогового взаимодействия, в целостной траектории дискурса [6].

Так, если исходить из положения о том, что любая дискурсивная формация, представляя собой точку зрения, приобретает качество дискурсивной позиции, устанавливая отношения согласия, антагонизма или доминации по отношению к другим точкам зрения [8], то следует полагать, что значимым для процессов аттракции будет весь эпистемический ряд компонентов, влияющих на динамику процессов. К их числу относятся аттрактивность самого референта, порождающего дискурсы и образующего предметный фрагмент коммуникативного пространства; значимость социально-политического статуса лица – субъекта дискурса; значимый – целевой адресат дискурса; институционально-жанровая заданная дестинация дискурса; система аксиологически релевантных ориентаций, к которым возводит структурируемый фрейм; совокупность операций валоризации, которые призваны обеспечить прохождение психологических ценностных «фильтров» интерпретаторов, способствовать приятию и оправданию – легитимации данной позиции в коммуникации.

Безусловной основой для исследования дискурса как дискурсивной точки зрения, проявляющей разную степень аттрактивности и в разной степени открытой «человеческому фактору» в языке является уже имеющийся опыт разработки данной проблемы. Отметим в этой связи некоторые значимые положения, необходимые для дальнейшей разработки проблемы.

Изначально понятие «точки зрения» означает физиологически и психологически неизбежное редуцирование процессов восприятия и осознания наблюдаемого мира с определенной «точки» – места, позиции, что отграничивает ракурс наблюдаемого, его феноменологию и семиотизацию, регулируемые оператором значимости. В гносеологическом и эпистемическом планах понятие «точки зрения» оказывается достаточно плодотворным и комплексным, включая в себя такие компоненты и модусы реализации, как восприятие, наблюдение, осознание, взгляд, фокусирование, отбор, позиционирование, образ видимого, отношение к наблюдаемому, ориентация видения и «сказывания» и другие аспекты. Касаясь ключевых проблем восприятия, сознания, рефлексии и речемыслительной деятельности, понятие «точки зрения»

приобретает междисциплинарный характер и эпистемически входит в ряд фундаментальных теорий: феноменологию Г. Гуссерля, теорию восприятия, теорию интенциональности, интенциональных состояний и интенций и другие теории и концепции. В семиотике искусства «точка зрения» рассматривается в связи с принимаемой позицией – внутренней или внешней эмпатией создателя произведения [7]. В нарратологии «точка зрения» рассматривается как способ организации повествования и задаваемого способа существования нарративного мира в зависимости от «лица», который занимает позицию повествователя [9]. В лингвистике активное использование данного понятия связано с разработкой проблем теорий высказывания, субъектности, дейксиса, модальности, экспрессивности, функциональной оценки, речевой коммуникации. Глубокую грамматическую традицию разработки имеет категория диатезы, связанная с ориентацией предикации в предложении/высказывании. В русле коммуникативно-прагматического аспекта анализа данная категория лежит в основе определения ориентации действия в высказывании [2, с. 612–623].

Развитие когнитивного подхода дает импульс к более глубокому осмыслению «редуцированного» способа существования и функционирования феномена языка – упорядоченной и упорядочивающей модели мира этнокультурной онтологии в ее феноменологии «картины мира» и как структурирующего видения мира дискурса в координатах определенного хронотопа. Вводится и разрабатывается понятия «наблюдатель», под которым понимается человек, воспринимающий и осмысляющий мир, а также говорящий или пишущий об этом мире, передающий сообщение о нем (У. Матурана, Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева, С. Н. Плотникова и др.). Установлено, что когнитивно-дискурсивная деятельность наблюдения за миром перемежается с когнитивно-дискурсивной деятельностью конструирования мира [5]. Точка зрения определяется как позиция (дейктический центр) восприятия и когнитивной обработки опыта [1]. В целостном русле лингвокогнитивных исследований развивается исследовательская линия, ориентированная на изучение «источника» позиционирующего себя в мире как субъекта, не только осознающего и осваивающего, но и «присваивающего мир» в высказывании (Э. Бенвенист). В этом плане особую значимость приобретают положения теории М. Мерло-Понти о единстве «собственного тела» человека, представление о человеке «переживающем» [4]; положение о коммуникативной интенции как одном

из интенциональных состояний человека [10] и, значит, их онтологической взаимосвязанности. В теории субъектности, постулирующей экзистенциальную целостность субъекта, выделяются множественные и специфические «ипостаси» ее проявления [11]. В речемыслительной деятельности говорящий – «человек, переживающий себя по отношению к миру, Другим и себе самому себе в мире» есть одновременно наблюдатель, концептуатор, локутор, отношение к миру которого имеет характер, ограниченный интенционально. При этом формулируемая «точка зрения» становится «позицией» только в реальности ее реализации по отношению к другим «когнитивным пространствам» и другим уже циркулирующим в интердискурсе точкам зрения, если она «легитимизируется»: признается оправданной, истинностной, аттрактивной. В этом плане обоснованным можно считать утверждение о том, что продвижение позиции по отношению к другим «точкам зрения» в дискурсивном мире, будучи ограниченным целым рядом факторов, основано на валоризации – возведении и редукционным стягиваниям и обоснованиям «сказываемого» к валидным основаниям – ценностным понятиям, относящимся к когнитивному фонду «пре-конструированного значимого» для коммуникантов – носителей языка и концептосферы (концептоносителей). Уже существующий анализ таких основных способов концептуального, фреймового структурирования дискурса как фокализация и фрейминг (рефрейминг) служит убедительным свидетельством их сущности способов оценочного валоризирующего редуцирования [12; 13].

В данном случае следует отметить, что трактовка высказывания как точки зрения «прототипична» для такого типа дискурсов, в которых интенциональность связана с осмыслением предмета, проявляющегося и «схватываемого» в феноменологии неопределенного и проблемного, что предполагает множественность интерпретаций, разброс (обратим внимание на внутреннюю форму слова «дискурс» – от латинского *discorrere*, разбегаться в разные стороны, позднее – выражать разные мнения) точек зрения с целью прояснения сущности «денотата», оппонирование, конкуренцию «точек зрения». В этом случае дискурс приобретает интенсивную аргументативность, риторическую и стратегическую организацию для целей ее легитимации. Финализация высказывания как продвижение точки зрения («нового» смысла, новой «концепции», видения предмета мысли в данных параметрах ситуации) под давлением фактора времени требует

определенности, которая достигается на аксиологическом уровне. Сущность валоризации можно определить как такой способ организации высказывания, который позволяет в интерпретативных процессах конструирования смысла и его домысливания в коммуникации возводить понимание и размышление к аксиологически параметризованной концептосфере коммуникантов, служащей источником легитимации позиции для человека, постоянно находящегося в зазоре – переживании себя между миром реальным, миром желаемым и миром должным. В связи с рассматриваемым ракурсом анализа встает вопрос о том, каким образом происходит управление открытыми и сложными процессами структурирования траектории дискурса, развивающегося в направлении порождения и продвижения актуально «нового» смысла. В лингвосинергетике и других системных теориях обосновано положение об аттракции как векторе упорядочения диффузных процессов при их взаимодействии. По отношению к высказыванию речь идет о синергичном взаимодействии лингвокогнитивных процессов, невозможное без переживания, оценивания и модализации по вектору значимости. На выводном синтаксическом уровне в качестве аттракторов – операторов аттракции, носителей особо значимых средоточий смысла, следует рассматривать, очевидно, те языковые средства, которые маркируют способы выделения значимого: тема-рематическое членение, эмфазу, в том числе фокализацию и тематизацию, диатезу, а также средства оценочной, образной номинации и квалификации, фразеологизмы и провербиальные единицы. Их наблюдение в тексте, опредмечивающем дискурс, предусматривает, таким образом, возможность возведения анализа к лингвоаксиологическим аспектам с опорой на данные средства выделения значимого. Опираясь на наш опыт изучения дискурсов разного типа, будем утверждать, что в качестве аттракторов, управляющих структурированием и продвижением (легитимацией) точки зрения, могут выступать отдельные аксиологемы; афористические оценочные суждения – фразы «слоганового» характера, а также трансфразовые валоризирующие операции, структурирующие аргументативный дискурс.

Аттрактор – аксиологема. В этом качестве выступают знаки, восприятие которых немедленно порождает эффект модализации и оценивания, способствуя валоризации «сказываемого». Аттрактивность такого рода аксиологем, вписанное в процесс аргументации, определяется либо их символической привлекательностью, убедительной

эвристичностью, либо их мифологизированным потенциалом, либо эмоциональной или морально-нравственной семантической «нагрузкой». Так, предложение бывшего в то время президентом Франции Н. Саркози (2007) изменить название Министерства по делам иммиграции на Министерство национальной идентичности, вызвало негодование во французском обществе. Имя становится идеологемой – носителем аксиологического фрейма, предписывающего политическое действие. Валоризация задаваемого в аксиологеме смысла противоречит «вершине» фрейма – исторически «выстраданным» ценностям республики и прав человека.

Трансфразовые валоризирующие операции, структурирующие аргументативный дискурс. К данному ряду аттракторов отнесем операции высказывания, посредством которых формируется оценочное редуцирование процессов восприятия и концептуализации. Кратко проанализируем такого рода способы валоризации на материале транскрипции теледебатов французского канала TV 5 *C'est dans l'air* от 30.06.2010, архивированной как «suicide www.com».

Селекция, выбор предмета референциального мира. Темой публичных теледебатов с участием экспертов по критерию значимости отобрано абсолютно аномальное событие социальной реальности – самоубийство школьников.

Абдукция – способ сужения информирования до достаточно значимых сведений как основы для поиска правдоподобных объяснительных гипотез:

*Depuis 2005, sept tentatives de suicide collectif ont concerné des adolescents. Le suicide constitue la **deuxième cause de mortalité** en France (après les accidents de la route) chez les 15 et 24 ans, selon l'INSERM. Chaque année, **40 000 adolescents** tentent ainsi de mettre fin à leurs jours...*

Конструирование фрейма критической ситуации: «4 collégiennes tentent de se suicider».

Эвалюация – объективно ориентированное оценивание предмета обсуждения по его измеряемым и статистически верифицируемым признакам, как это следует из выше приведенного фрагмента.

Аппрециация – субъектно ориентированное оценивание:

*Ses trois autres camarades font des tentatives **heureusement** inabouties.*

Маркером аппрециации и явной эмпатии говорящего выступает оценочное наречие *heureusement*, исходящее из «внутреннего»

источника интерпретации – сферы чувств и эмоций, сочувствия, соучастия.

Выдвижение базового аттрактора валоризации: *le vrai échange*.

Обобщение, восходящее до уровня оценочного суждения. Перенос концептуализации конкретного события в плоскость социального факта, получающего аксиологическую интерпретацию:

Un jeune, un adolescent plein d'avenir a priori n'est pas destiné à se donner la mort.

Структурирование антитезы (или другого типа оппозиций) и ее оценочная трансгрессия.

Антитеза, как известно, заключается в разъединении понятий, в их противопоставлении, создании значимого контраста и его последующей трансгрессии, которая в данном случае достигается возведением размышления на уровень невозможности выбора смерти в ее соотношении с жизнью.

Установка эмпатии высказывания или ее переориентировка. Эмпатия может устанавливаться ориентацией на «высшего» дестинатора – непререкаемые традиционные истины и идеалы, на личный опыт, на положение и интересы одной из сторон ситуации:

Il faut savoir avant tout ce que les adolescents veulent eux-mêmes.

Оценочное описание общей ситуации, ее актантов и их состояния:

...l'émotion est extrêmement importante chez tous les adolescents du village; ...personne ne comprend la situation; Tous sont choqués, y'a une incompréhension des adultes par rapport à ce geste-là.

Ориентирование дискурса на прагматическую цель дискурса:

Quand on commence à s'interroger sur ce qui s'est passé réellement et sur ce qui pouvait être l'origine de la contagion <...> la seule chose qu'on finit par retrouver, c'est ...

Расширение фокуса рассмотрения ситуации и моделирование расширенного (концептуального) кадра осмысления. Расширение актантной структуры ситуации и оценка связи, образующей структуру: *les parents, les professeurs, le responsable du collège, la ville, nous*. Оценочно расширенный концептуальный кадр оценивается через аксиологему *la responsabilité*.

Структурирование ценностной оси для достижения цели – моделирования выводного объяснения-сценария преодоления опасной и неопределенной ситуации. Включает последовательное введение и разработку базового аттрактора: *les enfants – la communication – le vrai échange*.

Фокализация внимания на основном признаке «найденного» наиболее значимого концепта посредством выделительного фокусирующего оборота *c'est ... qui*, тем самым, формулируется некая норма в осмыслении сущности *échange* как «истинного» общения.

Открытие точек зрения, их столкновение по отношению к базовому аттрактору, *интенсивное аргументирование позиций*. Средством открытия позиций является суждение с глаголом мнения в первом лице *Je crois que, Je ne crois pas que, Le vrai problème est que ...*; модальные деонтические структуры... *il faut être plus attentif*.

Моделирование «анти-фрейма», т.е. такого абсолютно «неправильного» видения ситуации, экстериоризация которого позволяет сделать ее наглядной и более легкой для коррекции. В данном случае такой «анти-фрейм» моделируется в структуре *acte de brutalité*.

Данный перечень валоризирующих операций, не является исчерпывающим. Дальнейшее изучение дискурсивной позиции в лингво-аксиологической трактовке представляет собой перспективное поле исследований, касающееся, в том числе выделения критериев и классификации различных дискурсивных позиций в одной из предметных областей коммуникативного пространства; выявления закономерностей функционирования «точек зрения» в широком интердискурсивном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боровикова К. В. Дискурсивный мониторинг мира говорящим/пишущим как наблюдателем (на материале спортивных репортажей в современных англоязычных средствах массовой информации): дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2008. – 184 с.
2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – С. 349–588. [По изд. 1798 г.]
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. – М.: Ювента, Gallimard, 1999. – 602 с.

5. Плотникова С. Н. Стратегичность и технологичность дискурса // Лингвистика дискурса – 2 // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация ; под ред. С. Н. Плотниковой. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – С. 87–98.
6. Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестник ИГЛУ.– 2013. – № 1. – С. 183–189.
7. Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. – М.: Искусство, 1970. – 328 с.
8. Фуко М. Археология знаний: пер. с фр. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
9. Genette G. Nouveau Discours sur le récit. – P.: Seuil, 1983. – 236 p.
10. Searle J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind // Mode of access. – URL: http://ebookey.org/John-R-Searle-Intentionality-An-Essay-in-the-Philosophy-ofMind_674102.html #6OsId 387b ByVquc3.99 (дата обращения: 21.09.14).
11. Lacan J. Ecrits. – P.: Seuil, 1967. – 261 p.
12. Lakoff G. Framing: it's about values and ideas // Mode of access. – URL: www.rockridgeinstitute.org/research/lakoff/valuesideas (дата обращения: 21.09.14).
13. Luntz F. Words that work. It's not what you say, it's what people hear. – N. Y.: Kindle Edition, 2007. – 439 p.
14. Searle J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind // Mode of access. – URL: http://ebookey.org/John-R-Searle-Intentionality-An-Essay-in-the-Philosophy-ofMind_674102.html #6OsId 387b ByVquc3.99 (дата обращения: 21.09.14).
15. Suicide des adolescents // TV 5 C'est dans l'air du 30.06.2010 // Mode of access. – URL: suicide.5.com (дата обращения: 15.07.2010).

УДК 801

В. М. Хантакова, С. А. Зимина

Хантакова В. М., д-р филол. наук, проф. каф. немецкой филологии МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: achinj@mail.ru.

Зимина С. А., аспирант каф. немецкой филологии МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: nastja.ura.8888@mail.ru.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИНОНИМОВ В АДВОКАТСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистической науки – проблеме синонимии, в описании которой имеет место перемещение акцента с синонимии форм на синонимию смыслов. Особое внимание уделено значимости разработки проблемы синонимии в адвокатском дискурсе и информационно адекватному выбору в относительно однородном смысловом пространстве.

Ключевые слова: синонимия; дискурс; языковая личность; адвокат; адвокатский дискурс.

Khantakova V. M.

Ph. D. (Philology), Professor, MSLU EALI; e-mail: achinj@mail.ru.

Zimina S. A.

Post-Graduate Student, MSLU ELI; e-mail: nastja.ura.8888@mail.ru.

THE FEATURES OF THE FUNCTIONING OF SYNONYMS IN LAWYER DISCOURSE

The article allows for an urgent of linguistic science – the problem of synonymy, whose study is related to the description of meaning and sense of linguistic units. Special attention is paid to the importance of the development of problems of synonymy in lawyer discourse and to the choice of information in a relatively homogeneous semantic space, which is the guarantee of success of intercultural communication.

Key words: synonym; discourse; linguistic person; lawyer; lawyer discourse.

Синонимия, будучи одним из универсальных констант естественного языка, несмотря на большое количество исследований, посвященных ее описанию, остается пока недостаточно познанным его явлением. Исключительная роль, которая принадлежит синонимам в фиксации осмысления окружающей человека действительности в языке и в обеспечении взаимного понимания людей, участвующих в коллективном действии, обуславливает значимость их дальнейшего

анализа и востребованность обобщения его результатов в современных парадигмах знания.

К числу значимых результатов в исследовании синонимии в настоящее время является перемещение акцента с ее понимания как синонимии форм на синонимию смыслов, отображающей антропоцентрические условия формирования, развития и функционирования синонимических средств языка и адекватное оперирование ими [7]. Такая эволюция исследовательской мысли свидетельствует о повышении научного ранга исследования синонимии и ее актуальности в разработке таких проблем, как осознанное владение законами организации информации в дискурсе, выявление системы правил, определяющих адекватное замыслу создателя или отправителя сообщения осмысление сообщений, транслируемых в обществе, достижение нужного регулирования коллективных действий.

При этом за ориентиры и цели при описании синонимии принимается взаимосвязь интеллекта, воли и эмоции языковой личности, использующей знание синонимических средств языка в качестве действенного инструмента выражать тончайшие нюансы смысла при описании одного и того же фрагмента действительности в своей познавательной и коммуникативной деятельности.

Для того чтобы передавать и воспринимать тончайшие нюансы смысла, люди должны уметь различать синонимы, определяемые как «слова близкие или тождественные по значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга оттенками значений (близкие), либо статистической окраской (тождественные), либо обоими этими признаками» [4, с. 9]. Это же относится и грамматическим единицам, поскольку синонимичны не только слова, но «*Strukturen, die sich formal unterscheiden, aber ähnlich oder gleiche Bedeutung haben und deshalb im Kern der Bedeutung übereinstimmen*» [12, S. 206].

Часто случается так, что формирование информации о мире или его фрагментах и ее фиксация в языковых средствах нередко соотносимо с рассказом человека о своей жизни, которая описывается не так, как она есть на самом деле. Действительно, в большинстве случаев при описании фрагментов внеязыковой действительности отбрасываются те моменты и нюансы, которые по каким-то причинам «не вписываются в контекст».

При этом процедура отбрасывания часто определяется не ситуационными желанием и предпочтениями создателя информации,

а определенными стратегическими установками, заставляющими направить внимание только на некоторые признаки описываемых явлений или событий и намеренно абстрагироваться от других. Это связано не столько с процессами ограничения пропускной способности канала восприятия при обработке информации об окружающем человеке мире, сколько со стремлением в силу разных причин создания «желаемого будущего», не совпадающего с тем положением дел, фиксируемых в рамках «здесь и сейчас».

Следствием этого являются при создании информации (намеренно или ненамеренно) искажения, неточности, некоторые упущения, незначительные, а иногда существенные, несоответствия реальному положению дел, отсутствие аналогии во внешнем мире. Получается, что «желаемое будущее» как цель сопоставимо с понятием «аттрактор» и оказывает существенное влияние на практические действия людей. Нельзя исключить в этой связи и некоторые элементы фантазии, поскольку человек, описывая какой-либо фрагмент окружающего его мира, может «дорисовывать» некоторые детали, подключая свою систему воображения, что также ведет вольно и невольно к неточностям или к ненамеренным искажениям.

Понятно, что люди часто в своих описаниях действительности стремятся сформировать в сознании слушающего или читающего такое представление о них, которое устраивает их и которое отвечает интересам их жизнедеятельности.

Вполне очевидно, что создание такой информации и ее передача в коммуникативном процессе требует осознанного владения законами организации информации и информационного выбора в относительно однородном смысловом поле, что является решением одной из крупных проблем лингвистики [6]. А это, в свою очередь, связано с использованием широких возможностей синонимического варьирования, функциональная роль которого заключается в слитном существовании взаимно противопоставленных смыслов, проявляющееся не в оппозиции одного синонима другому, а некоторой общей целостности, в которую они одновременно входят. Каждый синоним как часть целого, т. е. синонимического ряда, в определенной степени воспроизводит свойства и структуру этого целого. Однако каждое такое воспроизведение не есть просто результат «перетекания» значений целого в его часть, оно каждый раз характеризуется новым смысловым приращением, что не всегда позволяет заменить один синоним

другим в одном и том же контексте, несмотря на то, что они находятся в одном синонимическом ряду по принципу самоподобия.

Именно это свойство синонимов открывает возможности их взаимозамены, которую можно использовать в тех случаях, когда при описании фрагментов внеязыковой действительности необходимо абстрагироваться от тех моментов или нюансов, которые по каким-то причинам должны игнорироваться. Примером этому может послужить выбор одного из слов из синонимической пары *системный* и *систематический* в терминосистеме права, являющийся ярким показателем эффективности формирования и передачи информации в коммуникативном процессе с использованием синонимии как диалектического единства семантического тождества и различия языковых единиц. Здесь реализуется умение говорящего выбрать из множества возможных средств выражения определенной мысли то, что в наибольшей степени соответствует интенциям говорящего или пишущего [8] «здесь и сейчас».

Так, на одном из судебных заседаний, когда речь шла о систематических нарушениях режима работы подсудимого, было использовано адвокатом слова *системный* вместо его синонима *систематический*. Используемый манипулятивный прием подмены понятий адвоката мог повлиять на ход (что действительно имело место в начале судебного разбирательства), например, на затягивание или результаты судебного процесса [3, с. 146].

Обычно слово *системный* соотносится с понятием системы, т. е. установленной формой организации чего-либо, устройство. Следовательно, *системные нарушения* есть закономерность действий в сложном целом, составные части которого находятся во взаимной связи. Другими словами, системные нарушения обусловлены формой организации предприятия, и, как правило, не зависят от конкретного человека. Получается так, что если работник имеет нарушения или упущения в работе, то они (нарушения и упущения) являются следствием каких-либо сбоя в работе всего предприятия или организации и тем самым влияют на практические действия людей. Несколько иная картина возникает в случае использования прилагательного *систематический*. В данном случае нарушения вызваны не формой организации предприятия, на котором работал подсудимый, не правилами, принятыми на этом предприятии, а поведением самого подсудимого, его упущениями в работе или нерадивостью, которые повторялись неоднократно.

Все вышесказанное свидетельствует о широких возможностях синонимического варьирования языковых единиц, получающего все бóльшую актуальность в теории дискурса, в рамках которой описаны различные виды дискурсов.

Процессы демократизации общества и его интеграционные процессы выдвигают особые требования к языку публичного выступления. В связи с этим исследование адвокатского дискурса представляет большой лингвистический интерес, и он обусловлен, прежде всего, правом общества на квалифицированную юридическую помощь, входящую в правовой институт основных прав и свобод человека и гражданина и лежащий в основе правового статуса личности. Оказание квалифицированной юридической помощи признано законодательно и требует от адвоката не только формирования ясной картины мира, но и четкого и непротиворечивого представления информации о ней с помощью языка. При этом адвокат рассматривается в нашем исследовании как субъект речевой деятельности, социального общения, как лицо, воспринимающее и осмысляющее мир.

Основываясь на известном тезисе о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – человеку, к конкретной языковой личности» [5, с. 56], обратимся к исследованию синонимии в структуре языковой личности адвоката. На первом, семантико-вербальном, уровне языковой личности имеем дело с результатами постепенно накопленного опыта человека, его знаниями об окружающем мире, которые могут фиксироваться в языке в виде синонимических пар или синонимических рядов.

Данный уровень отражает активное владение говорящим естественным языком, которое проявляется, прежде всего, в смысловой адекватности его речи, т.е. в умении выбрать именно те средства, которые в точности выражают его мысль [1, с. 243]. Здесь вполне очевидна важная роль владением пользователем языка его синонимическими средствами, поскольку синонимы – это результат постепенно накопленного опыта взаимодействия человека с миром, обработки полученной и получаемой информации о мире и формирования знания о нем.

Это некая база выбора слов для пользователя языка, использующего синонимы в тех или иных дискурсивных условиях для решения разнообразных коммуникативных и когнитивных задач. При этом наиболее значимым является способность языковой личности к перефразированию, или другими словами, выражать один и тот же смысл

синонимическими единицами, поскольку в основе перифрастической способности лежит знание синонимической системы в широком смысле этого слова [1, с. 245]. С перифрастической способностью языковой личности открывается еще одна особенность синонимии: синонимы – не только единицы семантико-вербального уровня, они являются выразителями лингвокогнитивного и мотивационного уровней структуры языковой личности. Данное обстоятельство позволяет считать, что описание синонимических средств языка, ограничивающееся их анализом только на семантико-вербальном уровне, не может быть полным вне обращения к другим уровням структуры языковой личности адвоката в его дискурсе.

Целью нашего действия является определение зависимости выбора синонимических единиц, зафиксированных на семантико-вербальном уровне, от цели, мотива, интереса, установки адвоката в процессе защиты обвиняемого, оправдания подсудимого или доказательства его невиновности.

Известно, что коммуникация в зале суда регламентируется процессуальным законодательством, потому «языковая вседозволенность» здесь неприемлема, что обязывает адвоката подбирать такие синонимы, которые с одной стороны, не выходили бы за рамки закона, а с другой – позволили бы повлиять на решение суда.

Исходя из вышесказанного, обратимся к анализу дискурса адвоката Тарека Махмуда, представителя петиции, участвовавшего в уголовном процессе по поводу выборов в Египте в апреле 2014 г. Речь идет о заседании суда, на котором обсуждалась кандидатура от мусульманского сообщества в парламент страны:

Es ist unlogisch, solche Kandidaturen anzunehmen, nachdem die Muslimbruderschaft von der Regierung als Terrororganisation eingestuft worden ist», sagte der Anwalt Tarek Mahmud, der die Initiatoren der Petition vertritt. «Wir haben Videos, Fotos und Dokumente vorgelegt, die Terrorakte der Muslimbruderschaft zeigen, weshalb es unlogisch ist, dass sie das Land führen oder sein Volk bei den Wahlen vertreten (www.focus.de).

Важным структурно-смысловым центром организации информации в дискурсе адвоката Тарека Махмуда является лексическая единица *unlogisch*, согласно словарю, является одним из членов синонимического ряда с доминантой *widersinnig* со значением «dem vernünftigen Denken zuwiderlaufend» [13, S. 613; 10, S. 953]. Одним

из близких к ней в смысловом отношении синонимов является лексема *absurd*. Прежде чем обратиться к выяснению выбора автором дискурса именно лексемы *unlogisch*, отметим, что в языке, несмотря на стремление одного синонима вторгнуться в семантическую зону другого, обозначающего «то же», четко очерчены границы их семантического объема, о чем свидетельствуют их определения. Так, лексема *unlogisch* имеет такие смысловые компоненты, как: «nicht so richtig strukturiert» [11, S. 1034] и «zur Logik gehörig nicht, auf ihr beruend, ihr entsprechend, den Denkegesetzen gemäss, nicht denkrichtig, nicht folgerichtig» [14, S. 2405].

Что касается ее ближайшего синонима *absurd*, то он, выражая общее для всего ряда значение «dem vernünftigen Denken zuwiderlaufend», определяется как:

ohne Sinn, nicht logisch: absurde Vorstellung, absurde Ideen, etwas absurd klingt, etwas absurd finden [2, с. 19].

Предпочтение в приведенном фрагменте отдается лексеме *unlogisch*. Выбор слова *unlogisch* из синонимического ряда объясняется тем, что речь идет о выборах и предвыборной кампании, проведение которой не может быть а priori нелепым и абсурдным, поскольку решается судьба страны, государства. Организацию выборов можно охарактеризовать как непоследовательную, неправильную, но не как абсурдную.

Появлению в данном дискурсе слова «*absurd*» противостоит также контекстуальный минимум, включающий противопоставление субстантивных лексем *Regierung, Land, Volk, Wahlen*, с одной стороны, и словосочетаний *Terrorakte der Muslimbruderschaft, и von der Regierung... als Terrororganisation einstufen* – с другой. Именно этот контекстуальный минимум конкретизирует содержание лексемы *unlogisch*, с помощью которой организуется то смысловое пространство дискурса, необходимое языковой личности адвоката в данном случае. Выбор адвокатом синонима *unlogisch* служит фильтром, проходя который языковые средства формируют нужную или отвечающую интересам адвоката информацию: нелогично, что кандидат мусульманского братства, характеризуемое как террористическая организация, будет участвовать в этих выборах. Это противоречит принципам любого государственного устройства, интересам жизнедеятельности общества.

Несколько иная картина выбора другой лексической единицы *absurd* из этого же синонимического ряда прослеживается в дискурсе адвоката Михаэля Нагеля, который в 2008 г. представлял интересы и защиту бывшего федерального президента Германии Кристиана Вульфа:

Wulffs Verteidiger Michael Nagel erklärte, die Hypothese sei absurd, dass Wulff sich für einen Freund wegen ein paar hundert Euro gefällig gezeigt», haben sollte. Das Verfahren dürfe nicht weiter Gefahr laufen, zu einem Schauspiel zu werden (www.mopo.de).

В данном фрагменте речь идет о Кристиане Вульфе, который принимал участие в проекте фильма, финансируемого его другом. Чуть позже выяснилось, что его друг не в полном объеме выполнил свои финансовые обязательства, не доплатив несколько сотен евро. Бывшему президенту Кристиану Вульфу предлагают это дело разрешить с помощью судебного разбирательства. Однако его адвокат Михаэль Нагель объясняет это тем, что сама идея о возбуждении судебного процесса против друга президента абсурдна.

Структурно-смысловым элементом избранного для анализа фрагмента дискурса является лексема *absurd*, которую использует адвокат для описания полной, очевидной нелепости той ситуации, в которую пытаются вовлечь президента, якобы пытающегося подать иск на своего друга в суд из-за пара не заплаченных ему сотен евро. Действительно, возбуждать уголовный процесс из-за пары сотен евро выглядит абсурдно для любого здравомыслящего человека. Появлению данной лексической единицы в дискурсе адвоката способствует незначительный, но все же весьма весомый аргумент – слово *Schauspiel*. Идея об уголовном процессе напоминает театр абсурда, изображающий ситуацию с президентом и его другом как хаос, а поступки этих людей как алогичные и бессмысленные. Поэтому адвокат предлагает прекратить этот процесс, пока он не стал восприниматься как спектакль, представляющий собой смешное событие, зрелище.

Анализ фактического материала показывает, что выбор синонимов *unlogisch* и *absurd* способствует формированию и выделению наиболее важной и значимой информации в дискурсе адвокатов. Они не просто единицы семантико-вербального уровня, зафиксированные в одном синонимическом ряду. Они еще и источник реализации потребностей языковой личности, служащих для выяснения установок, мотивов,

находящих отражение в ее дискурсивной деятельности. В силу этого они ставятся ключевыми моментами в дискурсе адвоката.

Итак, в дискурсе адвоката организация информации непосредственно связана с отбором необходимой языковой единицы из ряда синонимичных им выражений, которые играют важную роль в формировании информации в адвокатском дискурсе. Языковая личность адвоката фокусирует свое внимание на нужную деталь с помощью выбора синонима, полно и точно отражающего воспринимаемую и осмысливаемую ситуацию и выражающего ее отношение к этой ситуации. Поэтому знание синонимических средств языка, а также умение выбрать нужный синоним позволяют адвокату формировать информацию так, чтобы достичь искомой реакции у слушателя, что свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения соотношения синонимов, реализующихся на вербально-семантическом уровне, с остальными уровнями организации языковой личности адвоката.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды: в 2 т. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – 356 с.
2. *Большой толковый словарь немецкого языка: Для изучающих немецкий язык // Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache.* – М.: Март, 1998. – 1248 с.
3. *Доценко Е. Л.* Вербальные средства влияния в современном судебном дискурсе // *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией.* – М.: Индрик, 2008. – С. 143–150.
4. *Евгеньева А. П.* Проект словаря синонимов. – М.: Наука, 1964. – 567 с.
5. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1989. – 261 с.
6. *Хантакова В. М.* Синонимия форм и синонимия смыслов: теоретическая модель анализа интегративного взаимодействия синонимических единиц одно- и разноуровневой принадлежности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 2006. – 37 с.
7. *Хантакова В. М.* Смыслоформирующая роль синонимии // *Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика.* – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 226–231.
8. *Черняк В. Д.* Синонимические связи слов в лексической системе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1992. – 41 с.
9. *Duden.* Das Bedeutungswörterbuch // *Duden.* – Mannheim–Leipzig–Wien–Zürich: Dudenverlag, 2010. – 1151 S.

10. *Duden*. Das Synonymwörterbuch // Duden. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2010. – 1136 S.
11. *Duden*. Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. – Mannheim-Wien-Zürich, 2008. – 1312 S.
12. *Schippan, T.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Niemeyer, 1999. – 306 S.
13. *Synonymwörterbuch: sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache*/ H. Gerner und G. Kempcke. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1980. – 643 S.
14. *Wahrig*. Deutsches Wörterbuch // Wahrig. – München: Mosaik Verlag. Verlagsgruppe Bertelsmann GmbH, 1980. – 4358 S.

УДК 81.00

Н. Н. Ефимова

канд. филол. наук, докторант каф. перевода и межкультурной коммуникации МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: caprico2009@yandex.ru.

ОСЛЫШКА: ЛОЖЬ ИЗВНЕ И ЛОЖЬ ИЗНУТРИ

В статье предпринята попытка показать области пересечения и размежевания сфер применения различных исследовательских методологий к изучению когнитивной ошибки речевосприятия. Освещаются достижения современных нейрopsихолингвистических и лингвофилософских подходов к исследованию механизмов восприятия и его сбоев с точки зрения потенциала реконструкции означаемого на основании способов его речевого выражения.

Ключевые слова: перцепция; когнитивное искажение; рецептор; ошибка речевой деятельности; мондегрин; смыслопорождение; смысловосприятие; возможный мир.

Efimova N. N.

Candidate of Philology, Doctoral student, MSLU ELI,
e-mail: caprico2009@yandex.ru.

MONDEGREEN: WHERE THE LIE LIES

The paper describes the background and potential of diverse methodological strategies addressing speech perception error. Modern neuropsychological and linguophilosophic approaches to perception mechanisms and perception errors are covered with the focus on the reconstruction of the signified based on characteristics of its expression.

Key words: perception; cognitive distortion; receptor; speech error; mondegreen; sense generation; sense perception; possible world.

Исследование процесса и результата речевосприятия (подготовлено при поддержке РГНФ грант № 14-04-00302), включая их разнообразные нарушения, тесно связано с изучением интеллектуальной, эмоциональной и эстетической рецепции текста, его толкования и осмысления, традиционно составляющими предмет герменевтики. Представление о двухэтапном характере восприятия предопределило появление двух векторов его анализа. Непроизвольный этап приема, входящего сигнала и его начальной обработки, – предмет нейрофизиологии, нейропсихологии, психоакустики, афазиологии. Этап ввода в действие высших психических функций, глубинных механизмов восприятия, включающих семантическую, синтаксическую, аксиологическую обработку, оказывается в точке сближения предметных полей

естественнонаучных областей знания и социогуманитарных дисциплин – нейролингвистики, теории коммуникации, теории аргументации, семиотики, рецептивной эстетики, филологической герменевтики.

Традиционно принятое в нейропсихологии деление на перцепцию и когницию уступает место пониманию тесной взаимозависимости этих процессов и признанию их функционального единства [12], что указывает на формирование тенденции целостного осмысления феномена восприятия. Изучение языка – зеркала человеческого духа в понимании Лейбница [5] – и речевой деятельности как когнитивных феноменов – важнейший шаг на пути познания таинства концептуализации и интерпретации действительности, осознания и описания индивидуальной картины мира как области порождения субъективных смыслов. В качестве предмета филологической герменевтики Г. И. Богин постулирует понимание как «усмотрение и освоение идеального, представленного в текстовых формах», основную ипостась и «одно из инобытий рефлексии» [2].

Комплексное теоретическое осмысление перцептивного и когнитивного феномена ошибки восприятия и интерпретации как промежуточного или конечного результата истолкования вербального знака представляется возможным в свете междисциплинарной парадигмы гуманитарного знания. Объектом нашего исследования является когнитивная ошибка восприятия, рассматриваемая как результат интерпретации вербального знака, отличный от смысла, вложенного в него автором, ее лингвофилософские и лингвoseмиотические аспекты.

Ослышки – преобразования и деформации звучащего текста или его фрагмента – являются одной из разновидностей ошибок речевой коммуникации, наряду с оговорками, описками и очитками. Исследования ошибок речевой деятельности сосредоточены в основном на оговорках и описках, т.е. результатах продуцирующих видов речевой деятельности. Словарь С. И. Ожегова определяет ослышку как «ошибку слуха, вследствие которой сказанное принимается за другое, сходно звучащее» [6, с. 462]. Исследователь ослышек-мондегринов Эндрю Невинс указывает на то, что ослышки, будучи частотным явлением, исследованы намного менее глубоко, чем оговорки, пользующиеся вниманием психологов и обычных людей во многом благодаря распространению фрейдистского подхода к изучению «случайных» озарений говорящего. Пытаясь выявить факторы порождения ослышек-мондегринов, Невинс ссылается на игру «испорченный телефон» (Chinese Whispers), которая основана на «тенденции

трансформировать изначальную речевую последовательность в иной опыт восприятия, и может рассматриваться как случайная мутация, ведущая к масштабным языковым изменениям» [19]. Изучение ослышки осложнено еще и тем, что она, в отличие от оговорки, слышной всем, не всегда осознана и озвучена.

Ослышку можно считать ошибкой по отношению к смыслу, вкладываемому в него говорящим, но не по отношению к смыслу, осознанно или неосознанно созданному рецептором. Ослышка рождается на стыке реального и возможного – речевой стимул активизирует некие индивидуальные ресурсы перцепции.

Н. Д. Арутюнова противопоставляет виденье и виденье, указывая на то, что «глаза видят и воспринимают обращенную к зрителю поверхность мира, но к ней присоединяются видения: ложь и фантазии, поступающие извне и изнутри... Таким образом, существуют два мира – внешний и внутренний – и, соответственно, два вида истины: истина внешнего мира и правда человеческой души» [1, с. 104].

В качестве отправной точки исследования аудиального восприятия, на наш взгляд, можно выдвинуть аналогичную гипотезу – слуховое восприятие, как и визуальное, отражает не только (возможно, и не столько) истину внешнего мира, сколько правду человеческой души. Любопытно, что русские виденье как процесс и виденье как результат этого процесса имеют единый аналог в германских и романских языках – «vision». А значение русского существительного «слышание» имеет только процессуальный характер в русском языке, его корреляты в английском – «hearing» и «audition».

С концепцией появления лжи и фантазии извне и изнутри Н. Д. Арутюновой перекликается взгляд Эндрю Невинса – он выделяет внешние (bottom-up) факторы, ведущие к ослышке – шумы и помехи, и внутренние (top-down) факторы – наши ожидания относительно слышимого; последние, однако, ограничиваются условием фонетического сходства целевой фразы и воспринятой фразы, т.е. фактор говорящего предполагает, а фактор слушающего располагает [19]. Созвучны этому и наблюдения С. Пинкера: «Каждый акт речевой небрежности со стороны говорящего требует компенсации в виде умственного усилия со стороны партнера по разговору. Общество ленивых говорунов станет обществом усердно трудящихся слушателей» [7]. Об этом же говорит М. Шапир: «Ложь адресанта...

провоцирует фантазию адресата, который пустые звуки силится наполнить глубоким содержанием» [10, с. 19].

К внешним факторам следует отнести физические помехи – шумы, акустический фон при использовании телефонной и интернет-коммуникации, погрешности дикции говорящего, включающие «неполный тип произнесения» [8]. Однако в силу *horror vacii* человеческое сознание обладает способностью восполнять «пустоты», неизбежные при восприятии. Согласно закону замыкания – одному из фундаментальных постулатов гештальт-психологии, при восприятии чего-либо непонятого мозг стремится преобразовать это непонятное в нечто знакомое. Этот закон действует, когда мы смотрим на неоконченный рисунок и невольно заполняем пробелы, получая целостный образ, а также когда слуховое восприятие затруднено по какой-то причине, но слушатель восполняет не услышанное. Тяготение к упорядочению хаоса, очевидно, восходит к давнему инстинкту выживания – чем меньше внешних стимулов требовалось древнему человеку, чтобы понять, где находится хищник или, напротив, добыча, тем больше шансов выжить он получал. Вероятно, определенную роль в процессе «восстановления» текста играет и апофения – свойство человеческого разума обнаруживать структуры и взаимосвязи там, где их нет. Согласно данным Е. И. Риехакайнен, в случае искажения словоформ и неполного произнесения распознаванию способствуют контекст, предсказуемость и частотность. На степень активации одной из интерпретаций неоднозначного сигнала в условиях отсутствия контекста может влиять не только частотность словоформы и грамматических классов, в которые она входит, но и число потенциальных контекстов, в которых она может употребляться, а также наличие частотных словосочетаний с этой словоформой [там же].

Исследования фоносемантики – содержательной стороны звука – указывают на то, что каждый звук речи подсознательно воспринимается в связи с неким набором признаков, степень выраженности которых оценивается по шкале и получает значение между двух экстремумов (хороший – плохой, женственный – мужественный, яркий – бледный и др.) [3]. Явление зрительно-слуховых синестезий – корреляций между визуальным и аудиальным восприятием, основанное на сходстве восприятия колебаний электромагнитного поля в акустическом и зрительном диапазонах, признано и активно изучается физикой

и психологией. Ассоциативные синестезии могут быть как общезначимыми, так и произвольно-субъективными.

Фонологические исследования подтверждают, что частотные звукосочетания и словосочетания, являющиеся привычными для носителей языка, часто выступают в роли «слышимых» вместо фактически произнесенных – так в романе «Два капитана» В. Каверина Саша передает прозвище капитана как «Монготимо Ястребиный Коготь» вместо «Монтигомо Ястребиный Коготь». В «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова появляется подпольная организация «с Мечи и Урала» вместо «Союза меча и орала». Очевидно, что с этой закономерностью связаны метатезы, возникающие при заимствовании слов из чужого языка («тарелка» – от немецкого «Teller», футляр – от немецкого «Futteral», мольберт – от «Malbrett» и т.п.), в детской речи («патички» – от «тапочки» и пр.), в просторечиях («перелинка» вместо «пелеринка», «раболатория» вместо «лаборатория»), а также в ходе эволюции («ладонь» от «долонь», «мрамор» от «marmog» и пр.). Психологи утверждают, что количество и качество элементов целого воспринимается и запоминается быстрее, чем их последовательность. Описаны эксперименты, в ходе которых людям в высоком темпе предъявлялись слова, которые они не успевали осознанно запомнить, но смогли верно охарактеризовать – назвать количество слогов, начальный и конечный звуки, отметить наличие шипящих и т.п.

В работе «Психопатология ошибочной деятельности», опубликованной в 1901 г., Зигмунд Фрейд классифицировал оговорки как разновидность ошибочных действий (Fehlleistungen) [9]. Он считал оговорки значимым фактором обнаружения бессознательных мнений, убеждений, желаний и мотивов и полагал, что речевая ошибка раскрывает некое нарушающее намерение. Нередко оговоркой по З. Фрейду называют фразу, нарушающую социальные нормы; так, при встрече с бывшей подругой своего мужа женщина приветствует ее словами: «Nice to beat you», а гость благодарит не слишком любезного хозяина словами «Thank you for the hostility». Оговорки такого рода действительно допускают фрейдистское толкование. Они становятся достоянием публики, если принадлежат общественному деятелю или политике. Так, однажды Джордж Буш заявил:

For seven and a half years, I've worked alongside President Reagan. We've had triumphs. Made some mistakes. We've had some sex... uh... setbacks.

Возможно, психоаналитик-фрейдист считал бы, анализируя эту фразу, что упоминание оратором «triumphs and mistakes» запустило ассоциацию с сексом.

Однако современник З. Фрейда филолог-младограмматик Рудольф Мерингер, опубликовавший две коллекции языковых сбоев, предложил намного более прозаичное объяснение оговорок – считая их случайными речевыми сдвигами, он сравнивал их с банановой кожурой на пути развертывания предложения. Хотя у наивных пользователей языка и сохраняется настороженное отношение к оговоркам, данные современной нейропсихологии говорят в пользу идеи Меррингера, который трактовал речевые ошибки не как проявление подсознательного, а как сбои в психофизиологических процессах и в моторике.

Современные психолингвистические исследования сосредоточены на механизмах порождения речи на том, как мозг «переводит» мысли в слова. По мнению ряда исследователей, оговорки позволяют судить о способности человека пользоваться языком и его единицами, о когезии и когерентности речи конкретного пользователя [20]. Такой подход основан на допущении, что концепты, слова и звуки существуют во взаимосвязанных сетях – семантической, лексической и фонологической. Однако нередко эти сети, работающие в режиме «распространения активации», дают сбой: их сигналы создают друг другу помехи, приводящие к оговорке. Такая организация системы речепорождения – явное свидетельство гибкости языка, динамичности и подвижности разума. Порой ошибочное восприятие, подкрепленное народной этимологией, завоевывает прочные позиции в лексиконе, так, английское «an arpon» – это среднеанглийское «a narpon» (от среднефранцузского «naparpon»); звукоподражание «hiccup» нередко ассоциировалось с «cough», что породило ныне зафиксированную словарями альтернативную орфографию «hiccough».

Модель трех сетей позволяет трактовать оговорки как результат сложного и не свободного от сбоев взаимодействия звеньев цепи: в идеале происходит последовательная активация сетей, но в действительности так случается не всегда. Иногда узел, где хранится звук, которому следует появиться позже, активируется прежде, чем более ранний звук, и замещает его. В результате появляется оговорка предвосхищения – forward error. В речи Теда Кеннеди вместо «best and brightest» прозвучало «breast and brightest», так как звук «t» из

«brightest» активировался раньше и искажил слово «best». В вышеупомянутой фразе Буша звук х из «setbacks» появился раньше и вклинился в слово, образовав «sex».

Концепция распространения активации объясняет и другой тип ошибки – ошибку сохранения – backwards error, так вместо «I love you» звучит «I love loo», поскольку узел звука «l» остается активированным слишком долго. Если же один узел активируется раньше, а другой задерживается, образуется спунеризм: либо бессмысленный, как, например, «homely cousewife»; либо несущий смысл, но не адекватный ситуации – как обращение Арчибальда Спунера к фермерам «I have never before addressed so may tons of soil» или его же фраза, адресованная нерадивому студенту: «You have hissed all my mystery lessons».

Ошибки активации сетей могут происходить одновременно и взаимодействовать, что создает смешение – когда конкурирующий узел аналогичен верному, он иногда побеждает и замещает его. Так появляются малапропизмы с аналогичными ассоциациями: мы просим yellow crayon, хотя на самом деле хотим получить orange crayon, говорим «final», подразумевая «midterm». Чем чаще произносится слово, тем интенсивнее активация. Конкуренция узлов ведет к появлению абсурдных и не оправданных контекстом единиц, превращая Osama в Obama, hospitality в hostility, insinuate в incinerate и т. д.

Фонетические и фонологические закономерности появления ослышек, отмеченные психолингвистами, можно обобщить следующим образом:

1. Согласно наблюдениям М. Эрарда, согласные звуки чаще оказываются неверно услышанными, чем гласные, а неправильно услышанный звук обычно безударный и находится в середине слова [17].

2. Как утверждает Дж. Филд, ослышки позволяют сделать вывод о том, как люди разграничивают слова в связной речи. Когда границы внутри фразы смещаются слушателем, они, как правило, оказываются между сильным и слабым слогом – предполагая, что на сегментацию влияет доминирующая модель (сильный-слабый), которая характеризует ритм английской фразы [18].

3. По мнению З. С. Бонда [13], поскольку обычная речь представляет собой непрерывный поток, слушателям приходится определенным образом сегментировать его, чтобы обнаружить фонологические последовательности и сопоставить их со словами своего ментального лексикона. Ослышки со смещением границ слов предполагают, что слушатели используют ударные слоги в качестве опор

для сегментации. В типичном случае ошибки со смещением границ слов все свойства целевого высказывания совпадают со свойствами воспринятого высказывания, за исключением границ слов, как в классическом примере: *acute back pain – a cute back pain*. Рецептор точно воспринял фонологический материал, но неверно проанализировал высказывание, сочтя начальный безударный слог артиклем. Слушатели могут либо не распознать границ слов, либо внести мнимые границы, либо сместить расположение границ; иногда к фонологическим нарушениям добавляются замены слов:

Gladly the cross I'd bear – Gladly, the cross-eyed bear; great ape – gray tape.

4. По данным М. Айзенка и М. Т. Кина [16], ударение внутри слова – весьма незначительный элемент во многих языках, но в английском начальный слог большинства значимых слов обычно ударный. Когда англоговорящие рецепторы совершают ошибку в размещении границ слов, они, как правило, помещают границу перед сильными слогами (например, вместо «*by loose analogy*» слышат «*Luce and Allergy*»), либо удаляют границу перед слабыми звуками (например, вместо «*how big is it?*» слышат «*how bigoted?*»). Тенденция помещения границы сегмента перед сильным слогом положена в основу Стратегии метрической сегментации (*Metrical Segmentation Strategy*) [14].

5. Первые кандидаты в ослышки – имена собственные и идиомы, как среди носителей языка, так и среди изучающих иностранный язык [15]. В английском языке среди частей речи наиболее часто неверно слышатся глаголы (*thought* вместо *fraught*).

Итак, если «ложь извне» можно описать конечным числом источников, то «ложь изнутри» представляется гораздо более сложным и многоплановым феноменом. Вероятно, между полем «ложь извне» и «ложь изнутри» находится поле собственно языковых факторов. Неоднозначность является имманентным признаком языка как системы. Объективная неоднозначность порождает потенциальную множественность интерпретаций, являясь категориальным признаком единиц языка и речи, взаимосвязи между которыми классифицируются как энантиосемия, полисемия и различные виды омонимии на языковом уровне (в морфологии, лексике и в синтаксисе), и антифрасис, парапросодика, *garden path sentences* и смежные с ними явления на речевом уровне [4].

Поливалентность знака открывает множество путей приращения знания, актуализации смыслов, возможной при определенных условиях. Переживающая ныне ренессанс философия модальностей, понимаемых не только как логические построения, но как отражение глубинных моделей сознания, постулирует возможность как один из модусов бытия наряду с необходимым и действительным. Обосновывая оппозицию необходимо истинного высказывания и возможно истинного высказывания, Лейбниц утверждал, что необходимо истинное высказывание истинно во всех возможных мирах, а возможно истинное высказывание истинно в одном или нескольких возможных мирах [5]. В логической семантике действительный мир рассматривается как один из возможных, не занимая доминирующего положения. В основе философии возможных миров – идея отсутствия абсолютной истины, перекликающаяся с основополагающим тезисом феноменологии об отсутствии точки зрения, с которой видно все. Возможные миры в лингвистике интерпретируются как открытое множество потенциальных реальностей в их проекции на Мир Действия; текст рассматривается как вторичная моделирующая система, обладающая как референцией к Миру Действия, так и референцией к Миру Ценности. В понимании Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова и других лингвистов, опирающихся на концепцию внутренней референции, возможные миры – это истинные миры субъектов, составляющие Мир Ценности; с точки зрения внешней референции, возможные миры – это аномальные и фантастические миры, представленные в научных и художественных текстах, они относительно статичны и предсказуемы, обладают набором определенных характеристик.

Феноменологический характер и непостоянство признаков возможных миров как граней Мира Ценности усложняют их параметризацию. Философия возможного как категории иной модальности, отличной от модальности действительного, предполагает неполную или необязательную реализуемость возможного [11]. Обращение к ослышке как одному из внешних проявлений феноменологического тождества знака и означаемого, отражающего истинные миры субъекта – правду человеческой души – один из путей познания возможного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Виденье и видёнье (проблема достоверности) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией: отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 92–104.
2. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. – М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 516 с.
3. Журавлев А. П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
4. Ефимова Н. Н. Энантиосемия как проявление аллофонии – лингвосомиотические аспекты // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 2 (23). – С. 140–150.
5. Лейбниц Г. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sbiblio.com> (дата обращения: 15.05.2014).
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
7. Пинкер С. Язык как инстинкт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://profismart.org/web/bookreader-133001-25.php> (дата обращения: 15.02.2014).
8. Рихакайнен Е. И. Влияние потенциального контекста на распознавание изолированных омофонов // Вестник Пермск. ун-та. – 2010. – № 4 (10). – С. 40–45.
9. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. – М.: Наука, 1991. – 456 с.
10. Шатир М. М. Символическая заумь Федора Сологуба // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией: отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 14–22.
11. Эпштейн М. Н. Философия возможного. – 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/epshteyn_filo/01.aspx (дата обращения: 12.06.2014).
12. Barsalou L. W. Perceptual symbol systems. Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – 660 p. – URL: userwww.service.emory.edu/~barsalou/ (дата обращения: 15.02.2014).
13. Bond, Z. S. Slips of the Ear // The Handbook of Speech Perception / eds. D. B. Pisoni, R. E. Remez. – Berlin–Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2005. – P. 290–310.
14. Cutler N., Norris D. The Role of Strong Syllables in Segmentation for Lexical Access // Journal of Experimental Psychology. – 1988. – P. 113–121.
15. Celce-Murcia M., Olshtain E. Discourse and Context in Language Teaching: A Guide for Language Teachers. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 288 p.

16. *Eysenck M., Keane M. T.* Cognitive Psychology: A Student's Handbook. – 5th ed. – Taylor & Francis, 2005. – URL: bookre.org/reader?file=1052586 (дата обращения: 15.03.2014).
17. *Erard M.* *Um...: Slips, Stumbles, and Verbal Blunders, and What They Mean.* – Pantheon, 2007. – 287 p.
18. *Field J.* Psycholinguistics: The Key Concepts. – Routledge, 2004. – 366 p.
19. *Nevins A.* (UCL London) Tooth and Throat Singing: Mondegreens and the Decoding of Sound Structures. <http://slipsoftheear.wordpress.com/2014/02/14/405/>. – URL: <http://slipsoftheear.wordpress.com/> (дата обращения: 18.03.2014).
20. *Pincott J.* Most of us live in fear of unleashing a Freudian slip. Do you? – URL: <http://www.psychologytoday.com/articles/201203/slips-the-tongue> (дата обращения: 25.03.2014).

ОТОЗВАНА 11.04.2019

УДК 81

А. В. Каверзина

соискатель каф. перевода и переводоведения МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: anastasiakaver@mail.ru.

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФАТИЧЕСКОЙ СТАДИИ ДИСКУРСА В РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дано соотношение когнитивных весов концепта ПУБЛИКАЦИЯ в структуре взаимодействия «автор – редакция/издательство». Представлены когнитивные особенности взаимодействия участников дискурса в редакционно-издательской деятельности на фатической стадии коммуникации, которые напрямую связаны и строятся вокруг концепта ПУБЛИКАЦИЯ. Охарактеризованы жесткие десигнаторы, влияющие на построение дискурса в редакционно-издательской деятельности на данной стадии коммуникации.

Ключевые слова: концепт ПУБЛИКАЦИЯ; автор; редакция/издательство; дискурс редакционно-издательской деятельности; фатическая стадия коммуникации; когнитивные веса, жесткие десигнаторы; дискурс согласования.

Kaverzina A. V.

Post-Graduate student, MSLU ELI; e-mail: anastasiakaver@mail.ru.

THE PHATIC STAGE OF THE PUBLISHER DISCOURSE THROUGH A COGNITIVE ANALYSIS

Interaction at the phatic stage of the publisher discourse have been discussed. The concept PUBLICATION consolidates all utterances at this stage which leads to involvement of the hard designators conformable to this end. The discussion has been integrated in a cognitive map that arguably describes interaction in question.

Key words: concept PUBLICATION; discourse publishing activity; the publisher discourse; the phatic stage of communication; cognitive map; hard designators; discourse of concord.

В интерпретации понятия дискурс будем исходить из идеи В.З. Демьянкова, который считает, что дискурс организуется вокруг концепта [3]. Соответственно под дискурсом в редакционно-издательской деятельности (далее – РИД) будем понимать целеустремленную речевую деятельность, организованную вокруг концепта ПУБЛИКАЦИЯ. Результатом речевой деятельности являются либо устные, либо письменные тексты.

В условиях исключительно напряженного информационного обмена в процессе общественного взаимодействия человек старается оптимизировать соответствующие формы коммуникации. Не

является исключением и РИД. Очень часто дискурс в РИД сводится к переписке по электронной почте (это актуально для периодических изданий, в частности для научных журналов), также это подкреплено и экономическими причинами (автор или издательство несет расходы при общении по телефону, особенно, если это междугородние или международные звонки), удаленностью коммуникантов (разницей во времени). Поэтому в нашей работе приоритетное внимание уделяется коммуникативному взаимодействию в режиме электронной переписки.

Дискурс в РИД, как в любой другой сфере, начинается с фатической фазы. На этапе установления контакта (дискурсивных отношений – ДО) важно учитывать, что каждый коммуникант (агент РИД) имеет собственное представление о «реальном мире» [2]. Конечно, на возможный мир каждого из коммуникантов влияют экстралингвистические факторы (пол, возраст, наличие/отсутствие опыта в определенной области, уровень культуры и т.д.), которые отражаются на идиостиле коммуниканта как при непосредственном общении, так и опосредованном (разговор по телефону/Skype, общение посредством электронной почты, SMS).

Адресант и адресат, вступающие в коммуникацию впервые, являются носителями дискурса различий (далее – ДР) [4, с. 4]. Именно ДР отражает разные возможные миры коммуникантов и позволяет взаимодействие «на встречах курсах» [1, с. 136] сделать более интересным и разнообразным.

Ясно, что каждый из агентов в сфере РИД имеет определенную интенцию, обуславливающую характер итогового продукта, равно как сообразную с интенцией конфигурацию признаков концепта ПУБЛИКАЦИЯ. Если сама интенция отсутствует, дискурс в РИД теряет всякий смысл. На этапе установления контакта агенты РИД преследуют общую цель – «выход в свет» рукописи в форме статьи или книги. Существенно, как отмечалось выше, что в концепт ПУБЛИКАЦИЯ каждый из них вкладывает свой набор признаков.

Автор еще до установления контакта в сети Internet пытается получить первоначальные сведения об издательстве (журнале). В качестве непреходящих признаков, или жестких десигнаторов [Kripke, 1977] концепта ПУБЛИКАЦИЯ для автора выступают: месторасположение и статус издательства, наличие у журнала ISSN и лицензии, включен ли журнал в список ВАК, индексируется ли он в системе

РИНЦ. На этапе установления контакта с издателями автор предполагает получить сведения о стоимости публикации, сроках выхода статьи (книги), об услугах, оказываемых издательством.

Для редакции главной экономической задачей является получение прибыли. Поэтому в концепт ПУБЛИКАЦИЯ редакция/издательство закладывает совершенно иные жесткие десигнаторы, которые помогают достигнуть данной цели. Соответственно, редакция заинтересована в высоком статусе автора, его ученой степени (академик, доктор или кандидат наук), ликвидности предложенной темы, или ее востребованности в научном мире. Сообразная с этими параметрами интенции конфигурация признаков позиционирует концепт ПУБЛИКАЦИЯ таким образом, что повышается интерес авторов к самой редакции или издательству. При этом в концепте ПУБЛИКАЦИЯ редакция подчеркивает такой жесткий десигнатор, как большой спектр услуг, которыми может воспользоваться автор. В этом случае при получении конечного продукта (публикации) затраты со стороны редакции/издательства будут минимальны, а прибыль максимальна.

Каждый из десигнаторов имеет аксиологическое измерение и, как следствие определенный когнитивный вес (Р. Аксельрод). Когнитивные веса группируются в совокупности, играющие решающую роль в принятии практических решений агентами РИД, с одной, и автором, с другой стороны. Так, для автора важны сроки выхода публикации. Если редакция может предложить автору срочное опубликование рукописи, когнитивные веса склонятся в пользу именно этой редакции/издательства. Это – ключевой фактор иллюкутивной силы, способствующий желательному перлокутивному эффекту (скорейшему установлению контакта и переходу коммуникации на стадию ДС [4]).

Для редакции важнейшим фактором (твердым десигнатором) становятся прибыльность издательства, «читаемость» его продукции, что соответственно повышает приток средств в издательство (см. рис. 1). Поэтому редакция/издательство наиболее заинтересованы в авторах, которые повысят Impact-фактор журнала или принесут прибыль издательству, причем, не снижая «планку» уровня публикаций. Для большинства издательств/редакций в пользу того или иного автора в качестве плюса выступает статус автора. Например, редакции/издательству важнее опубликовать рукопись доктора наук или профессора, которые повысят престиж журнала, привлекут авторов, имеющих более интересные, актуальные работы, либо это может

быть рукопись кандидата наук, т.е. автора, имеющего определенный вес в научной среде, а также опыт написания статей или книг. Разумеется, для редакции/издательства в качестве плюса, склоняющего когнитивные веса [5] в одну или другую сторону, могут выступать и другие жесткие десигнаторы. Все зависит от статуса, местоположения издательства/редакции, от целей редакции (открыть новый журнал в малоизвестном городе России или новый журнал в уже популярном издательстве в центральной части России; включить журнал в международные базы данных, например, Web of Science и Scopus).

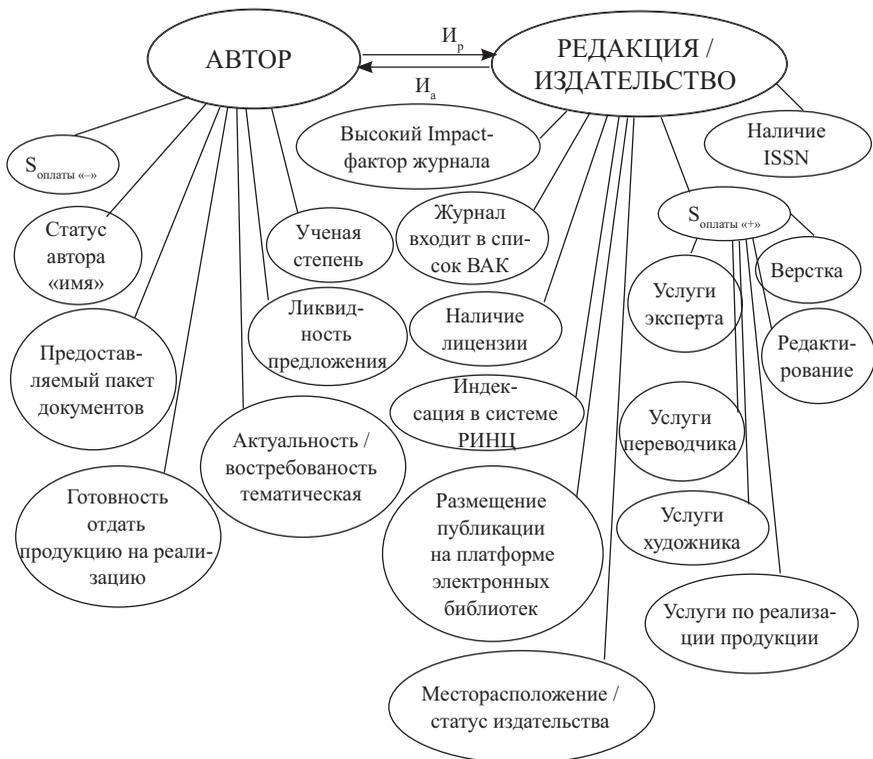

Рис. 1. Соотношение когнитивных весов концепта ПУБЛИКАЦИЯ в структуре взаимодействия «автор – редакция / издательство»

Таким образом, жесткие десигнаторы сторон позиционируют концепт ПУБЛИКАЦИЯ именно так, что конфигурации его признаков представляют соотношение когнитивных весов по Р. Аксельроду.

В этом случае важно учитывать все жесткие десигнаторы, которые накладываются с обеих сторон, потому как важность каждого из них может нарушить баланс и дискурс в РИД может просто не начаться, например, если для автора «+» со стороны редакции окажутся малозначительными, тогда и самой фатической стадии может просто не быть. Ниже нами будут рассмотрены случаи из активной практики установления контакта на первоначальном этапе коммуникации.

Установление контакта и развитие дискурсивных отношений (далее – ДО) зависит и от интенции коммуникантов. Изначально возникают структурные (межперсональные) отношения между автором и редакцией, т.е. на этапе фатической фазы возникает обратная связь и, как следствие, общий интенциональный горизонт.

Интенциональные отношения на этапе фатической фазы непосредственно зависят от характера жестких десигнаторов как со стороны автора, так и со стороны редакции. Фатическая фаза в дискурсе в РИД очень важна, так как именно на этой фазе решается, перейдут ли ДО на следующий уровень взаимодействия.

На этапе установления контакта адресант (автор) почти ничего не знает об адресате (редакции или дирекции). Скорее всего, он будет владеть только общими данными, которые автор нашел на сайте или в выпускных сведениях журнала/книги. Например: 1) наименование журнала/издательства; 2) Ф.И.О. редактора/директора издательства; 3) электронный адрес журнала/издательства; 4) требования к рукописи.

Уже в ходе установления контакта при опосредованном общении (по электронной почте) обнаруживается идиостиль автора, но его черты выражены слабо. Общеизвестно, что любое деловое письмо начинается с обращения к адресату. Поскольку автор (адресант) на данном этапе имеет только общее представление об адресанте, обращение направляется типичными жесткими десигнаторами.

Пример 1. Дискурс «автор – редакция» (А↔Р), связанный с установлением коммуникации между агентами РИД.

А: Уважаемая редакция! Прошу рассмотреть рукопись «N...». Отзыв научного руководителя прилагается (см. прикрепленный файл). Заранее благодарю!

Р: Ваша рукопись получена. Будет рассмотрена в течение 10 рабочих дней. С уважением редакция...

Процентная доля аналогичных обращений в общем корпусе электронных проанализированных нами писем составляет 33%. Из данной

дискурсивной формации (далее – ДФ) следует, что автор располагает общими сведениями, т. е. знает местоположение редакции, ее электронный адрес; скорее всего, он знает, что журнал зарегистрирован в базе данных РИНЦ. Автор не задает вопросов о наличии лицензии у журнала, значит, либо этот признак для него не имеет значения, либо он смог ознакомиться с лицензией журнала на сайте. Также адресант не спрашивает, зарегистрирован ли журнал в списке журналов ВАК. Следовательно, либо для автора это несущественно, либо он владеет данной информацией. Для автора неважно и то, размещен ли журнал в базе данных электронных библиотек (существенный фактор, если принимать во внимание количество потенциальных читателей). Возможно, что автор ознакомлен с требованиями издательства к рукописи, если у него не возникает вопросов по поводу оформления рукописи и стоимости публикации.

Редакция, в свою очередь, понимает, в какое периодическое издание была направлена рукопись, так как в ответе содержится подтверждение о получении файла. Редакция может оценить статус автора, полагаясь либо на подпись в конце письма, либо на отзыв о данной рукописи. Также редакция может ознакомиться с отзывом. Подчеркнем, что последний является общим жестким десигнатором для автора и редакции. Именно из текста отзыва редакция делает первоначальные выводы об актуальности, тематической востребованности рукописи и ликвидности предложения данного автора. Также в тексте-ответе редакцией дан комментарий, касающийся дальнейших ее действий, причем наглядно обозначены конкретные сроки. Таким образом, данный дискурс различий не только отражает различные возможные миры коммуникантов, но уже содержит общие жесткие десигнаторы, способные служить основой дискурса согласования.

Пример 2. Дискурс «автор – редакция» (A↔P).

А: Меня зовут N. Я – кандидат филологических наук, работаю старшим преподавателем на кафедре... Направляю рукопись, посвященную стилистическому своеобразию биографической прозы..., в качестве публикации в разделе «N...» или в разделе «P...».

Р: Уважаемая N! Ваша рукопись получена и передана экспертам. О результатах рецензирования мы Вам сообщим через 10 рабочих дней.

Совокупность жестких десигнаторов несколько иная. Имя собственное, должность, ученая степень автора позиционированы

в отдельных пропозициях. Это свидетельствует об авторских акцентах, которые предлагаются как жесткие десигнаторы и в структуре редакционной версии концепта ПУБЛИКАЦИЯ (в первую очередь, ученая степень). Разумеется, редакция заинтересована в статье кандидата наук более, чем в статье аспиранта. Она вправе ожидать, что уровень данной статьи выше, что положительно влияет на качественные характеристики издания в целом. Из пресуппозиций текста письма вытекает, что автор уже имеет опыт написания собственных статей.

Немаловажно указание автора на специфическую область исследований: *«рукопись, посвященную стилистическому своеобразием биографической прозы...»*, равно как и пожелание публикации в определенном разделе журнала. Автор фактически входит в поле редакторской компетенции, и это увеличивает объем общего контекста интерпретации, закладывая основу дискурса согласования.

Жесткие десигнаторы, выделенные автором-кандидатом наук, позволяют редакции вступить в дискурс, отвечая четко на вопросы, которые больше всего интересуют автора на данном этапе: получена ли его рукопись, может ли она быть опубликована в данном журнале. Высказывание *«рукопись получена и передана экспертам»*, свидетельствует о том, что концепт ПУБЛИКАЦИЯ в авторской конфигурации признаков (жестких десигнаторов), приемлем редакцией и может служить основой для развития дискурса согласования. Высказывание *«о результатах рецензирования мы Вам сообщим через 10 рабочих дней»* является носителем своего рода промежуточного перлокутивного эффекта, которым завершена фатическая фаза дискурса. Иными словами, интенции автора и редакции сошлись на общем интенциональном горизонте, а соотношение когнитивных весов позволяет развивать дискурс согласования. Процентная доля данного типа в общем корпусе исследованных электронных писем составляет 24 %.

Пример 3. Дискурс *«автор – редакция»* (A↔P).

A: Уважаемые коллеги, для предзащиты докторской диссертации по германским языкам не хватает статьи с реестром ВАК. Сообщите, пожалуйста, можно ли в одной из рубрик Вашего журнала опубликовать статью в течение двух месяцев? С уважением...

P: Уважаемая N! К сожалению, №1 уже сформирован, мы можем принять статью только в №2 (он выйдет только через 4 месяца).

Этот пример фатической фазы дискурса редакторско-издательской деятельности отличается позиционированием одного из жестких

десигнаторов, а именно, права публикации статей в соответствии с перечнем ВАК. Для автора это ключевой десигнатор, о чем свидетельствует его вопрос. Указание на готовность к защите докторской диссертации служит аргументом просьбы, содержащейся в обращении, и одновременно дает две пресуппозиции: 1) «автор – кандидат наук», 2) «качество статьи с большой вероятностью высокое». Эти пресуппозиции добавляют релевантные жесткие десигнаторы уже в редакционную сетку когнитивных весов. Наконец, автор пишет о том, что ему нужна срочная публикации; следовательно, сумма оплаты может значительно увеличиться. Поскольку в таких условиях редакция экономически заинтересована в сотрудничестве с автором, появляется еще один общий жесткий десигнатор в сетках когнитивных весов. Развитию сотрудничества препятствуют объективные обстоятельства, делающие невозможным дискурс согласования. Именно от успешности и правильности, своевременности, а также при учете всех твердых десигнаторов возможно продолжение коммуникации, т.е. ее перехода к развитию дискурса согласования. Процентная доля данного типа в общем корпусе исследованных электронных писем составляет 5 %.

Пример 4. Дискурс «автор – редакция» (A↔P).

А: Уважаемые коллеги! К кому можно обратиться и по какому номеру, чтобы узнать стоимость и сроки принятия статьи ВАК в ваш журнал? к.ф.н., ст. преп. N (город N).

Р: Уважаемая N! В настоящее время ведется прием рукописей в №... Требования к оригиналу статьи и стоимость публикации рукописи указаны в прикрепленных файлах. Телефон редакции и контактное лицо указаны на сайте: N... С уважением, редакция...

Процентная доля данных обращений в общем корпусе проанализированных электронных писем составляет 1 %. Из данной ДФ следует, что автор располагает общими сведениями, т.е. имеет представление о местоположении редакции, знает ее электронный адрес. В этом примере также указан один из самых жестких десигнаторов – права публикации статей в соответствии с перечнем ВАК. Для автора именно это является ключевым признаком, который определяет, сформируется ли ДС с редакцией. В данной ДФ есть указание на такие жесткие десигнаторы, как «к кому можно обратиться и по какому номеру». Из этого можно сделать вывод, что автор заинтересован в непосредственном общении с редакцией, поэтому он запрашивает номер телефона редакции и контактное лицо, осуществляющее

непосредственную работу с авторами. При этом в завершении письма автор указывает следующие твердые десигнаторы: ученая степень (кандидат филологических наук), статус автора (старший преподаватель), город, в котором работает адресант.

Для редакции последние жесткие десигнаторы являются немаловажными. На основании этой пресуппозиции редакция может сделать предварительные выводы: 1) автор – кандидат филологических наук; 2) автор – старший преподаватель (возможно, что его исследования имеют апробированный прикладной характер); 3) город, где работает автор (возможно, что он работает в русле тех научных школ, которые представлены в его регионе); 4) экономический фактор (сумма оплаты за публикацию зачастую для кандидата наук выше, чем для других категорий авторов); 5) возможность дальнейшего сотрудничества с автором (для защиты докторской диссертации кандидату наук необходимо опубликовать не менее 14 статей, следовательно, возможно, что он обратится с просьбой о публикации других своих работ).

Выделенные автором-кандидатом филологических наук в данной ДФ жесткие десигнаторы «к кому можно обратиться и по какому номеру» характеризуют его личные экстралингвистические качества (настойчивость, упорство, желание на этапе ДС получить более быстрый ответ на интересующие его вопросы), что возможно отразится на дальнейшем непосредственном ДС автора с редакцией. Далее автор сообщает, с какой целью он интересуется данной информацией: «узнать стоимость и сроки принятия статьи». Обоснование на фатической фазе интереса, проявленного к форме дискурса при непосредственном контакте, объясняется тем, что в некоторых журналах на эти вопросы может ответить только главный/выпускающий редактор журнала. Поэтому мы можем предположить, что автор уже имеет опыт построения ДС на этапе приема и прохождения рукописи процесса рецензирования, редактирования, правки, верстки и т. д. до итогового продукта – ПУБЛИКАЦИИ. Именно этим и обосновано его намерение продолжить ДС при непосредственном общении. Данные жесткие десигнаторы (запрос о стоимости и сроках принятия статьи) позволяют редакции вступить дискурс, четко отвечая на поставленные вопросы, которые интересуют автора на фатической стадии коммуникации: «ведется прием рукописей в №...» и «требования к оригиналу статьи и стоимость публикации рукописи указаны в прикрепленных файлах». При этом редакция указывает автору на

запрашиваемые им ранее жесткие десигнаторы – телефон редакции и контактное лицо, отсылая автора на сайт редакции. Из данной presupпозиции можно сделать вывод, что редакция пытается предупредить вопросы, которые могут возникнуть у автора на этапе ДС.

Очевидно, что дискурс может быть построен не только в направлении от автора к редакции, но и наоборот. Это зависит от многих твердых десигнаторов: 1) открытие нового периодического издания/новой рубрики; 2) работа экспертного сообщества в рамках издательства над каким-либо коммерческим проектом (например, создание книги на нескольких языках с привлечением иностранных коллег, разработка совместного издания и т.п.); 3) привлечение авторов из различных регионов страны для публикации более интересной книги или «оживления» периодического издания и т.д.

Пример 5. Дискурс «редакция – автор» (P↔A).

P: Тема: Международная научно-практическая конференция «N...».

Приглашаем Вас и Ваших коллег принять участие в работе заочной Международной научно-практической конференции «N...», которая будет проходить N... 2013 года в городе N. Рукописи для публикации в сборнике принимаются до N... 2013 года. Всем участникам конференции высылается сертификат участника.

Просим прощения, если письмо к Вам пришло повторно или ошибочно.

Надеемся на долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество.

Если Вы не хотите больше получать уведомлений о конференциях, то перейдите по ссылке «отписаться» и отправьте пустое письмо.

A: Ваше приглашение принять участие в конференции «N...» заинтересовало меня и моих коллег. Вышлите, пожалуйста, требования к рукописи, укажите стоимость публикации и размер оргвзоса, если таковой имеется.

В данной ДФ отношения между агентами дискурса выстраиваются по обратной схеме: от редакции к автору. Процентная доля данных обращений в общем корпусе исследованных нами электронных писем составляет 25 %. В данной ДФ твердый десигнатор – «приглашение принять участие в конференции и по результатам работы опубликовать статью», т.е. адресная рассылка редакцией/издательством, адресатом которой являются определенные авторы, свидетельствует о намерениях редакции/издательства привлечь как можно больше специалистов, занимающихся данной проблематикой, к участию

в данной конференции. Редакция указывает важные для автора твердые десигнаторы: 1) статус и наименование конференции (Международная научно-практическая конференция «N...»), 2) дата проведения конференции (21 N... 2013 года), 3) место проведения конференции (города N...); 3) сроки принятия статей; 4) указание на получение участниками сертификата. Следовательно, редакция на фатическом этапе учитывает интенции авторов. Именно эти жесткие десигнаторы могут привлечь внимание, склонить когнитивные веса на сторону редакции. Таким образом, цель адресанта заинтересовать адресата с помощью жестких десигнаторов в собственном предложении, именно это позволит перейти/или не перейти на этап ДС.

На этапе установления контакта в электронном письме редакции присутствуют: 1) клише официально-делового стиля (Просим прощения, если...; Надеемся на долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество), которые не требуют ответа, а являются этикетными речевыми высказываниями; 2) формы повелительного наклонения: *перейдите по ссылке...и отправьте...*; формы сослагательного наклонения: *просим прощения, если...; если Вы не хотите..., то*; 3) активные клише: *надеемся на долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество*. Это свидетельствует о формализованности дискурса на фатической стадии, при этом не только со стороны редакции, но и со стороны автора (*Ваше приглашение... заинтересовало меня и моих коллег. Вышлите, пожалуйста*).

Для автора твердые десигнаторы – статус и наименование конференции (Международная научно-практическая конференция «N...») – не менее важны. В письме-ответе автор подтверждает свою заинтересованность в данной конференции, дублируя ее название. Также данный твердый десигнатор – тема письма: «Международная научно-практическая конференция “N...”» – позволит автору определить интенции адресанта. Из данной пресуппозиции автор понимает, что в письме речь пойдет о конференции, а также о том, что касается данного твердого десигнатора (конференции). В зависимости от того, обозначена ли тематика, четко ли она прописана, автор может прочесть или не прочесть данное письмо, т.е. именно от этого указания этого жесткого десигнатора зависит, состоится ли дискурс на фатической стадии коммуникации. Отвечая на данное письмо, автор обращается к таким твердым десигнаторам, как: 1) требования к рукописи; 2) стоимость публикации, 3) размер оргвзоса, что служит основой для

ДС. Текст письма автора также формализован официально-деловым стилем, этикетными клише, которые не несут смысловой нагрузки, например, «заинтересовало меня и моих коллег».

Оценивая твердые десигнаторы, коммуниканты переходят из «своего возможного мира» в мир «реальный», когда оба агента трактуют их одинаково, т.е. коммуниканты перемещаются на следующую ступень дискурса – ДС, дополняя ДФ не только твердыми десигнаторами и активно используя этикетные клише, но и обогащая речь конкретными (в какой-то мере) не клишированными репликами.

Возвращаясь к первой стадии, необходимо отметить, что каждое из рассмотренных писем различается не только по использованию клишированных фраз, но и по стилю написания делового письма. На идеостиль адресанта влияют «мир действий» и «мир ценностей». В зависимости от этого коммуникант выбирает определенные речевые клише, характерные для официально-делового стиля, при этом, учитывая экстралингвистические факторы, адресант может употреблять различные речевые формулы: «Уважаемая редакция!/Уважаемый редактор (имя отчество)!/Уважаемые коллеги! или просто Меня зовут...».

Когнитивные особенности взаимодействия участников дискурса в редакционно-издательской деятельности на фатической стадии коммуникации напрямую связаны и строятся вокруг концепта ПУБЛИКАЦИЯ. Именно данный концепт является итоговой интенцией коммуникантов. Учитывая твердые десигнаторы, автор или редакция/издательство принимает решение о переходе от фатической стадии на этап ДС. Именно жесткие десигнаторы определяют и влияют на построение дискурса как на этой стадии, так и на последующих. Многое зависит от того, какой набор признаков вкладывают в них коммуниканты. Если набор жестких десигнаторов для одной из сторон будет неубедительным, то последующий этап дискурса просто не состоится. Если когнитивные веса будут уравновешены жесткими десигнаторами с обеих сторон, то в этом случае агенты РИД смогут продвинуться к итоговой цели – к получению конечного продукта – ПУБЛИКАЦИИ. Только в этом случае дискурс в РИД преодолет фатическую стадию коммуникации и будет развиваться по законам ДС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопед. словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. *Бабушкин А. П.* «Возможные» миры в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. – 86 с.
3. *Демьянков В. З.* Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.
4. *Каплуненко А. М.* О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках // Аргументация vs манипуляция: Вестник ИГЛУ. Сер. Коммуникативистика и коммуникациология / отв. ред. проф. А. М. Каплуненко. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – № 5. – С. 3–12.
5. *Axelrod R.* The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites. – Princeton: University Press, 1976. – 405 p.
6. *Kripke S. A.* Name and necessity. – Hague-Paris: Mouton, 1977. – 352 p.

УДК. 81' 42

Л. В. Кузнецова

аспирант каф. английской филологии МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: larisa.kuzneczova@mail.ru.

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО МИРА В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена изучению дискурсивного конструирования мира в политической коммуникации. Доказано, что дискурс описания существующего и будущего мира порождается на основе концептуального разграничения «Новый vs Старый Мир» и оценивается по аксиологической шкале «хорошо/плохо».

Ключевые слова: дискурсивное конструирование; прагматическая ситуация; принятие решения; проблемное пространство; пропозиция; «Новый vs Старый Мир».

Kuznetsova L. V.

Post-Graduate Student, MSLU ELI; e-mail: larisa.kuzneczova@mail.ru.

THE DISCURSIVE CONSTRUCTION OF THE FUTURE WORLD IN THE PRAGMATIC SITUATION OF DECISION MAKING IN POLITICAL COMMUNICATION

The article focuses on discursive world construction in political communication. It has been found out that the situation of decision making in political communication is based on the conceptual opposition «New vs Old World» and estimated on the axiological axis «good / bad».

Key words: discursive construction; pragmatic situation; decision making; problem space; proposition; «New vs Old World».

Решение проблем и принятие решений активно изучается в ряде естественных и гуманитарных наук, в том числе и в когнитивных науках, в частности, в когнитивной психологии и когнитивной лингвистике.

Для когнитивного подхода к теории решения проблем особое значение имеет понятие проблемы, под которой понимается некий вопрос или ситуация, требующие принятия решения (проблемный вопрос, проблемная ситуация) [8; 12; 20].

Проблема предполагает создание особого проблемного пространства как пропозиционального пространства. Понятие проблемного

пространства введено А. Ньюеллом, который указывает, что решение проблем происходит в проблемном пространстве (*problem space*); элементы этого пространства состоят из отдельных пропозиций, относящихся к рассматриваемой проблеме, включая первоначальную и желаемую пропозицию. В процессе принятия решения человек замкнут внутри проблемного пространства. Его решение циркулирует от одной пропозиции к другой до тех пор, пока он не придет к решению как к выбору одной из пропозиций [11].

Таким образом, с когнитивной точки зрения, сценарий решения проблемы – обработка проблемных пропозиций в проблемном пространстве и принятие одной из них в качестве решения.

Д. Канеман и А. Тверски развивают когнитивный подход, предлагая понятие проблемы, требующей решения (*decision problem*), и принятия решения в условиях наличия двух опций (*options*), т. е. двух вариантов выбора [12; 13]. Согласно Д. Канеману и А. Тверски, решение проблемы определяется правом выбора из двух альтернатив, которые человек, принимающий решение (*decision maker*), должен проанализировать и определить возможные результаты или последствия каждого из двух действий [12, p. 453].

В когнитивной лингвистике выбор решения из двух опций в ситуации принятия решения трактуется как выбор одной из двух проблемных пропозиций. С. Н. Плотникова определяет ситуацию принятия решения как состоящую из двух стадий. Первая стадия представляет собой формулировку проблемы собеседниками. Проблема формулируется в терминах двух находящихся в конфликте пропозиций. Формулирование проблемных пропозиций влечет за собой фиксацию определенного типа ситуации – ситуации принятия решения. Вторая стадия сценария определяется как собственно решение. Под решением понимается процесс переговоров между собеседниками, за которым следует совместное принятие одной из двух находящихся в конфликте проблемных пропозиций [4].

Целью данной статьи является изучение ситуации принятия решения в политической коммуникации с позиции дискурсивного конструирования действительности.

Теория дискурсивного конструирования берет свое начало из теории социального конструкционизма (конструктивизма), согласно которой социальная реальность конструируется в процессе совместной практической деятельности людей [2; 15–18].

В рамках теории социального конструктивизма реальность повседневной жизни трактуется как интерсубъективный социальный мир. «Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [2, с. 15]. Этот мир, создающийся в мыслях и действиях людей, переживается ими в качестве реального. П. Бергер и Т. Лукман также указывают на то, что сконструированная человеком объективная реальность может носить институциональный характер. Если человек является носителем особого специализированного знания, то он может существовать только в институциональном мире [2, с. 79].

В теории социального конструктивизма подчеркивается роль языка в создании общей социальной реальности, поскольку она возникает в процессе непосредственного общения людей здесь и сейчас, лицом-к-лицу. Как подчеркивает Дж. Шнайдер, совместно конструируемую жизнь можно назвать совместно порождаемым текстом (дискурсом) [17]. Р. Пенман определяет конструирование действительности как непосредственное существование в языке, основанное на знании и текущей деятельности и постоянном определении своего места в настоящем в поисках нужного будущего [15].

С. Н. Плотникова вводит понятие дискурсивного конструирования мира, понимая под ним дискурсивную деятельность по порождению пока еще не существующего бытия, когда действительность создается, формируется в данный момент говорящим/пишущим, который полностью вовлечен в этот мир: он живет внутри этого мира и творит его своими действиями и своим дискурсом [6, с. 78]. В формируемом здесь и сейчас мире дискурсивное конструирование представляет собой дискурсивную объективацию ситуаций непосредственного взаимодействия говорящих, которая обусловлена их прагматическими мотивами. С. Н. Плотникова отмечает, что в процессе дискурсивного конструирования мир актуализируется, т. е. дискурс, возникая в текущий момент повседневной жизни, собственно, и создает мир, т. е. становится непосредственной реальностью для человека. При этом дискурсивное конструирование относится не только к настоящему, но и к будущему. Сущность дискурсивного конструирования будущего мира состоит в том, что будущий опыт сначала осмысливается и репрезентируется в дискурсе и лишь потом проявляется. Социальная реальность изменится в будущем благодаря ее дискурсивному конструированию в настоящем [5; 6].

Опираясь на эти положения, В. В. Кузнецова, анализируя дискурс профессиональной группы, установила, что в процессе ежедневного обсуждения производственных задач члены группы не только дискурсивно конструируют свой профессиональный мир (корпоративную действительность) в настоящем, но и одновременно конструируют будущий мир. В каждом случае перед членами группы стоят две альтернативы решения проблемы: заключать / не заключать контракт; вводить / не вводить гибкий график работы; покупать / не покупать новое оборудование; переносить / не переносить в другой город центральный офис и т. п. – т. е. «они могут создать два типа своего будущего общего мира, к примеру, мир, в котором контракт заключен, и мир, в котором контракт не заключен» [3, с. 92]. Выбор варианта осуществляется путем аргументации «за» или «против» рассматриваемых вариантов посредством апелляции к корпоративным ценностям и антиценностям. Когда вариант выбран, «обсуждение тут же прерывается, и дискурсивно сконструированное будущее начинает воплощаться в практической деятельности» [там же. с. 95].

Так как, по нашим данным, до настоящего времени в лингвистике не изучалось, как происходит принятие решения на дискурсивном уровне в политической коммуникации, необходимо определить, имеет ли прагматическая ситуация принятия решения, направленная на конструирование будущего мира, такие же параметры в политической коммуникации, как в корпоративной коммуникации, или же она имеет другую специфику.

На наш взгляд, целесообразно провести анализ дискурсивного конструирования будущего мира в политической коммуникации на материале парламентских дебатов.

Парламентские дебаты относятся к институциональной коммуникации; они осуществляются между представителями политических институтов, основной деятельностью которых является законотворчество. Принятие новых законов предполагает изменение социального мира: в процессе парламентских дебатов политики, парламентарии осознанно нацелены на создание будущего мира для всех граждан страны, и каковым будет этот мир решается в данный момент.

Обратимся к примеру, в котором члены парламента Великобритании обсуждают законопроект о высокоскоростном железнодорожном транспорте (*High Speed Rail (Preparation) Bill*); заседание от 26 июня 2013 г.:

The Secretary of State for Transport (Mr Patrick McLoughlin): I beg to move, that the Bill be now read a Second time. A growing economy, a growing population and growing demand for transport, which have seen rail travel double in a decade, mean that we must act. HS2 will be the first new main rail line north of London for 120 years, linking at least eight of our 10 largest cities, and improving services for Scotland too. The Bill provides that important opportunity. Why is HS2 necessary? The answer is not only speed, although HS2 will take an hour off journeys between London and Manchester, and between Birmingham and Leeds, and it will bring two thirds of people in the north of England within two hours of London.

Выступающий формулирует проблему, относящуюся к транспортной системе Великобритании, в виде двух альтернатив: оставить существующее положение вещей или же построить высокоскоростную железнодорожную линию. Он ставит проблемный вопрос о необходимости ввести новый высокоскоростной поезд (*Why is HS2 necessary?*). В целом, дискурс говорящего направлен на описание двух миров: старого и нового мира. Состояние мира, существующего в настоящем, по мнению выступающего, является неудовлетворительным. Он оценивает его как «плохой» мир, приводя его фактуальное описание: за последние 120 лет не было построено ни одной новой значимой железнодорожной линии, соединяющей Лондон с другими крупными городами страны (*HS2 will be the first new main rail line north of London for 120 years, linking at least eight of our 10 largest cities, and improving services for Scotland too*); нагрузка на железнодорожный транспорт удвоилась за последнее десятилетие (*which have seen rail travel double in a decade*), и в настоящий момент существует потребность в новой линии, которая возникла вследствие экономического роста и прироста населения (*A growing economy, a growing population and growing demand for transport*). Политик обращается к присутствующим с помощью речевого акта директива, акта приказа, требования принять решение сейчас, в настоящем, в отношении будущего мира (*we must act*). Докладчик дискурсивно конструирует новый мир, который оценивается им как мир «хороший», и приводит ряд аргументов. В новом мире сократится время поездок (*HS2 will take an hour off journeys between London and Manchester, and between Birmingham and Leeds, and it will bring two thirds of people in the north of England within two hours of London*); жители центральной части страны получают ряд преимуществ (*The whole west midlands area will get a huge number of benefits*

from HS2), например, высокоскоростной поезд разгрузит центральную железную дорогу и основные магистрали (*without HS2, the key rail and road routes connecting London to the midlands and the north will soon be overwhelmed*); строительство и в дальнейшем обслуживание новой железной дороги даст новые рабочие места (*In building HS2, we need to ensure that we make the best use of British skills and workers. From 2017, HS2 will create 19,000 engineering and construction jobs*). Новый мир оценивается говорящим положительно, так как он дает возможность экономического развития, улучшает благосостояние населения, является перспективным проектом (*HS2 is an engine for growth: growth in jobs, growth in opportunities for business and growth in the global race. HS2 is a project for our generation*). Таким будет новый мир, если законопроект будет принят (*Now is the time to make it happen. I commend the Bill to the House*).

Существующий и будущий мир репрезентируется в форме единого нарратива; при этом будущий мир оценивается как «лучший» с помощью соответствующих языковых средств.

С точки зрения лингвистического анализа, мы выделяем следующие языковые средства: будущий мир описывается с помощью лексики с мелиоративной семантикой (*ambitious; important; new; main; right; sufficient; fantastic; fast; great; essential*); существующий мир описывается с использованием пейоративной лексики (*overwhelmed; overcrowded; old; unpopular*). Для характеристики нового мира используется прилагательное *good* в сравнительной степени (*We need better roads, better airports, better ports, and better rail links*). Для усиления значения прилагательных, их экспрессивности при описании нового мира говорящий использует наречия *too, very, absolutely*. Кроме того, выступающий употребляет лексику с мелиоративными глаголами, где доминирует сема «прогрессивность», «улучшение», «увеличение» (*extend; improve; increase; add*), а также выражения, указывающие на улучшения (*massive shift*). Употребляются лексические единицы со значением «возможности», «выгоды», «пользы» (*beneficial; advantage; capacity; benefit*) и глагол, означающий «снабжать», «обеспечивать» (*provide*). В описании старого мира доминируют глаголы с семантикой «ухудшения» (*reduce; slow down; suffer*). Существующий и будущий мир описываются по контрасту: если состояние нового мира оценивается как «лучшее», значит, в старом мире все «хуже»; если нужны изменения, значит, в настоящем мире

положение вещей оценивается как «худшее». Будущий мир «лучше» потому, что появится возможность увеличить бюджет страны (*HS2 will add over £4 billion to the economy*), значит, в существующем мире нет такой возможности. В будущем мире будет эффективнее работать транспортная система (*it will bring two thirds of people in the north of England within two hours of London*), в настоящем же мире она функционирует «хуже» и требует улучшения (*improving services*).

Анализ показывает, что политик конструирует мир, о котором он осведомлен во всех его деталях; в лингвистических терминах, он производит речевые акты ассертивы, описывающие мир в точных цифрах: *Basically, 15 years ago there were about 750 million passenger journeys, and the latest estimate is for 1.5 billion passenger journeys.*

Он приводит количество пассажиров, которые пользуются железной дорогой в старом мире и количество пассажиров, которые будут пользоваться данным видом транспорта в новом мире.

Описание старого и нового мира базируется на разных грамматических формах. Существующий мир конструируется с помощью форм настоящего времени (*there is; there are; have*); также используются средства, указывающие на регулярный характер событий, которые имеют место в настоящем мире (*There are still problems south of Rugby; we have only a few kilometers of high-speed rail between the south coast and London, and we have a much smaller rail system than we had 40 or 50 years ago*). Форма будущего времени используется для конструирования и описания нового мира. Форма *will* указывает на неотвратимый характер изменений в будущем мире (*HS2 will help to free up capacity on the existing rail network; it will shorten the journey time between London and Edinburgh by 45 minutes*).

Выступающий подчеркивает надежность представленных им данных. Как мы видим из примера, он употребляет выражения, которые указывают на то, что он прорабатывал данный вопрос (*Some estimates suggest that HS2 will add...; The line is estimated to provide*), т. е. приводимые утверждения о мире, о его облике, как будет выглядеть будущий мир облекается в форму ассертива, а сам говорящий, в наших терминах, принимает на себя роль надежного конструктора мира.

В целом в презентации законопроекта первым говорящим явным образом усматривается концептуальное разграничение «Новый vs Старый Мир»; именно оно служит основным дискурсообразующим фактором всего последующего дискурса данных парламентских дебатов.

Основываясь на изложенном выше положении о том, что проблема создает проблемное пространство, элементы которого состоят из отдельных пропозиций, мы усматриваем наличие в данном проблемном пространстве двух основных пропозиций: первоначальной (Мир останется прежним: в нем нет новой железной дороги) и желаемой (Мир изменится: в нем есть новая железная дорога).

При формулировании проблемных пропозиций мы используем методику пропозициональной обработки дискурса Т. ван Дейка и В. Кинча, которые предлагают записывать пропозиции в виде предложений на естественном языке и заключать их в треугольные скобки [10]. Методика пропозициональной обработки дискурса Т. ван Дейка и В. Кинча состоит в выведении глубинных макропропозиций дискурса путем сокращения числа его поверхностных пропозиций и включает четыре правила (стирание; обобщение; отбор; построение/выведение), благодаря чему исключаются случайные, общие или второстепенные дискурсивные референты и концепты [там же].

Обобщив, согласно данной методике, референты анализируемого дискурса, мы сформулировали два обобщенных референта «Новый vs Старый Мир» и, соответственно, две указанные выше пропозиции.

Таким образом, проблема сформулирована в виде двух находящихся в конфликте пропозиций первым говорящим, который вербализирует их в виде двух альтернатив решения проблемы: оставить все без изменений или построить новую железную дорогу. Противопоставление двух конфликтующих пропозиций, двух противоположных вариантов решения влечет за собой ситуацию конфликта и адверсарийный тип решения проблемы [19].

Когда проблемные пропозиции сформулированы, происходит фиксация определенного типа ситуации – ситуации принятия решения, которая становится, в данном случае, прагматической [1]. Поскольку общей прагматической целью для всех участников становится принятие решения, мы определяем эту ситуацию как прагматическую ситуацию принятия решения.

Вторая стадия развития прагматической ситуации принятия решения представляет собой собственно решение как выбор одной из пропозиций (альтернатив, опций) в процессе переговоров между собеседниками, в данном случае в процессе обсуждения законопроекта парламентариями. Принимающие решение, в нашем случае – это политики, замкнуты внутри проблемного пространства и в ходе

обсуждения вариантов решения они двигаются от одной опции к другой, т. е., в наших терминах, от одной пропозиции к другой. Принятие решения происходит, как мы усматриваем, путем апелляции к двум оппозитивным концептам «Новый vs Старый Мир» и их вербализации и дискурсивизации по оценочной шкале «хорошо vs плохо».

Подвергнув выделенную оппозитивную пару концептов этносемиотрическому аксиологическому анализу, согласно которому любой дискурс представляет собой не только определенный способ содержательного выражения образующего его дискурсивного концепта, но данный дискурсивный концепт рассматривается как аксиологически нагруженный [7, с. 41], мы определяем эти концепты как ценностные ориентиры, используемые в качестве базовых механизмов развития дискурсивной борьбы в описании мира в рамках его ценностного понимания в политических дебатах.

Мы установили, что в ходе обсуждения законопроекта все участники делятся на две группы: тех, кто описывает новый мир как мир «хороший» и тех, кто описывает его как мир «плохой»; по мере развертывания дискурса говорящие то примыкают к группе поддерживающих новый мир, то к группе поддерживающей старый мир.

Противопоставление двух миров осуществляется с помощью контрастирующих дескрипций. В дискурсе тех политиков, кто описывает новый мир как «хороший» доминируют прилагательные и словосочетания с мелиоративной семантикой, которые подчеркивают его превосходство (*the essential project; vital; clear; overwhelming; strategic rail line; an ambitious programme; prosperous; an important part; good infrastructure; significant improvements*). В описании существующего мира указываются его «плохие» свойства с помощью выражений с негативной семантикой (*overwhelmed; no availability; overcrowded; old; rail travel double; a shocking and disgraceful record on infrastructure*).

Участники дебатов, дискурсивно поддерживающие новый мир, активно используют выражения с глаголами действия (*make investment; ease road congestion and reduce some of the pressure on; free up capacity for; connect up people and cities; create more jobs*), с помощью которых они описывают те события, которые произойдут в будущем мире и сделают его «лучше», чем настоящий. Существующий же мир, по мнению этих выступающих, необходимо улучшить (*improving services*) через вложения в экономику (*investing in infrastructure*).

Использование выражения *can afford* в отрицательной форме говорит о несостоятельности существующего мира (*That is why we cannot afford to delay the delivery of this project any longer; We cannot afford to leave the economic future of our great cities to an overcrowded 200-year-old railway*).

В описании будущего мира используется глагол *can* в утвердительной форме, который демонстрирует возможности нового мира (*By building the line, we can help to rebalance the economy between London and the south-east and the rest of the country*).

Описание физического состояния двух миров представляет собой речевые акты оценки, с помощью которых выступающие отмечают положительные свойства нового мира и отрицательные качества старого. Выражение оценочного суждения по шкале хорошо / плохо определяется понятием ценности как указания на личностное, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающих к миру должного, целевого, смысловому основанию. Ценности трактуются как порождаемые культурой, вплетаемые в изменчивое многообразие социальной жизни как ее инварианты, позволяющие связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее) [9].

Именно аксиологический анализ оценочной лексики позволяет определить систему ценностей и антиценностей, которая доминирует в описании социально значимых аспектов нового и старого мира.

Таким образом, структура дискурса играет основополагающую роль в ситуации принятия решения в политической коммуникации, поскольку принятие решения (в политических терминах принятие / не принятие законопроекта) зависит от «качества» дискурса представления двух миров. «Миры» должны быть всесторонне описаны в фактах, в точных цифрах, в статистических данных, в сравнении их фактуального наполнения. Они должны быть аксиологически оценены по шкале хорошо / плохо теми, кто имеет право выбора, т. е. политиками. В процессе непосредственного взаимодействия политики здесь и сейчас осуществляют совместное конструирование мира при помощи дискурса. Они создают саму институциональную ситуацию – парламентские дебаты. Но одновременно они конструируют и будущее, формируют будущую социальную реальность не только для себя, но и для всех граждан страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* О стыде и стуже // Вопросы языкознания. – 1997. – №2. – С. 59–76.
2. *Бергер П., Лукман, Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. яз. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. *Кузнецова В. В.* Реализация принципа корпоративности в английском групповом профессиональном дискурсе: дис. ...канд. филол. наук. – Иркутск, 2005. – 224 с.
4. *Плотникова С. Н.* Решение проблем в серии бесед: анализ примера из романа Д. Дефо «Молл Флендерс» // Фразеология и личность: межвузовский сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во ИГПИИЯ, 1995. – С. 119–134.
5. *Плотникова С. Н.* Я-Наблюдатель и Я-Конструктор: Дискурсивный мониторинг и дискурсивное конструирование мира // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X междунар. научн.-практ. конф. (Иркутск 14–18 июня 2005 г.). – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. – Ч. 1 – С. 101–107.
6. *Плотникова С. Н.* Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva* Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 66–81.
7. *Серебrenникова Е. Ф.* Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия личностных смыслов: кол. монография. – М.: Тезаурус, 2011. – С. 7–49.
8. *Штегмюллер В.* Рациональная теория решений (логика решений) // *Философия, логика, язык: сб. науч. ст. / под общ. ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова; пер. с англ. и нем. В. В. Петрова.* – М.: Прогресс, 1987. – С. 318–329.
9. *ЭСФ – Энциклопедический словарь. Философия / под ред. А. А. Иванна.* – М.: Гардарики, 2006. – 1072 с.
10. *Dijk, T. A. van, Kintsch, W.* Cognitive psychology and discourse: Recalling and summarizing stories // Dressler W.U. (ed.). *Current Trends in Text linguistics.* – Berlin: Walter de Gruyter, 1978. – P. 363–394.
11. *Newell A.* On the analysis of human problem solving protocols // *Thinking. Readings in Cognitive Science / Ed. By P. N. Johnson-Laird, P. C. Vason.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – P. 46–61.
12. *Nozick R.* *Nature of Rationality.* – New Jersey: Priceton University, 1993. – 224 p.

13. *Kahneman D., Tversky A.* The Framing of decisions and the psychology of choice // *Science, New Series* / Pub. by American Association for the Advancement of Science. – 1981. – Vol. 211. – № 4481. – P. 453–458.
14. *Kahneman D., Tversky A.* Rational choice and the framing of decisions // *Journal of business* / Pub. by The University of Chicago Press. – 1986. – Vol. 59. – № 4. – Part 2: The Behavioral Foundations of Economic Theory. – P. 251–278.
15. *Penman R.* *Reconstructing Communicating: Looking to a Future.* – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. – 169 p.
16. *Potter J.* *Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction.* – London: Sage, 1996. – 253 p.
17. *Schneider J.* «Members only»: Reading the constructionist text // *Reconsidering Social Constructionism: Debates in Social Problems Theory* / eds. J. Holstein, G. Miller. – N. Y.: Adline De Gruyter, 1993. – 566 p.
18. *Searle J.* *The Construction of Social Reality.* – N. Y.: Free Press, 1995. – 241 p.
19. *Thargard R.* Adversarial problem solving: modeling an opponent using explanatory coherence // *Cognitive Science.* – 1992. – № 16 (1). – P. 123–149.
20. *Winograd T.* Formalisms for knowledge // *Thinking. Readings in Cognitive Science* / Ed. By. P. N. Johnson, P. S. Wason. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – P. 13–27.
21. *High Speed Rail (Preparation) Bill.* – URL: <http://www.publications.parliament.uk/business/publications/hansard> (дата обращения: 15.04.2014).

УДК 81.00

В. А. Рыжова

ст. преподаватель каф. лингвистики и межкультурной коммуникации ТОГУ;
аспирант каф. перевода и переводоведения и межкультурной коммуникации
МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: vika_ryzhova@mail.ru.

СИМУЛЯКРЫ ИДЕОЛОГЕМ «ВОЖДЬ» И «领袖» В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются идеологема «ВОЖДЬ»/«领袖» как знак в прямом значении, несущем действительные идеологические установки, а также как симулятивный знак, представляющий собой ироническую или саркастическую копию объекта. Анализ примеров, обнаруженных в политическом дискурсе России и КНР, позволяет рассматривать симулякр как семантический центр карнавализации.

Ключевые слова: идеологема; директив; карнавализация; симулятивный знак (симулякр).

Ryzhova V. A.

Post-Graduate Student, MSLU ELI; e-mail: vika_ryzhova@mail.ru

SIMULACRA «CHIEF»AND «领袖» IN A PROCESS OF CARNIVALIZATION (ON THE BASIS OF RUSSIAN AND CHINESE POLITICAL DISCOURSE)

The article discusses ideologems «CHIEF»/«领袖» as actual signs of ideologies versus their simulacra that play the ideological significance down to irony or sarcasm. Appropriate contexts found in the political discourse of Russia and China appear indicative of the bakhtinian-type carnivalization.

Key words: ideologem; directive; carnivalization; simulative sign (simulacrum).

Во многих государствах среди различных официальных титулов лидеров государств используется номинация «ВОЖДЬ». Употребление данной номинации носит идеологический характер, а само слово «вождь» в контексте политического дискурса выполняет особую семиотическую функцию, является идеологемой, скрывающей в себе директив, направленный в будущее, призывающий к реальным действиям [4]. Как правило, идеологема опирается на архетипические образы, управляющие поведением человека на уровне подсознания. Цель нашего исследования – определить различия двух диаметрально противоположных контекстов идеологемы «ВОЖДЬ», которые проявляются в высказываниях типа:

(1) «И еще тогда в этом подполковнике, остановившем распоясавшуюся толпу, прорезались черты вождя, *который через четверть века поведет за собой народ самой большой страны...*» (<http://zavtra.ru/content/view/putin-zagadka-odnogo-protivorechiya>).

(2) «Больше здесь не ловят мух, чахнет тело, гаснет дух/Только Вождь, *журея, пухнет, потому что жрет за двух*» (http://www.clubochek.ru/vers.php?all_vers=1&i=657).

Контекст данных и аналогичных им примеров определяется прагматическими функциями использования идеологем вождизма как семиотических знаков с разной идеологической установкой. В первом из них идеологема используется согласно прототипическим условиям искренности. Иными словами, она является символом, отражающим роль личности во Времени Культуры. Во втором примере образ вождя представлен по условиям искренности с превращенной оценкой. Идеологема с подобной аксиологической установкой является симулятивным знаком, функционирующим в созданном автором репрессивно-поэтическом мире.

Анализ примеров, обнаруженных в Национальных корпусах текстов русского и китайского языков, подтверждает, что употреблению идеологемы «ВОЖДЬ» как искреннего знака идеологии противоплагаются знаки симулятивные, появившиеся как результат иронии и даже сарказма. Биполярность употребления исследуемой идеологемы находится в прямой зависимости от метапрагматических маркеров дискурса – серьезной (*bona-fide*) и несерьезной, ироничной (*non-bona fide*) коммуникации [15], а также от Времени Культуры интерпретации знака и роли личности в целом. Прагматические функции идеологемы как чистого знака в его прототипическом значении, с одной, и в симулятивном, с другой стороны, определяются взаимодействием между адресантом, адресатом, высказыванием и окружающей действительностью. В поле «серьезного» дискурса интерпретация высказывания предполагает соответствие пропозиции реальному положению дел (из Мира Ценностей образ вождя передается с аксиологической характеристикой архетипического смысла в Мир Действий). Следовательно, идеологема употребляется в прямом значении и несет прототипический директив. В идеологеме «ВОЖДЬ» в сознании носителей русского языка раскрывается директив «За мной!» [8]. Однако для «ироничного» дискурса характерно противоречие между

прототипическим образом вождя и конфигурацией его признаков в реальной коммуникативной ситуации. В Мире Действий обнаруживается симуляция образа реальности за счет подмены его аксиологических характеристик в Мире Ценностей.

Эти предварительные выводы в целом исходят из представлений лингвистов, сводимых к пониманию идеологема как единицы языка, в означаемом которой на первый план выходят аксиологические установки, непосредственно связанные с идеологическим денотатом [3; 5; 7; 13]. Так, высказывание «Ленин – Вождь мирового пролетариата» содержит идеологему «ВОЖДЬ» – мыслительную единицу идеологической картины мира, представленную словом, обладающим сакральностью архетипического смысла. Соответственно, высока степень воздействия идеологема на сознание и поведение представителей языкового сообщества.

Идеологема вождизма как в русском, так и в китайском языковом сознании восходят к концепту ВОЖДЬ / 領袖, который, в свою очередь, в современном общественном сознании обычно ассоциируется с тоталитарным режимом политической власти. Соответствующая традиция управления в определенной степени объединяет политическую культуру нашей страны и стран Восточной Азии.

Это родство проявляется и в особенностях функционирования слов ВОЖДЬ / 領袖. Русское слово заимствовано из старославянского языка с помощью суффикса *-j-* от той же основы, что и ВОД «вождь, вожак» [16, с. 63].

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова в русском языке слово ВОЖДЬ имеет четыре значения: 1) глава племени, родовой общины (Вождь краснокожих); 2) военачальник, полководец (*устар.*, *высок.*: Вожди русских полков); 3) общественный идейный политический руководитель масс (Вождь партии); 4) глава идейного течения (*устар.* Вожди просвещения) [10, с. 91].

В словаре В. И. Даля дается описание происхождения слова ВОЖДЬ от глагола ВОДИТЬ и существительного ВОЖ:

– ВОДИТЬ – провожать на ходу, либо тащить за собой силою, принуждая или же помогая, или предводительствую, будучи начальником или вожаком;

– ВОЖ – реальная фигура самого лучшего, самого достойного среди казаков;

– ВОЖДЬ – передовой, зачинщик, установщик, предводитель [11, с. 132–133].

В словаре Д. Н. Ушакова дается следующее определение слова ВОЖДЬ – «руководитель общественного движения, партии; идейный руководитель. Ленин и Сталин – вожди рабочего класса» [9]. Нетрудно заметить, то корни директива «За мной!», свойственного идеологии «ВОЖДЬ» произрастают из особенностей содержания самой дефиниции.

Для исследования китайского языкового знака ВОЖДЬ нами выбрана номинация 领袖. По данным словарей анализируемая языковая единица имеет наиболее продолжительную историю употребления. Есть основания считать ее прототипическим знаком по отношению к современным номинациям с аналогичным значением. Слово 领袖 впервые встречается во времена правления династии Цзинь (265–420 гг. н. э.). В частности, его обнаруживаем в книге «晋书·魏舒传» («История династии Цзинь. Эпоха Троецарствия в Китае. Государства Вэй и Шу»):

«魏舒为国家鞠躬尽瘁，深受晋文帝器重，文帝每次朝会坐罢，目送之曰：“魏舒堂堂，人之领袖也”».

– Известно, что «Государства Вэй и Шу высоко чтили императора Цзинь Вэнь-ди, и служили ему не жалея своих сил. Император, каждый раз заканчивая аудиенцию во дворце, изрекал: “Вэй и Шу – выдающиеся государства, а для народа они как воротник и рукава”» (<http://zhidao.baidu.com>).

Метафора, восходящая к предметам и элементам одежды была употреблена в отношении объектов, являющихся образцом для подражания. Со временем она стала использоваться в адрес национальных и политических лидеров, предводителей забастовок и вождей революционных течений (辞海.).

В китайском языке слово 领袖 состоит из двух компонентов, каждый из которых обладает не одним этимологическим значением:

领 – 1) шея; 2) воротник; 3) понять, осознать; 4) получать; 5) вести во главе;

袖 – 1) рукав; 2) сунуть что-то в рукава; 3) 袖手旁观 – быть сторонним наблюдателем, безучастным зрителем [10, с. 891].

Взаимодействие двух образов стоящих за этими знаками, порождает основной директив «Следуй моим указаниям!», которыми характеризуется китайская идеологема 领袖 [8]. Примеры употребления дефиниции ВОЖДЬ в различных текстах Национального корпуса китайского языка позволяют сопоставить их языковую форму. Приведем лишь некоторые из распространенных номинаций на китайском языке и их аналоги в русском языке:

世界无产阶级的领袖 – *Вождь мирового пролетариата;*

伟大领袖 – *Великий вождь;*

人民的领袖 – *Вождь народа;*

党的领导 – *Вождь партии;*

革命领导者 – *Вождь революции;*

思想领袖 – *Идейный вождь;*

精神领袖 – *Духовный вождь;*

歌颂领导 – *Воспевать вождя;*

领导死亡 – *Смерть вождя;*

自封的领袖 – *Самозванный вождь;*

首领球队 – *Вождь дружины;*

北美印第安的首领 – *Вождь краснокожих.*

Обращает на себя внимание полное подобие оригиналов и их перевода. Уместно выдвинуть предположение о том, что эти соответствия были сформулированы еще в период III Интернационала. Основным принципом разработки документов упомянутого Времени Культуры было достижение полного соответствия оригинала и 144 переводов. При этом в качестве оригинала позиционировался русский язык, поскольку именно он представлял страну победившего социализма [14, с. 110–125].

Исходя из проанализированного материала, можно утверждать, что в русском языковом сознании под ВОЖДЕМ понимается личность, обладающая лидерскими качествами, способная вести за собой целый народ. Следует отметить, что в политическом дискурсе идеологема имеет явно выраженную суггестивную нагрузку.

В современном китайском языке наряду со словом 领袖 встречаются и такие более современные дефиниции со значением ВОЖДЬ, ЛИДЕР, как:

领导 – 1) руководить; 2) руководитель, (领导者 – руководящее лицо), где 领 – «осознать и быть во главе», 导 – «вести за собой, управлять»;

首领 – 1) голова и шея; 2) глава, вождь, предводитель, вожак, лидер), где首– «голова, глава», а 领 – «осознать и быть во главе»;

首脑 – разг.: глава, вожак, вождь, где首– «голова, глава», а 脑 – «ум, мозг» (现代汉语词典).

Следовательно, за идеографическими знаками 领袖, 领导, 首领, 首脑 в языковом сознании китайского народа закрепилось стойкое архетипическое представление о вожде как эмоционально сдержанной, социально возвышенной личности, обладающей живым и гибким умом, способной управлять коллективом, осуществляя, в первую очередь, идеологическое руководство как группой людей, так и многочисленным народом.

Таким образом, изучение исторических и лексикографических источников позволило определить характерный непреходящий признак идеологема «ВОЖДЬ»: в русском языковом сознании под вождем понимается личность, обладающая лидерскими качествами, берущая на себя ответственность за принятые решения, способная вести за собой группу единомышленников и даже целый народ. («Вожди революции», «Вождь Красной армии», «Вожди партии», «Вождь масс» и т. п.). В китайском языковом сознании за идеографическим знаком 领袖 (вождь) закрепилось представление о вожде как о эмоционально сдержанной, социально возвышенной личности, обладающей гибким умом, способной осуществлять идеологическое руководство многочисленным народом («人民的领袖» – *Вождь народа*, «思想领袖» – *идейный Вождь*, «精神领袖» – *духовный Вождь*, «伟大的领袖» – *Великий Вождь* и т. п.).

Характер двух основных идеологических директивов (см. выше) полностью согласуется с этими семантическими доминантами.

Иллокутивная цель использования идеологем вождизма в прямом и искреннем их значении заключается в конструировании ценностей и ориентирование на эти ценности как конечные интерпретанты адресата. Помимо стандартного пропозиционального содержания идеологема скрывает в себе директив, ориентирующий на соответствующие действия. Являясь феноменом Мира Действий, идеологема отсылает сознание адресата к исторически сложившемуся в Мире Ценностей архетипическому прообразу вождя [12].

(3) Российская история其实也是一部强势人物的历史, 从历史上的彼得大帝, 叶卡捷琳娜大帝一直到现代的列宁, 斯大林, 这些领袖人物的一言一行都深刻的影响了俄罗斯人的日常生活

– История России и есть история могущественных, влиятельных личностей от Петра Первого и Екатерины Великой до более современных Ленина и Сталина – вождей, словами и поступками повлиявших на обыденную жизнь русского народа.

Абсолютная власть вождя на когнитивном уровне проявляется в том, что идеологема в МД стремится к закреплению за объектом – личностью из МЦ, к своего рода присвоению имени собственного. Единичный характер номинации строго соблюдается. Так, И. В. Сталин именуется «Вождем и учителем», Мао Цзэдун – «Великий Вождь», Ким Ир Сен – «Великий Вождь нации», тогда как последующих за ними руководителей называли иначе: Л. И. Брежнев – «Лидер мирового коммунистического движения», Ким Чен Ир – «Великий руководитель», приемник Мао Цзэдуна Хуф Гофен – «гениальный руководитель / Вождь».

Согласно теории А. Н. Уайтхеда [12] МЦ лишен хронотопа. В то же время последний – устойчивый параметр МД. Соответственно, рамки интерпретации идеологического знака Мира Действий, а вместе с тем и роль соответствующей личности за ним закрепленного, подвергаются аксиологическим изменениям во Времени Культуры. Одно дело интерпретация знака «ВОЖДЬ», используемого относительно личности И. В. Сталина в период с 1929 г. вплоть до 1959 г. в условиях контекстуального господства номинации «вождь и учитель». Особенно показательны высказывания по поводу кончины И. В. Сталина:

(4) «Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА. <...> Бессмертное имя СТАЛИНА всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества» (некролог о смерти И. В. Сталина. 5 марта 1953 г.) (<http://wiki.laser.ru>).

(5) «В эти дни мы все переживаем тяжелое горе – кончину Иосифа Виссарионовича Сталина, утрату великого вождя *и, вместе с тем, близкого, родного, бесконечно дорогого человека* <...>, *который всегда будет жить в наших сердцах.*» (В. Молотов, советский политический деятель. Март 1953 г.) ([// komrostlt.ru/index.php/241](http://komrostlt.ru/index.php/241)).

Употребление связанной идеологемой номинации «утрата великого вождя» в данных примерах фактически знаменует ее переход

в статус мифологемы «СТАЛИН», или в знак, обусловленный прошлыми интерпретациями [4]. В сознании адресата конструируется образ осиротевшего народа, оставшегося без «отца». Скрытый в идеологеме директив «За мной!» лишается связи с МД. В результате меняется иллокутивная цель, появляется естественный призыв скорбеть, погружая носителей единого языкового и культурного сознания в соответствующее состояние (ср. у В. В. Маяковского «острая тоска» по поводу кончины В. И. Ленина).

Другое дело – употребление этого же знака в настоящее время в условиях демократического общества, когда аксиологические признаки, присваиваемые личности меняются сообразно Времени Культуры. Вместе с последним меняются и рамки интерпретации используемого знака:

(6) «Действующую власть продолжает коробить при упоминании имени Сталина. <...> Мы сами так усердно последние 25 лет обливали грязью Сталина, создавая культ кровавого вождя, что не заметили, как весь мир стал считать наших дедов лишь кровожадными рабами тирана Сталина, которые принесли Европе коммунистическое рабство» ([// komrostlt.ru/index.php/241](http://komrostlt.ru/index.php/241)).

Мифологема «культ кровавого вождя» формирует соответствующее отношение к объекту высказывания и имплицитно идеологический директив «Долой кровавого вождя! Покаяемся за кровавое прошлое!». В таком случае реальность подстраивается под высказывание, выраженное идеологемой, скрывающей в себе директив. Последний, в свою очередь, устремлен из МЦ в МД. Подобное положение дел обнаруживается и в ходе анализа китайского языкового материала:

(7) «中国会有一个比普京厉害的领袖的。 – В Китае, возможно, появится вождь могущественнее, чем Путин (<http://zhidao.baidu.com>).

Идеологема «ПУТИН», позиционируемая как образ вождя из МЦ, соответствует всем архетипическим признакам данного образа. Идеологический директив в этом высказывании уступает место гомеостатической оценке, также ориентированной на будущее [4].

Вновь меняется Время культуры, и все чаще встречаются высказывания типа:

(8) «Довели страну! Сталина на вас нет!». Данный пример имплицитно несет в себе мифологему «вождь» хранящуюся в МЦ в прямом

архетипическом значении, переходящую в идеологему МД, директив которой декодируется как «Он единственный способен вывести страну из сложившейся ситуации».

Перейдем к анализу идеологемы «ВОЖДЬ» как симулятивного знака:

(9) «Танака Такеюси – известный писатель и журналист, глава общества “Черного Дракона” (сам он себя скромно называет «вождь»), человек голубейшей крови из знатного самурайского рода, страстный японский националист и потомственный революционер» (*www.bkrs.info*).

Данный пример иллюстрирует утрату сакрального смысла идеологемы «ВОЖДЬ» и раскрывает подмену значения идеологического знака с помощью «ироничного» дискурсивного модуса. Проявляется имитация, копия объекта реальности, имеющего иные аксиологические характеристики в МЦ.

В семиотической теории М. М. Бахтина подобное явление находит отражение в процессе карнавализации [2], при котором происходит инверсия двоичных противопоставлений [1] – бинарных оппозиций прообраза Вождя в МЦ и его отражения в МД, что приводит к неожиданному комическому эффекту. При этом вождь в «маске вождя» приобретает различные инвариантные признаки карнавального образа – оборотничество, профанация, фамильярность. Подобная симулякризация идеологемы «ВОЖДИЗМА» с наличием этих же признаков наблюдаются и в следующем примере:

(10) «На первый взгляд, кажется, что новоявленный вождь устраивает всех – от “Братьев-мусульман” до администрации президента США» (<http://zavtra.ru/content/view/putin-zagadka-odnogo-protivorechiya>).

Семантическая организация данного высказывания позволяет адресату определить несоответствия образа «ВОЖДЬ» из МЦ сконструированному образу в МД. Поскольку в мифологическом сознании на образ вождя возложены иные функции, нежели «устраивать всех», данный знак рассматривается как симуляция образа МЦ в МД.

В китайском коммуникативном пространстве процесс карнавализации исследуемого знака наиболее ярко проиллюстрирован в анекдотах о вождях и политических лидерах, в разные периоды времени управлявших страной. Политические анекдоты как жанр устного народного творчества распространены в странах, где не существует

иной возможности критиковать правительство. В таких высказываниях посредством юмора и иронии опустошается прямое архитипическое содержание знака:

(11) 明末，钱谦益游览苏州虎丘山，穿的衣服没有领子，袖管阔大。一个读书人上前拱手鞠躬致礼，请问他为什么穿这样的衣服？钱谦益 答道：«没有领子 是今朝（清朝）的官服，大袖子是先朝的官服，因为我在先朝当官长久，习惯了。”那读书人假装着肃然起敬地说：“大人真可说是两朝的领袖了！”»

– В конце эпохи правления династии Мин. Чень Ченьи отправился в Сучжоу к Тигриной горе. На нем была одежда без воротника, но с широкими рукавами. Один мудрец склонился в приветствии и спросил его, почему тот таком нелепом одеянии. Чень Ченьи ответил: «У чиновников предыдущей династии Цин в костюме отсутствовал воротник, одежду с широкими рукавами носят чиновники нынешней династии. Поскольку я намерен служить при дворе следующей династии – привыкаю». Мудрец с притворным почтением молвил: «Можно сказать, что Ваше превосходительство является законодателем мод обеих династий!».

Хотя в контексте данного высказывания содержание знака 领袖 предстает в свойственном ему значении «выдающаяся личность» (все равняются на вождя. См. 辞海), смысл коммуникативной ситуации раскрывает лишь одну сторону социальной жизни: Мудрец видит в Чень Ченьи не столько храброго и отважного вождя, сколько «вождя» в области моды того времени. Очевидно, что в таком случае в МД утрачиваются такие основные концептуальные признаки слова 领袖, присутствующие в МЦ, как сила, смелость, отвага, решительность, ответственность за свои поступки не только перед собой, но и перед людьми, которых он ведет за собой.

(12) 某国的领导人逝世了，在灵堂上，他太太听到来宾的祭文：伟大的领袖，雄才伟略，决策英明，人人爱戴。她听后，立即低声对儿子说：你赶快去看看躺在棺材里的是不是你爸爸。

– Скончался руководитель одного государства. В траурном зале вдова слушала как гости произносят прощальные речи: великий вождь, превосходно управлявший людьми, непревзойденный стратег, принимавший гениальные решения, любящий народ. Услышав это она шепнула сыну: «Сходи-ка посмотри, твой ли отец там лежит».

Данная коммуникативная ситуация, в которой подвергаются сомнению лидерские качества вождя – руководителя государства,

подтверждает очевидную симулятивность идеологемы. Идеологическая установка, косвенный директив «Таким должен быть настоящий лидер государства» разбивается о недоверие. Опыт, полученный в МД, заставляет адресата усомниться в соответствии передаваемой ему информации с реальным положением дел.

Наличие в политическом дискурсе модусов «серьезной» и «ироничной» коммуникации свидетельствует о том, что идеологемы вождизма употребляются как в прямом, почти архетипическом значении, так и в качестве симулятивного знака. Подобные наблюдения позволяют предположить, что в политическом семиозисе намеренно создаются ситуации, когда сложно уловить подмену понятий. В результате происходит не только неверное толкование, но и навязывание сознанию адресата определенных иллюкативных установок с целью манипулирования. Пример, возведение в образ вождя фигуры, являющей едва ли не противоположную идеологеме сущность. Как представляется, в таком превращении знака заключен основной смысл того, что принято именовать карнавализацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – 543 с.
2. *Горелова В. Н.* Принципы карнавальности в философии и эстетике М. М. Бахтина // «Экватор» 90-х. Гуманитарные проблемы России. – Пермь, 1995. – С. 222–225.
3. *Гусейнов Г. Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. – М., 2004. – 145 с.
4. *Каплуненко А. М., Рудковская И. Н.* О семиотических функциях концепта self-government // Вестник ИГЛУ. – 2014. – № 1(26). – С. 35–41.
5. *Купина Н. А.* Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык – Система – Личность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 90–111.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 05.05.2012).
7. *Радбиль Т. Б.* Мифология языка Андрея Платонова: монография. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. – 116 с.
8. *Рыжова В. А.* Концепт ВОЖДЬ как идеологема // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 20–23 марта 2012 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 127–128.

9. Словарь Ушакова Д. Н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 01.05.2012).
10. ТРСРЯ – Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
11. ТРСРЯ – Даль, В. И. Толковый словарь русского языка современная версия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 132–133.
12. *Уайтхед А.* Приключения идей. – М.: ИФРАН, 2009. – 192 с.
13. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика // Общие проблемы, метафора: учеб. пособие. – Екатеринбург: Флинт, 2003. – 194 с.
14. *Шевчук В. Н.* Политические ценности и проблемы их языкового выражения в переводе // Тетради переводчика. – М., 2007. – Вып. 126. – С. 110–125.
15. *Шилихина К. М.* Неуместная ирония и неудачная шутка: маркеры переключения между bona fide и non-bona fide модусами коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2013. – № 5. – С. 52–59.
16. ЭСРЯ – *Шанский Н. М., Шведова В. В., Шанская Т. В.* Этимологический словарь русского языка // Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. – М., 1961. – 140 с.

РАЗДЕЛ III
СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ. ТЕКСТООБРАЗОВАНИЕ. КОРПУСНАЯ
ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42

Ю. А. Ладыгин

д-р филол. наук, проф. каф. романской филологии МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: youri1941@mail.ru.

**О ВЕРБАЛИЗАЦИИ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ
Ж. ДЮАМЕЛЯ «CHRONIQUE DES PASQUIER»)**

В статье показано, что семантическая система анализируемого текста строится на основе ассоциативно связанных слов. Основные семантические линии художественного текста позволяют составить представление о философских, эстетических и нравственных предпочтениях автора.

Ключевые слова: автор; концепт; метафора; коннотация; аксиология.

Ladygin Y. A.

Ph. D. (Philology), Professor, MSLU EALI; e-mail: youri1941@mail.ru.

**ON VERBALISATION OF THE NARRATER'S POINT OF VIEW
IN THE ARTISTIC TEXT (ON THE MATERIEL OF THE NOVELS
OF G. DUHAMEL «CHRONIQUE DES PASQUIER»)**

The article shows that the semantic system of the analysed text is built on the basis of contextually associated words. The main semantic lines of the literary text help to make up a notion about philosophical, aesthetic, moral preferences of the author.

Key words: author; concept; metaphor; connotation; axiology.

Создавая художественный мир произведения, который, как правило, является аналогией действительности, воссоздаваемой с эстетической целью, писатель пользуется языковыми средствами, свойственными только ему. С их помощью он выражает вещи, предметы, понятия, их оценки, характеристики и качества, состояния, действия, отношения и связи, в которых они находятся. Исследование языковой материи произведения позволяет подойти к объективному пони-

манию смысла. Процессы отбора словесных средств и их образного использования [2] еще недостаточно исследованы и остается одной из актуальных задач интерпретации текста.

Текстовый дискурс соотносится с главным субъектом, с «эго» творящего текст человека, который реализует себя как автор событий. Распространено мнение, что авторское сознание является виртуальным и недоступным для понимания, а представление о нем создается через сознание интерпретатора, осуществляющего рецепцию текста. Существует и другая точка зрения, которой мы придерживаемся, заключающаяся в том, что текст есть суть выражения жизни или «объективации духа» (термин В. Дильтея), а интерпретация состоит в выявлении внутреннего смысла, основанного на внешних знаках.

Семиозис в отдельно взятом литературном произведении строится на единстве и взаимодействии формальных и содержательных сторон, образуя в общепринятом понимании «единый сложный знак» [6, с. 224]. Художник слова, вербализуя необходимую информацию, становится семиотиком. Его знаковая деятельность, осуществляемая в соответствии с определенными коммуникативными целями, связывается со смысловой организацией произведения, обусловленной, в частности, культурными факторами. Так, Б. А. Успенский, исследуя организующую роль автора в художественном тексте, пришел к выводу, что центральной проблемой композиции произведения искусства является точка зрения [10, с. 9]. Изучение субъективного фактора позволяет рассматривать художественный текст как механизм смыслопорождения, запущенный в действие создателем произведения, в котором «вскрывается картина глубинного устройства мира, как она предстает с точки зрения данного писателя, формирующего в тексте определенный дискурс» [8, с. 8]. При этом в процессе интерпретации принимаются во внимание все знаки и учитываются экстралингвистические явления.

Рассмотрение художественного текста, позволяет выявлять картину устройства мира, проникать в ментальное содержание дискурса, создаваемого автором. Литературное произведение существенно именно тем, что язык приобретает в ней свойство самоценности [9, с. 382]. Интерпретация словесного произведения искусства текста дает возможность изучать средства, которые объективно эксплицируют коммуникативные намерения автора, не всегда представленные

открыто в лексическом материале. При исследовании текста учитываются условия создания высказывания, его прагматические аспекты, нередко осознанно планируемые автором и тесно связанные с отбором материала, его обработкой, правилами поэтики, структурой текста (композиция, степень связности и последовательности, принципы монтажа, эксплицитность и др.) [1, с. 4].

Присутствие дискурсивной личности автора проявляется, в частности, в системе образных средств, играющих важную роль, в формировании концептов, которые, в совокупности, составляют в тексте ту или иную концептосферу. Рассмотрение концептов как ячеек ментального мира писателя помогает создать представление о его картине мира, как части культурного универсума нации. В подтверждение этого положения уместно, на наш взгляд, привести следующее высказывание: «Роман рождается как результат мятежа, вследствие неудовлетворенности или разочарования, и этот результат выражается в реалистической форме – форме, воплощающей в себе стремление убедить, не прибегая к документам и доказательствам» [7, с. 393]. Построение художественного текста, его словесная организация, обусловленные эстетическим замыслом, нуждаются в дальнейшем исследовании.

В настоящей статье предпринят анализ двух романов французского писателя Ж. Дюамеля «Le Notaire du Havre» и «Vue de la Terre promise», которые входят в десятилетний цикл его произведений, объединенных названием *Chronique des Pasquier*. Рассказчик Лоран Паскье, повествуя о своей семье, уделяет внимание моральной, этической и социальной значимости поведения человека в современном мире. Повествователь в художественном тексте, являясь «бумажным существом», выполняет функцию «заместителя» автора [3]. Текстовая деятельность повествователя справедливо рассматривается как вербализованная речемыслительная деятельность автора, представляющая собой «совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [5, с. 113].

Уже в первой фразе рассматриваемого произведения используется слово *lampe*. Оно приобретает символическую функцию, актуализируя коннотаты *calme, doux, paix* (*Notre grosse lampe de cuivre, toujours bien fourbie, toujours un peu moite de pétrole* 38) и становится центральным вербальным элементом концепта *la lumière*. Названный референт – источник света – собирает вокруг себя членов семьи, представляющих автономную ячейку, не нуждающуюся в посторонних (*étrangers*):

Ces étrangers violaient, par leur présence, notre asile, notre lieu sacré, le sanctuaire sacré de notre vie, de nos joies et de notre misère 127.

Элементы номинативной парадигмы (*asile, lieu sacré, sanctuaire*) в цитируемой фразе имплицитно предикаты «chaud», «clair», «cordial» и др. К ним присоединяется аксиологема *bonne* (*Mais la bonne chaleur descendait* 38), индуцирующая в данном контексте признак «paradisique». Некоторые из отмеченных предикатов в дальнейшем повествовании меняются на другие, что служит показателем постепенного распада семьи.

Для развития темы «семья» привлекается противопоставление концепта *la lumière* с его основными лексемами *lueur, éblouissante, éclairée*, концепту *les ténèbres*. Последний создается словоформами *ombre, nuit, noire, ténébreux* и др. Ср.:

C'est une banlieu ténébreuse qui gémit sous les étreintes de l'hiver et de la nuit 291, Toutes les lettres tombaient dans un puis sans fond et sans échos 120).

К ним добавляется слово *soir*, коннотирующее оценочное отношение, будучи примененным при рассказе о человеке, отказавшимся от выполнения поставленной цели (*Abandonner... c'est une idée du soir* 130). Семантика «темноты» заметно присутствует в тех эпизодах, в которых развивается та или иная социально-политическая тема: *Un abîme s'ouvrit sous nos pas et divisât la famille* (речь идет о деле Дрейфуса 164). Оценочное содержание концепта *les ténèbres* создается, помимо того, предикативными ресурсами метафор *crotté* (*J'étais crotté jusqu'à l'âme, sale farouche, irrité* 199) и *une bête* (*L'odeur de l'oignon grimpe comme une bête le long des marches* 49). В последнем примере когнитивная девиация осуществляется сравнением. Заметим, что отдельные сравнения текста отличаются оригинальностью:

Nous avançons à travers le mois de décembre comme sur une mer de bitume 270.

В приводимой фразе посредством лексемы *bitume* в структуру концепта *les ténèbres*, добавляются аксиологические семы «impenetrable», «difficile». Наиболее эмоционально насыщенными являются образные слова, используемые повествователем при описании картин нищеты:

Une odeur de tanière, une odeur de fauves perclus 301, *En me montrant l'enfer d'en bas, l'enfer des vieux hommes* 301.

Кроме того, в произведении имеет место противопоставление концептов *le beau* и *le laid*, осуществляемое, в частности, для того, чтобы выразить мысль о необходимости участвовать в увеличении доли прекрасного в жизни (*Mon père ne pouvait souffrir la laideur* 69). Формирование концепта *le beau* преимущественно связано с темой музыки, при вербализация которой наполняется возвышенными словами, с доминантным признаком ‘*merveilleux*’:

Cecile... dessine dans le silence une dentelle delicate avec ses doigts magiciens 269, *Cécile... c'est une personne du ciel* 195.

Аналогичную функцию призвано выполнять слово *l'enchantement* (*Gagné par l'enchantement* 53), а также библейские образы: *Nous écoutions notre ange* 146, *Elle est chez elle dans ce temple* 263.

Что касается концепта *le laid*, то он актуализируется, например, во фразах

Je suis triste à mourir. Tout est laid. Tout est ridicule. Tout est bas, désespérément. J'ai rêvé d'une vie belle et noble. Je languis parmi les querelles, je patauge dans la sottise 262.

Следует заметить, что, по количеству формирующих его вербальных компонентов, этот концепт доминирует над концептом *le beau*. Внимание к рассматриваемому противопоставлению привлекается, в частности, с помощью образа одного из персонажей, который при своей отталкивающей внешности (*Je n'ai guère vu, dans ma vie, que deux laideurs de cette sorte* 235) наделен высокими качествами: *A la façon des romantiques, une antithèse poignant entre des traits malheureux et des vertus sublimes* 235. Этот человек не находит в жизни счастья. Хотя надо сказать, что повествователь, в целом, скептически относится к идее спасения мира посредством красоты: *Mais quoi! Cette grâce impalpable pourrait-elle sauver le monde?* 269.

Остановимся на еще одном противопоставлении, реализуемом в произведении, – искусства и денег (*Les affaires d'argent c'est quand même plus compliqué... que la musique* 164). Кажется бы, нормально то, что деньги имеют в жизни немаловажное значение. Вот рассуждение одного из братьев (главного героя) на эту тему:

Je veux de l'argent... pour continuer à m'instruire, pour m'élever au-dessus de moi-même, pour devenir un homme supérieur, montrer ce que j'ai dans le sang 93.

Но, вместе с тем, другой брат придает деньгам исключительное значение (*Je ne suis pas un hurluberlu, je ne suis pas un fantaisiste, un artiste, esprit distingué* 174), принижая при этом значимость искусства. В целом, большая часть героев произведения, не способны устоять перед властным влечением богатства (Papa lui-même était gagné par les promesses de Mammon 183). Деньги становятся для членов семьи основным средством реализации мечты о счастье. Результатом такой позиции явился в итоге распад семьи Паскье: *Était-ce ainsi, par ces chamailles, ces chipotages qu'il convenait de célébrer notre entrée dans la terre promise?* 183. Желание обрести «обетованную землю» (*la terre promise*) путем обогащения оказалось призрачным. Рассказчик с грустью замечает, что единство его семьи, основывавшееся на совпадении мнений по основным вопросам жизни, по истечении времени все более утрачивается: *Le char de notre famille semblait tout à fait embourbé* 283. Причина этого кроется, в немалой степени, в расхождении взглядов на жизнь молодых и старых представителей одной семьи. И вот как, например, рассказчик говорит о своей старушке матери: *Une sainte des petites choses* 307. В этой фразе контрастные слова *sainte* и *petites* подчеркивается различие ценностных критериев матери и сына.

Необходимо отметить многократное обращение рассказчика к зоморфной метафоре, оказывающейся способной индуцировать различные нюансы, прежде всего, аксиологические. Это наблюдается, например, в ситуациях, объектом изображения которых является борьба за деньги (*Et les esprits, aussitôt, se cabraient comme des insectes en position de combat* 165). Отчетливую экспрессивную функцию обозначенная лексика выполняет в высказываниях, в которых речь идет о детях: *Et ils battaient les petits... Des bêtes féroces* 289, *Que deviendra donc aussi cette chaude petite bête vivante?* 289. Выделенные нами слова имплицитно семы «cruel», «somber». В произведении актуализируется мысль о недопустимости проявления жестокости к людям: *Quand je perçoit, chez une créature humaine, le présence de la bête* 75, *Tous des veaux! Tous des cochons! Vous aimez ça vous? Ça vous juge! Quelle misère!* 220.

Причину такого поведения повествователь видит в недостаточном внимании к проблеме духовного формирования человека (*La cause de toute cette bassesse, croyez-moi, c'est l'ignorance* 84). Приобретаемые индивидуумом знания оказываются зачастую совсем не теми, которые нужно было бы ему дать (*Les trois quarts de ce qu'on nous apprend est*

parfaitement inutile – Три четверти из того, что мы знаем, совершенно бесполезно 100). Важность поднимаемого вопроса подчеркивается модальной насыщенностью вербальных компонентов, в частности, эпитетов, в тех случаях, когда речь заходит о школе (*L'école... devint bientôt pour moi l'un de ces lieux bénis* 101). Аналогичная смысловая направленность проявляется и в следующей фразе: *Ne pas vouloir passer pour ce que l'on n'est point* 223. До читателя также доводится мысль о необходимости упорства в совершенствовании своих знаний (*Arracher un fragment, un éclat, une parcelle au noir diamant de la connaissance* 217). Лишь усилия могут помочь человеку укрепить веру в возможность своего интеллектуального и духовного роста (*S'élever par le savoir* 230, *Nous rampons sur notre chemin en espérant l'heure du bond, l'heure de l'envol surprenant* – Мы карабкаемся по нашему пути, надеясь, что наступит час прыжка, удивительный час взлета 217).

К зооморфной метафоре повествователь прибегает и тогда, когда объектом вторичного наименования становятся технические приспособления, изобретенные человеком (*Un cheval d'acier, luisant piaffant, prêt à la course* 74). В таком случае нередко реализуется поэтическая функция: *Comme le navire bien lesté, bien gréé, bien pourvu* 59, *Je sentis mon coeur sauter comme un chévreau* 101, *Il sentait le vent, il vibrat comme un voilier, comme un oiseau, comme une créature mobile qui va prendre l'air* 202. Здесь актуализированы такие признаки, как «léger», «tendu vers le ciel». Технические достижения могут быть, однако, направлены и на осуществление зла: *Une simple question de savoir qui sait parler le plus fort* 260. В данной фразе адъективная форма *fort* имплицитно подразумевает признак «violence». В этой связи необходимо упомянуть использование концепта *la non-liberté* в рассматриваемом тексте. Ср.: *Comme un cheval au piquet* 44, *Jamais je n'irais me loger dans un impasse* 48, *Il n'avait jamais pu se courber sous aucun joug* 100). Подчеркнутые словоформы суггестируют когнитивные нюансы, дающие представление о состоянии внутреннего мира персонажей. В анализируемых произведениях можно также встретить слова с мифологическими и сказочными референтами: *Je l'imagine comme un monstre sans bouche et sans oreilles* 120, *Ses chimères volaient ailleurs* 134. Текст, в частности, учит тому, что постоянное преодоление жизненных обстоятельств, борьба со своими слабостями освобождает от сказочных иллюзий: *Guéri, pour jamais, du miracle, des prodiges et des événements magiques* 160.

Как можно видеть, существенную роль в вербализации сознания повествователя играют, символ, эпитет, метафора. Метафора, выступая одним из способов целенаправленной передачи информации от одного сознания к другому [11], становится стилевым явлением, способом выражения отношения между литературной интенцией автора и структурой текста [12, р. 13]. Анализ использования метафоры помогает выявлять существенные аспекты ментальности автора, который, создавая образный мир, привлекает референты, близкие его сознанию. Метафора, участвуя в формировании концептов, является в произведениях Дюамеля когнитивно эффективной: с ее помощью достигается более точное выражение мысли. Ср: *Me forger, petit à petit, une carapace et des pincés* – Постепенно выковывать себе панцирь и клещи 88.

Выявляя другие концепты, представляющие те или иные аспекты картины мира автора в рассматриваемых произведениях, назовем, концепт *la force* (*l'énergie*), вербальные компоненты которого отмечены, преимущественно положительной аксиологией. Ср.: *Une somptueuse et terrible manifestation de force* 57, *Mon père ... semblait parfaitement maître de cette force tempétueuse* 211, *Les yeux de mon père, soudain lançaient du feu* 45. Эпитеты и тропы показывают важность высокой степени проявления энергии. Она успешнее реализуется с помощью создаваемых человеком артефактов (*Il [le chemin de fer], comme un torrent d'énergies furieuses* 51). В этой связи существенен признак «*bon*», который в романах Дюамеля представлен как необходимое условие успеха в отношениях между людьми (*Pour me plonger dans un abîme de tendre tristesse* 63).

«Сильный» человек должен умело направлять свою энергию. Такой принцип демонстрирует отец, особенно на первых этапах рассказываемой истории: *Toujours méditer quelque fuite, ailleurs, ailleurs, ailleurs* 293, *Cette longue passion de mon père pour s'élever* 201. Выражаемая в данных контекстах мысль, акцентируется тройственным повтором слова *ailleurs* и глаголом *s'élever*. Необходимость упорно придерживаться своей жизненной позиции утверждается также с помощью контраста, создаваемого развернутой метафорой, в которой центральным является словосочетание *lâcher prise* (уступить, отказаться от дальнейших попыток): *Le regard du malheureux qui est pendu par les mains au-dessus d'un abîme, qui a résisté longtemps mais qui ne résiste plus et se*

decider à lâcher prise 295. Главный герой не приемлет слабость, робость и нерешительность в человеке – идет ли речь о нем самом или о других людях (*Je déteste les prudents* 57). При этом высказывается мнение, что человеку следует рассчитывать, прежде всего, на самого себя (*Je trouve beaucoup plus beau de se débrouiller tout seul* 238, *Cette longue passion de mon père pour s'élever* 201). Он, не должен показывать окружающим людям состояние своей растерянности (*la tête perdue* 45), хотя причин для слабости и внутренних сомнений существует немало: *Restent les autres, les insaisissables, les monstres sans corps, sans corps et sans couleur, les pensées, contre lesquelles on ne peut rien* 107.

Главное, с точки зрения повествователя, – это стремиться достичь нравственных вершин (*Un goût charmant de l'élévation morale, du lyrisme et de l'essor* 206). Необходимость такой позиции иллюстрируется с помощью образа лучшего друга повествователя: *Le vrai courage, froid, fidèle, sans colère et sans haine* 87. В этой фразе активизирован ряд предикативных элементов, вербализирующих свойства личности, которые, по мнению рассказчика, достойны подражания.

Примечательно в произведении использование понятия «le dégoût», применяемое для оценки как семейных, так и социальных отношений людей: *Papa... il ne songe qu'aux femmes, ou plutôt il ne songe qu'à la femme... il me dégoûte* 195, *Ça parle interminablement de la chambre en noyer ciré, de la moquette clouée, du service de Baccarat... mais ça me dégoûte* 197, *Alors, je me dégoûte, je me dégoûte. Je suis peut-être pire que Joseph. Car, lui, il est d'une seule pièce* 215. В приводимых контекстах называются явления, которые «вызывают отвращение» у повествователя – супружеская измена, вещизм, страсть к накоплению денег. К этому списку добавляются отступление от своих убеждений, утрата веры в себя (*La resonance lugubre («se retirer»): démission, fuite, suicide* 77). Оценочное содержание, актуализируемое в приведенных выше контекстах, получает свое образное обобщение в слове «*fantoches*»: *Cette collection de fantoches* 77, *L'agitation de ces fantoches dont il paraît que notre vain monde est peuplé* 69.

Следует сказать, что рассказчик в выражении своих симпатий встает на сторону индивида (*Mon père était semblables à ces enragés solitaires* 114), он, в частности, скептически относится к тем, кто стремится стать частью какого-то объединения, группы. Такие люди получают именование посредством метафоры *poissons* (*Des poissons qui*

vivent en bandes 113). Повествователю представляется, что человек не должен утрачивать способность оставаться наедине с самим собой: *J'éprouvais un si vif et si violent désir de solitude 204, Jeter une belle marge entre nous et l'étranger 204*. Одновременно он испытывает печаль от того, что даже среди близких людей он начинает чувствовать себя одиноким (*Je me trouve seul au milieu du clan 263*).

В вербализации авторской ментальности в произведениях Дюамеля определенную роль играют сентенции, выступающие средством выражения тех или иных мыслей обобщающего характера. Например: *Un homme de coeur ne parle pas d'héritage devant un cercueil 40, On nous a farci la cervelle d'une foule d'idées, qui sont respectables, sans doute, mais passablement niaises 308*.

В заключение отметим, что в рассмотренных произведениях осуществляется тщательный отбор языковых средств, формирующих определенную систему концептов, способствующих моделированию картины мира повествователя, который нередко выступает в роли моралиста, философа, лирика.

Анализ самосознания повествователя и скрытых в тексте культурных смыслов помогает, в определенной степени, судить об особенностях мировидения народа, к которому принадлежит автор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Аномалия и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
2. Гончарова Е. А. Категория автор-персонаж и их лингвостилистическое выражение в структуре художественного текста: автореф. дис... д-ра филол. наук. – Л., 1989. – 32 с.
3. Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1987. – 300 с.
4. Дюамель, Ж. Гаврский нотариус. Земля обетованная. – М.: Радуга, 1983. – 336 с.
5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 327 с.
6. Миловидов В. А. Семиотика и поэтика // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 223–224.
7. Прието А. Морфология романа // Семиотика. Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 392–423.

8. *Степанов Ю. С.* В мире семиотики // Семиотика. Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 5–45.
9. *Тодоров Ц.* Семиотика литературы // Семиотика. Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 371–376.
10. *Успенский Б. А.* Семиотика искусства. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 358 с.
11. *Хахалова С. А.* Метафорический мир спортивного журналистского дискурса: неигровые виды спорта // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – 2008. – № 1. – С. 62–68.
12. *Barthes R.* Le degré zéro de l'écriture. – Paris: Editions du Seuil, 1972. – P. 7–69.

УДК 81.322; 004.934; 004.912

А. Ю. Мордовин

канд. филол. наук, президент, Общественное учреждение «Ассоциация переводчиков Иркутской области»; e-mail: alexmordovin@mail.ru.

«ВЕБ КАК КОРПУС» ИЛИ «КОРПУС КАК ВЕБ»: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматривается современное состояние взаимоотношений между понятиями веба как корпуса и классического корпуса текстов. В силу значительных сходств и неочевидных для неподготовленного пользователя различий веба и корпуса, корпус не только воспринимается и оценивается через соответственные параметры веба, но испытывает давление на определение самого корпуса. Веб как корпус успешно используется для решения исследовательских задач в качестве телеологически определяемого мониторингового корпуса, и одновременно соответствует большинству требований к корпусу текстов. Веб существенно отличается от корпуса отсутствием лингвистического замысла, спонтанностью и неподконтрольностью роста, а также специфичной репрезентативностью. Однако легкая доступность и высокая объективность данных ввиду отсутствия авторского коллектива в значительной степени компенсируют эти недостатки и функционально приравнивают веб к корпусу, что требует переосмысления онтологического определения последнего.

Ключевые слова: корпуса текстов; корпусная лингвистика; веб как корпус.

A. Yu. Mordovin

Candidate of Philology, President, Non-Profit Organization «Irkutsk Region Association of Translators», MSLU ELI; e-mail: alexmordovin@mail.ru.

«WEB AS CORPUS» OR «CORPUS AS WEB»: THE NEW REALITY OF CORPUS LINGUISTICS

The paper is dedicated to contemporary status of relations between the notions of web as corpus and classic definition of text corpus. Due to apparent similarities and not so apparent differences between web and corpus, naïve users not only perceive and evaluate corpus through respective parameters of the web, but also the notion of corpus itself is being affected by web. Web as corpus is successfully used to accomplish goals of language research, being defined as a purpose-suitable monitor corpus, and at the same time it meets the majority of common requirements to a text corpus. Web differs from corpus considerably by absence of linguistic intent, spontaneous growth out of researcher's ability of control, and specific representativeness of data. However, easy availability of web and higher objective value of web not being a product of human arrangement compensate

these disadvantages to a substantial extent and render web functionally equivalent to text corpus, which calls for ontological re-definition of the latter.

Key words: text corpora; corpus linguistics; web as corpus.

Поводом для написания настоящей статьи стали наблюдения автора, полученные в ходе проведения эксперимента по исследованию прагматического опыта условного неподготовленного наивного пользователя при первом знакомстве и работе с национальным корпусом текстов собственного родного языка. Современный наивный пользователь воспринимает корпус текстов исключительно через призму веба. Это значит, что наивный пользователь не только определяет для себя что есть корпус через уже знакомое понятие веба, но и *переносит с веба на корпус* все связанные с последним сведения о методах работы, ожидания предполагаемых результатов, а также критерии удачи или неудачи поиска в корпусе и работы с ним в целом. Схожесть интерфейса, методов работы, наполнения корпуса и результатов поиска с аналогичными параметрами и элементами веба и поисковой машины воспринимается положительно, оценивается как успех. Расхождение в методике работы, ожидаемых результатах между корпусом и вебом воспринимается отрицательно, как недостаток корпуса текстов. Отсутствующие в корпусе определения искомых слов по принципу Википедии воспринимаются как пробел в организации корпуса текстов, который требует восполнения. В результате реализации хорошо известного принципа познания неизвестного через известное, нужно признать, что сегодня, в отличие от начала 2000-х гг., наивным пользователем корпус воспринимается как разновидность веба.

Еще больший интерес представляет тот факт, что использование веба в качестве корпуса изменяет представление о последнем, что и является темой данной статьи. В соответствии с современными представлениями о требованиях к корпусу текстов, веб обладает многими существенными признаками корпуса, хотя по ряду аспектов и не укладывается в привычное определение. Тем не менее, для неподготовленной аудитории, веб по отношению к корпусу является первичным явлением действительности, а корпус – вторичным, некоторой надстройкой. Таким образом, пока лингвисты еще рассматривают «веб как корпус», множество обывателей уже воспринимает «корпус как веб». Эта игра слов, вынесенная в заголовок статьи, знаменует собой становление новой парадигмы, нового уровня

значимости веба для корпусной лингвистики, и, несомненно, требует новых серьезных исследований.

Корпусная лингвистика и веб: основные вопросы. Понятие «веб как корпус» не представляет собой четкого определения, но скорее является некоторым собирательным термином, определяющим интерес к использованию веба для/в качестве/вместо/в дополнение к корпусу. Varoni и Bernardini выделяют четыре основных направления работы в рамках подхода «веб как корпус» [2]:

– «веб как «мастерская» корпуса»: исследователи выбирают и скачивают из веба тексты, найденные поисковой машиной, для составления корпусов, как вручную, так и автоматически;

– «веб как суррогат корпуса»: исследователи используют веб *вместо* корпуса, без применения специальных корпусных менеджеров, через коммерческую поисковую машину, либо через лингвистически ориентированные метапоисковые машины (например, WebCorp);

– «веб как полноценный корпус»: исследователи подходят к вебу именно как к полноценному корпусу, с целью описания сущности представленного в вебе языка, либо для описания веб-вариантов существующих языков, в основном, английского;

– «мега-корпус = мини-веб»: наиболее радикальное понимание роли веба в качестве корпуса, попытка создать новый объект (мини-веб/мега-корпус), адаптированный для языкового поиска, и сочетающий признаки корпуса (наличие аннотации, сложные формы запроса, стабильность) и веба (размер, актуальность, веб-интерфейс).

Независимо от принятой различными исследователями концепции, любые разработки в направлении «веб как корпус» так или иначе оказываются не вполне совместимыми с традиционными принципами составления и анализа корпусов. Однако для таких исследований не характерно оспаривать основополагающие принципы самой корпусной лингвистики, а исследования веба как корпуса не представляют собой ни раскол в корпусной лингвистике, ни ответвление от нее. Напротив, исследования веба как корпуса предполагают получение новых ценных знаний в результате сознательного противопоставления принятых стандартов в области составления корпусов и фактически реализуемых возможностей веба, а также противопоставления теории корпусов текстов с фактически существующими инструментами анализа текстового содержания веба.

Как отмечают В. П. Захаров и С. Ю. Богданова [1, с. 71], особенно активно идея о том, что веб может не только служить источником материалов для корпуса, но и сам, непосредственно, может считаться корпусом, начала обсуждаться после публикации доклада А. Килгариффа «Веб как корпус» в журнале Университета Ланкастера в 2001 г. [4]. В своем инновационном для того времени докладе, Килгарифф описал более значимую связь между вебом и корпусной лингвистикой, чем тогда было принято полагать. Он озвучил надежду на то, что однажды самое крупное собрание аутентичных текстов в машиночитаемой форме сможет использоваться лингвистами в качестве самостоятельного корпуса. Многим знакома завершающая фраза его доклада, получившая с годами самостоятельную жизнь: «Веб – корпус нового тысячелетия» [там же. с. 345]. С тех пор прошло тринадцать лет, веб прочно вошел в обыденную жизнь миллиардов людей. Подтвердились ли прогнозы признанного мэтра корпусной лингвистики?

Сегодня А. Килгарифф свидетельствует о том, что его изначально выдвинутые тезисы о глубоком потенциале веба для корпусной лингвистики оказались справедливыми: «[ранее] во вводных курсах в корпусную лингвистику было принято оставлять описание веба как корпуса на последние главы, как «поле для будущих исследований». И вот, это будущее уже наступило. В 2013 г. более половины населения мира выросло в мире, где веб (вместе с часто неотделимой от него мобильной связью) определяет способ нашей коммуникации, ведения бизнеса и весь образ жизни. ... Если мы [по-прежнему] признаем центральную роль за корпусом из газет и книг, а корпус из блоков и чатов считаем периферийной новинкой, то мы с вами – люди прошлого... Сегодня язык существует онлайн, он доступен через онлайн инструменты, а способы его исследования, обработки и анализа также стали онлайн-овыми. ... Google занимает центральное место в нашей жизни, и не так уж сильно отличается от корпусного инструментария. Наверное, первый вопрос непрофессионала, на который сегодня приходится отвечать корпусному лингвисту, когда последний рассказывает о своей работе, это – «А почему бы вам не воспользоваться для всего этого Google?» [3, р. 24].

Фундаментальная трудность признания веба в качестве корпуса хорошо известна. Любой подход к вебу как к корпусу предполагает наличие некоторого определения корпуса, а соответственно, и понимания того, какие массивы текстов могут считаться корпусами.

Известно, что в широком смысле любое собрание из более чем одного текста можно считать корпусом, однако за термином закрепилось некоторое более конкретное значение. В качестве значимых признаков, отличающих корпус текстов от прочих собраний текстового материала, называют форму организации и цель составления. В этом отношении, веб не проходит тест в качестве претендента на роль корпуса, так как, обладая необходимой аутентичностью текстов и их машиночитаемой формой, он полностью лишен лингвистического замысла, и, тем более, теоретически обоснованной структуры. Не менее хорошо, чем процитированные выше слова А. Килгариффа, известно и обратное мнение другого отца-основателя корпусной лингвистики – Дж. Синклера: «Веб – это не корпус, поскольку его размеры неизвестны и постоянно меняются, и потому, что он не был составлен с лингвистической целью» [8].

Отказываясь от непродуктивной войны определений, М. Gatto обращает внимание на фундаментальную разницу между попытками ответить на онтологический вопрос о том, чем является корпус, что имплицитно сводится к деонтологическому вопросу о том, чем *должен быть* корпус, и более эмпиричным, а потому оправданным, вопросом о потенциале веба, при использовании в режиме корпуса, т. е. «Хорошо ли подходит корпус x для решения задачи y ?» Иными словами, указанный автор предлагает не путать два вопроса: «Что есть корпус?» и «Что есть *хороший* корпус?», поскольку это примешивает в достаточно простой вопрос «Хорошо ли подходит корпус x для решения задачи y ?» гораздо менее очевидный и «семантический» вопрос «Является ли x вообще корпусом?» [3].

Такой подход в наших собственных исследованиях многократно освещался в категории так называемых телеологических («целесолагающих») определений корпуса текстов, которые строятся по формуле: «корпус – это массив аутентичных машиночитаемых текстов x , пригодных для решения задачи y ». С онтологической точки зрения такое определение является чрезмерно широким, поэтому при таком подходе к корпусу текстов в целом, и к вебу как корпусу, в частности, целесообразнее говорить о «корпусности» того или иного массива текстов. Соответственно, если некоторый массив текстов позволяет решать некоторые лингвистические задачи – он обладает «корпусностью», если не позволяет – не обладает. Некоторая опасность для попытки все же дать онтологическое определение корпуса текстов

заключается в том, что при такой форме признания за вебом статуса корпуса текстов, со временем, вместо дискуссий на тему преимуществ и недостатков использования веба *в качестве* корпуса текстов, сами свойства веба начинают оказывать влияние на интерпретацию определения корпуса, следовательно, и на фундаментальные положения корпусной лингвистики, особенно в отношении спонтанности и самостоятельного роста корпуса текстов.

Веб как корпус: аутентичность, репрезентативность, размер.

Подход «Веб как корпус» оказывает сильное модифицирующее влияние на классический подход к составлению корпусов текстов еще и потому, что веб обладает рядом характеристик, которые высоко ценятся в классическом определении корпуса. Кратко остановимся на некоторых из них.

Одним из основных требований к корпусному материалу является его аутентичность и естественность контекстов коммуникации. Это выступает одной из наиболее сильных сторон веба в качестве корпуса. В действительности, веб представляет собой массив аутентичных тестов, являющихся результатом естественных коммуникативных событий, имевших место в привычном жанровом окружении естественных дискурсивных сообществ. Кроме того, можно говорить о том, что именно сам по себе веб, в качестве огромного, легкодоступного и бесплатного массива аутентичных данных в машиночитаемой форме, выступает в качестве лучшей рекламы корпусного подхода к исследованию языка и способствует его распространению и развитию. Тем не менее, аутентичность текстового материала в вебе выступает одновременно и его своеобразной «ахиллесовой пятой». В силу того, что в вебе как корпусе не реализовано планирование, контроль и редактирование массива текстов, тексты веба могут быть предельно аутентичными по коммуникативному замыслу и контексту ситуации, но не обладать должной ценностью с точки зрения системы языка и норм речи, например, за счет орфографических и грамматических ошибок, ошибок словоупотребления из-за малограмотности, использования не носителями языка и т. д.

Вторым требованием к корпусу текстов является его репрезентативность. Репрезентативность веба как корпуса вызывает массу весьма обоснованной критики. Дж. Лич утверждает, что «[веб] представляет собой текстовую вселенную непостижимого размера и разнообразия, однако он ни при каких обстоятельствах не может считаться

репрезентативным примером употребления языка в целом» [5, р. 145]. В то время, как в вебе представлен широкий диапазон таких жанров, от устоявшихся в письменной коммуникации за пределами веба до новых жанров, присущих исключительно вебу, как блог или чат, веб в значительной степени лишен частного дискурса в виде повседневных разговоров, телефонных разговоров и подобных жанров. Социальные сети приводят к завышенной представленности в вебе жанров компьютерно-опосредованной коммуникации, где стираются грани между письменной и устной, частной и публичной речью. Помимо этого, веб как корпус страдает рядом чисто технических недостатков, снижающих его репрезентативность, например, так называемое «накручивание» ключевых слов на веб-страницах незаметным для пользователя способом. Данные свойства веба как корпуса оцениваются как негативные с точки зрения классического определения репрезентативности для корпуса текстов, но фактическое существование и успешное применение веба в качестве корпуса способно повлиять на ключевые исходные положения корпусной лингвистики.

Так, если отвлечься от понятия репрезентативности, актуального для собранных вручную корпусов, веб как корпус обладает собственной репрезентативностью, возможно не менее ценной, чем первая. Веб как корпус объективно существует независимо от замысла лингвиста и представляет собой продукт фактических коммуникативных событий во всей широте их социально-географического среза. Таким образом, в вебе репрезентативно представлена такая широта продуктов межкультурных и социально разноуровневых событий языкового взаимодействия, которая, по объективным причинам, не может быть спланирована заранее. Хотя такой аспект репрезентативности и можно назвать периферийным, его значимость невозможно полностью оставить без внимания. В результате, имеет право на существование точка зрения, что такие свойства веба, как оперативность обновления текстов в вебе, широта его географического и социального охвата и, конечно, огромный размер, в некоторой степени (возможно в значительной) нивелируют его жанровую несбалансированность, следовательно, сниженную репрезентативность. Наконец, репрезентативность веба как корпуса постоянно растет автоматически, хотя по математическим причинам веб растет непрерывно, а по мере роста его размера нарастает номенклатура жанров и выравниваются количественные жанровые перекосы. Иными словами, проигрывая

составленному с лингвистическим замыслом корпусу текстов в жанровой сбалансированности, веб как корпус значительно выигрывает перед ним же по объективности данных из-за полного отсутствия человеческого фактора в определении состава текстов.

Третьим значимым параметром для восприятия веба как корпуса является его размер, который тесно связан с понятием репрезентативности, и, по сути, является его количественным аспектом. В этом отношении развитие информационных технологий и рост веба сыграли злую шутку с идеологией корпусной лингвистики. Собственно, мотивацией появления корпусов текстов на заре корпусной лингвистики стало стремление приблизить методы исследования языка к естественно-научным, количественным. Но в то время, как еще в 1991 г. Дж. Синклер мог спокойно призывать к тому что «корпус должен быть чем больше, тем лучше, и его размер должен продолжать расти» [7, р. 18], всего немногим более 30 лет понадобилось на то, чтобы пройти путь от Брауновского корпуса в миллион слов до 100 триллионов (10^{14}) слов в вебе на сегодняшний день, при постоянном темпе роста объема данных порядка 100 терабайт в месяц. Еще в 2001 г., McEnery и Wilson определили конечность размера как одну из неотъемлемых характеристик корпуса [6, р. 30], однако с самых ранних шагов корпусной лингвистики признавалось право на существование так называемых мониторинговых корпусов текстов, которые «не имеют конечных границ, потому что продолжают развиваться, как и сам язык» [7, р. 25]. Таким образом, имеются все основания считать веб именно мониторинговым корпусом, для которых вполне допускается некоторая внеплановость и меньшая сбалансированность, поскольку объем данных компенсирует собой строгость отбора текстов в корпус.

Здесь и возникает парадокс: тогда как на заре корпусной лингвистики исследователи стремились к наращиванию размера корпуса текстов как к средству обеспечения объективности результатов исследования, появление веба как корпуса привело к серьезным сложностям именно по причине его огромного размера, но главное – бесконечного и спонтанного роста. Веб как корпус, благодаря мощным современным поисковым машинам, вплотную приблизил человечество к исчисляемости и конечности языка: уже давно подсчитано количество и составлены списки всех n -грамм языка (устойчивых комбинаций из n слов). На основе 5-грамм (пентаграмм) давно построены вероятностно-статистические системы машинного перевода, в первую

очередь – Google Translate. Благодаря вебу, язык (по крайней мере, английский) уже несколько лет как прошел полную инвентаризацию. Постижимо ли было бы теперь отказать вебу в статусе корпуса?

Каким бы не был фактический размер веба, вполне понятно, что по количеству слов веб превосходит любые существующие корпуса, и что желательный размер корпуса, вероятно, не только уже достигнут, но и превосходит любые потребности лингвиста. Это значит, что веб как корпус радикально изменяет значение понятия размера как базового требования к корпусу текстов.

На современном этапе развития корпусной лингвистики отчетливо прослеживается переход проблематики «веб как корпус» с периферии на центральное место в исследовании языка количественными методами в рамках корпусного подхода. В пределах телеологического определения, веб как корпус успешно применяется для решения исследовательских задач корпусными методами, и воспроизводит многие существенные признаки корпуса текстов: аутентичность текстов, их машиночитаемый формат и средства навигации по материалу, репрезентативность материала (в соответствии с идеологией мониторного типа корпуса), а также более чем достаточный размер. Сочетание этих условий с доступностью веба как корпуса, по мере роста доли компьютерно-опосредованной коммуникации в современном мире, ставит вопрос о необходимости коррекции современных представлений о классическом корпусе текстов. Это связано с тем, что, являясь корпусом, с теми или иными оговорками, веб находится в конфликте традиционными представлениями о необходимости наличия лингвистического замысла, подконтрольности роста и структурированности текстового материала. На практике это можно наблюдать в виде первичного восприятия корпуса текстов наивным пользователем в качестве варианта веба, и необходимости определять корпус по аналогии с вебom. Представления о структуре, принципах наполнения и работы с вебom устойчиво проецируются на взаимодействие такого пользователя с корпусом, оказывают глубокий прагматический эффект на оценку и результаты такого взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Захаров, В. П., Богданова, С. Ю.* Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.

2. *Baroni M., Bernardini S.* Wacky! Working Papers on the Web as Corpus. – 2006. – URL: <http://wackybook.sslmit.unibo.it> (дата обращения: 18.05.2014).
3. *Gatto M.* The Web as Corpus: theory and practice. – Bloomsbury Academic: London, New York, 2014. – 256 p.
4. *Kilgariff A.* Web as Corpus. – 2001. – URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2003/CL2001%20conference/papers/kilgarri.pdf> (дата обращения: 18.05.2014).
5. *Leech G.* New resources or just better old ones? The Holy Grail of representativeness. – URL: http://www.lancaster.ac.uk/fass/doc.library/linguistics/leechg/leech_2006_heidelberg.pdf. – 2007 (дата обращения: 18.05.2014).
6. *McEnery T., Wilson A.* Corpus Linguistics. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. – 256 p.
7. *Sinclair J.* Corpus, Concordance, Collocation. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 197 p.
8. *Sinclair J.* Corpus and Text. Basic Principles // Developing Linguistic Corpora: a Guide to Good Practice. – Oxford: Oxbow Books, 2005. – P. 1–16.

УДК 82.02

Н. А. Плясенко

аспирант каф. китаеведения, Школа региональных и международных исследований ДВФУ; e-mail: uminely@gmail.com.

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СОВРЕМЕННУЮ КИТАЙСКУЮ ЭССЕИСТИКУ

В статье рассматриваются особенности жанра современной китайской эссеистики (саньвэнь), который окончательно сформировался в XX в. на почве сближения западного «essay» и китайской «интеллектуальной» прозы вэнь. Утверждается, что в истории формирования жанра саньвэнь можно выделить два важнейших периода («две революции»). Движение за новую культуру 1910–1920 гг. и период конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. (что связано с появлением «культурных эссе» Юй Цююя).

Ключевые слова: западная эссеистика; саньвэнь; «культурные эссе»; Юй Цююй; Чжоу Цзожэнь.

Plyasenko N. A.

Post-Graduate Student, Department of Sinology, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University; e-mail: uminely@gmail.com.

THE INFLUENCE OF WESTERN LITERATURE ON CONTEMPORARY CHINESE ESSAY WRITING

The article deals with the distinguishing features of contemporary Chinese essay writing (sanwen) that have been eventually formed in the XX century as a result of narrowing of the gap between Western «essay» and Chinese «intellectual» prose wen. It is stated that there were two important periods («two revolutions») in the history of sanwen genre: the New Culture Movement of the 1910's–1920's and the late 1980's – early 1990's (the emergence of Yu Qiuyu's «cultural essays»).

Key words: Western essay; sanwen; «cultural essays»; Yu Qiuyu; Zhou Zuoren.

Жанр эссе (саньвэнь) всегда занимал особое место в истории китайской литературы. В старом Китае он представлял собой вид высокой, «интеллектуальной» прозы вэнь и принадлежал к изящной словесности (в отличие от более поздней по времени традиции сяошо). Однако современная китайская эссеистика – один из жанровых инвариантов саньвэнь – сформировалась только в XX в. на почве сближения литературной формы эссе на Западе и в Китае.

По мнению китайской исследовательницы Цай Цзянчжэнь, наибольшее влияние на творчество и мировоззрение китайских писателей оказала английская эссеистика («essay»), основными представителями которой можно назвать Уильяма Хэзлитта и Чарлза Лэма. Жанр «essay» окончательно сформировался в начале XVII в. в философских работах Фрэнсиса Бэкона, который стал продолжателем основоположника западной эссеистики Мишеля Монтеня. В процессе длительной исторической эволюции этого жанра возникло деление на «formal essay» и «informal/familiar essay»; при этом именно вторая категория – «неофициальные» эссе в духе «откровенного разговора по душам», противопоставлявшиеся «официальным», научным – получила в XIX в. наибольшее распространение в Англии, а затем уже в XX в. и в Китае, вызвав огромный интерес со стороны таких известных китайских литераторов и писателей, как Линь Юйтан, Ху Мэнхуа, Фан Чжун, Лян Юйчунь, Ли Субо и др. [4, стр. 103].

Знакомство китайских читателей с классическим наследием западной эссеистики впервые произошло во время Движения за новую культуру 1910–1920 гг. (Движения 4 мая). Большинство исследователей (Чжао Сююань, Ли Ган, Цай Цзянчжэнь и др.) сходятся во мнении, что это общественное движение стало важнейшим переломным моментом в истории развития современной китайской эссеистики; именно тогда, по мнению Чжао Сююань, впервые пересеклись пути развития китайской и западной эссеистики, что ознаменовало собой «первую революцию в области жанра саньвэнь в Китае» [5, стр. 125].

Импульсом к формированию современной китайской эссеистики стал раскол в среде китайских интеллектуалов, возникший как реакция на политизацию и усиление радикальных настроений внутри писательского сообщества (которое к тому времени разделилось на левых радикалов, сторонников продуманных реформ, представителей научного сообщества, а также тех, кто вообще не принимал идеи осовременивания Китая с помощью западных и прозападных концепций). «Этот раскол в интеллектуальной среде оставил неизгладимый след в истории современной китайской литературы в виде множества проверенных временем эссе» [3, стр. 107]. Конечно, интерес к эссеистике не мог возникнуть исключительно как результат размежевания в интеллектуальных кругах. Но, несомненно, раскол способствовал тому, что жанр эссе оказался самым востребованным в литературе того времени.

Движение за новую культуру принесло с собой радикальные перемены, проявившиеся во всех сферах общественной жизни. В литературе они начались с перехода от классического древнекитайского языка *вэньянь* к *байхуа*, близком разговорному, что ознаменовало собой первый масштабный импульс модернизации китайского общества и культуры. Многие китайские писатели всерьез увлеклись исследованиями западной литературы и философии.

В 1925 г. Лу Синь перевел и опубликовал работу «Покинув башню из слоновой кости» японского профессора Куриягавы Хакусона, одного из тех литераторов, которые являлись проводниками культуры западного мира. По мнению многих китайских исследователей (Чжао Сююань, Цай Цзянчжэнь и др.), именно это событие ознаменовало собой знакомство широкого круга китайских читателей с жанром «*essay*». Анализируя особенности этого жанра, зародившегося в XVI в. во Франции и к концу XIX в. уже пользующегося огромной популярностью во всей Европе, Куриягава Хакусон подчеркивал: «В жанре эссе важнейшим условием является изображение автором глубинных проявлений особенностей личности отдельно взятого индивидуума» (цит. по: [5, 頁. 125]). По утверждению Чжао Сююань, именно на этой почве удалось сблизиться западной эссеистике и китайскому жанру *саньвэнь*: дух личностного освобождения, которым была пропитана западная эссеистика, и призывы деятелей Движения 4 мая к раскрепощению сознания сразу же нашли общие точки соприкосновения.

Этот и другие переводы Лу Синя в 1920-е гг. в Китае вызвали большой интерес со стороны всего китайского общества. На литературной сцене появлялось все больше статей об особенностях творчества Монтеня и английской эссеистики: китайских критиков «очень привлекал такого рода литературный стиль, в котором сочетались открытое выражение собственного мнения, свобода и не скованность [никакими рамками], яркое проявление своей индивидуальности» [4, 頁. 103]. Тем не менее до появления теории Чжоу Цзожэня о двойственной природе китайского жанра *саньвэнь*, в среде китайских литераторов не существовало единого/общепринятого названия для такого литературного явления, как западная эссеистика.

Младший брат Лу Синя Чжоу Цзожэнь (1885–1967), известный публицист и переводчик, выдвинул предположение о связи между английским «*essay*» и китайской эссеистикой еще в 1921 г.: «Я считаю, что источник новой китайской эссеистики – это синтез китайской

литературной школы «гунъаньпай» и английской миниатюры» (цит. по: [4, 頁. 102]) («гунъаньская школа», на которую ссылается Чжоу Цзожэнь, возникла в конце XVI в., ее основоположники – братья Юань Цзундао, Юань Хундао и Юань Чжундао – утверждали, что литература должна изменяться вместе со временем и отражать личность автора [1, с. 70]).

Развивая идею Чжоу Цзожэня о двух источниках современной китайской эссеистики, Цай Цзянчжэнь пишет: «произведения трех братьев – основоположников гунъаньской школы были написаны всего на десять с лишним лет позже, чем эссе Монтеня. Являлось ли это чистой случайностью, превратностью истории или это было одновременное осознание (пусть и немного по-разному) некоторыми представителями человечества важности проблем свободы и индивидуальности с [одновременным] обращением к одному и тому же литературному стилю? Тогда нельзя ли сказать, что двойственная природа этого литературного стиля, реализовавшегося в виде «essay» в Европе и «миниатюры» [гунъаньпай] в Китае, которые отличались средствами выражения, но имели общую природу, совместно выступая в роли источника саньвэнь, была вызвана тем общим восприятием эпохи, [которое было характерно для Европы и Китая того времени]?» [4, 頁. 104].

Под влиянием теории Чжоу Цзожэня о синтезе двух источников жанра саньвэнь, китайские критики все чаще стали использовать для «familiar essay» название «миниатюра» (сяо пиньвэнь), что свидетельствовало о существовании прочной связи между традицией и современностью, а также способствовало сохранению идеи об особом характере жанра саньвэнь, уходящем корнями в глубокое прошлое.

Занимаясь переводами западной литературы и изучая особенности английских «миниатюр», Юй Дафу, Линь Юйтан, Лян Шицю и другие китайские писатели в то же время работали над формированием доктрины современной китайской эссеистики. Юй Дафу считал, что «такой наиболее успешный и популярный жанр китайской литературы, как бицзи, по природе своей имеет много схожего с английским “essay”, ему недостает лишь только чувства юмора, весьма характерного для английской эссеистики». Линь Юйтан писал: «Хотя новая европейская литература прежде включала в себя множество школ, но после того, как романтизм пришел к полному отрицанию классической литературы, в творчестве писателей различных жанров появилось нечто общее, что в высшей степени отличало его от всего того, что

было написано прежде, а именно: литература стала выражать чувства автора, стала выразителем его индивидуальности. [...] Теперь каждый выражает собственную позицию, говорит о том, что у него на душе» (цит. по: [4, стр. 105]). Юмористическая «литература души» Линь Юйтана вместе со «способностью миниатюры, находясь на острие литературы, высказывать заветные желания и устремления личности» Чжоу Цзюжэня составила ядро современной теории саньвэнь. Утверждение Лян Шицю о том, что «литература подчиняется «собственному внутреннему приказу», высказывание Чжу Цзыцина «смысл [литературы] – в выражении себя», а также особая манера письма Ху Мэнхуа, передающая все «оттенки личности»/«голос личности» писателя, также внесли важный вклад в построение современной доктрины саньвэнь, обогатив и усовершенствовав ее.

Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. ознаменовал собой второй этап радикальных преобразований в области жанра саньвэнь, вызванных появлением «культурных эссе» Юй Цююя. По мнению многих китайских исследователей (Ван Яо, Хэ Гуймэй, Ван Кайчжи), почва для этой «второй революции» была подготовлена событиями середины 1980-х гг., когда по всей стране под воздействием пришедших с Запада общественных идеологий и литературных течений развернулись крупномасштабные культурологические дебаты («культурный бум»). Ван Кайчжи утверждает, что усилия интеллектуалов того времени по идеологическому и художественному раскрепощению китайской литературы «по своей глубине и сложности ничуть не уступают Движению 4 мая» [2, стр. 59].

Помимо возвращения к идеям, выдвинутым во времена Движения 4 мая (гуманизм, модернизм, философия жизни, психоанализ), в 1980-е гг. в Китай пришли такие концепции, как структурализм, западный марксизм, новый гуманизм, герменевтика, семиотика, постмодернизм и др. Постепенно китайская литература становилась частью мировой культуры. Эта культурная глобализация «дала новый исторический шанс современной китайской литературе», в то же время она ознаменовала собой острое столкновение китайской и западной культур [6, стр. 184].

Первым литературным жанром, который взял на себя задачу помочь китайской нации сделать выбор в пользу ценностей западной или китайской культуры в контексте глобализации, стала литература «поиска корней», которая осознавалась как новое течение именно и прежде всего через эссеистические высказывания китайских писателей

о направлениях и методах поиска (статьи Хань Шаогуна «Корни литературы», Ли Ханьюя «Упорядочим наши корни», А Чэна «Без культуры нет человечества» и др.). Результаты этих культурологических дебатов ознаменовали собой важный этап поиска китайской интеллигенцией своей новой идентичности, стали своего рода подготовкой к появлению эссеистики Юй Цююя.

Приглашение культуролога и театрального критика Юй Цююя в один из самых влиятельных литературных журналов «Шоухо» с последующей публикацией четырех его эссе в рубрике «Тяжелое путешествие по культуре» (вэньхуа кулюй) стало знаковым событием «культурного бума», способствовало выделению нового литературного направления – «Большая культурная эссеистика» (вэньхуа да саньвэнь). «Культурные эссе» Юй Цююя сразу же привлекли к себе огромное внимание: «После классического наследия саньвэнь 4 мая, мы еще не сталкивались с подобным прецедентом: настолько длинные по объему статьи, такой богатый культурный и исторический фон, настолько огромная идейная мощь, рационально-научный стиль изложения, и в то же время такие мудрые и интересные рассуждения» [цит. по: 5, 页. 126].

По утверждению Чжао Сююань, небывалой популярности этого нового направления в эссеистике способствовало своего рода «духовное крещение» писателя: еще в конце 1970-х гг., осознав необходимость поиска более широкой системы ориентиров для современной китайской литературы, он занялся глубоким и систематичным изучением трудов западных философов, от Платона и Аристотеля до Канта и Гегеля. Знакомство с этими работами «сформировало широкий культурный кругозор Юй Цююя, его глубокое понимание истории, а также свойственное ему отношение к культуре как производной от истории человечества» [5, 页. 127]. Благодаря знакомству с классическим наследием западной литературы и философии Юй Цююя пришел к важнейшим идеям, оказавшим влияние на дальнейшее развитие жанра саньвэнь, а именно: «свобода и открытость» жанра и «дух рациональности».

Под «открытостью» жанра китайские исследователи подразумевали его особую «гибкость», высокую «адаптационную способность». В эссеистике Юй Цююя эта открытость заключалась в органичном применении в литературном творчестве художественных приемов, характерных для кино, театра и телевидения. Во многих его эссе («Даосская башня», «Пещеры Могао», «Пещера Белого лотоса» и др.)

используются приемы монтажа, переключения кадров, приближения и удаления кадра, наделяя эти произведения настоящей «зрелищностью», характерной для кино и театра, что позволяло китайским критикам называть «Тяжелое путешествие по культуре» «эссеизированной драмой» или «театрализованным эссе».

«Дух рациональности» всегда был неотъемлемой частью классического наследия западной эссеистики, которая зачастую была посвящена объяснению философских истин, в отличие от китайских произведений в жанре саньвэнь, стремящихся к выражению высоких идей и нравственному перевоспитанию личности. По мнению Чжао Сююань, Юй Цююй первым «осмелился в жанре саньвэнь, преуспевшем в выражении чувств, использовать рациональный подход». В своих эссе он стремится уйти от прямого выражения эмоций и отыскать историческую логику вещей и явлений: «Мои наблюдения, мои исследования исторических персонажей и событий по большей части не являются однозначными суждениями о том, что является правдой, а что вымыслом, они [...] обусловлены моим желанием того, чтобы через культурные переживания, [особый] способ мышления придать своим исследованиям более рациональный характер» (цит. по: [5, 页. 128]).

Это стремление Юй Цююя к рациональности повлекло за собой обращение писателя к новой форме саньвэнь, названной китайскими критиками «Большая культурная эссеистика», которая характеризовалась «особым способом мышления, уделяющим повышенное внимание целостности и масштабности [социально-исторических явлений]», приводящим к «всепоглощающему» характеру его эссе, в которых смешиваются крупнейшие культурные явления» [5, 页. 128]. Эссеистика Юй Цююя «направлена от исторического прошлого к будущему», через изучение достоинств и недостатков отдельных категорий «индивидуумов, составляющих массу» он приходит к построению новых культурных моделей поведения, его глубокие познания в области западной философии и театральной культуры позволяют ему анализировать любые явления в контексте межкультурной коммуникации – все это и определяет характер его «Больших культурных эссе».

Чжао Сююань характеризует творчество Юй Цююя как «непрерывное столкновение, сближение и сплавление накопленного в течение долгого времени национального культурного духа с культурой Запада». По ее мнению, историческое сознание китайских интеллектуалов, их вечное ощущение прихода трудных времен и мышление

западных философов с их стремлением к исследованию проблем общечеловеческого масштаба, вниманием к общей судьбе всего человечества, являются очень взаимосвязанными явлениями. «Внимание Юй Цююя к западным философским концепциям и истории театрального искусства, в конце концов, привело его к осуществлению огромного проекта по созданию «культурного портрета» китайской нации в рамках литературного жанра саньвэнь». Его творчество ознаменовало собой «очередное глубокое взаимопроникновение китайского саньвэнь и западной эссеистики» [5, стр. 127–128]. При этом по сравнению с тем, что имело место в начале века, это взаимопроникновение было более всесторонним; в эссеистике Юй Цююя гармонично сосуществуют выражение желаний и стремлений индивидуума и выражение высоких идей, осознание себя/своей индивидуальности и восхваление духа национальной культуры.

Благодаря этому всеобъемлющему характеру эссе Юй Цююя и их глубокому философско-историческому содержанию, вышедшая в конце 1980-х гг. на авансцену литературной жизни и достигшая наивысшего расцвета в первой половине 1990-х гг. «Большая культурная эссеистика» бросила вызов теряющей популярность беллетристике и стала новым направлением поиска национальной идентичности. Отвечая на вызовы глобализации в условиях сближения китайской и западной культур, творчество таких известных китайских писателей, как Юй Цююй, Ван Аньи, Ван Сяобо, Цзя Пинва и другие, стало связующим звеном между эпохами, позволило не только вернуться к лучшим традициям эссеистики периода Движения 4 мая, но и расширить эстетическое пространство произведений, написанных в жанре саньвэнь, создать новую форму этого жанра, завершить «вторую революцию» в области современной китайской эссеистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Серебряков, Е. А.* Классическая поэзия / гл. ред. М. Л. Титаренко // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т.* – М.: Вост. лит., 2006. – С. 43–75.
2. 王开志. 新时期散文热寻根 // *乐山师范学院学报*, 2001, 第5期, 第58–60页.
3. 李刚. 90年代散文创作与知识分子自我身份认同 // *南京师范大学文学院学报*, 2011, 第2期, 第107–113页.

4. 蔡江珍. 论英国ESSAY与中国散文现代性理论的关系 // 福建论坛 : 人文社会科学版, 2007, 第03期, 第102-107页.
5. 赵秀媛. 中国与西方散文精神的深刻遇合 —— 论余秋雨散文的文体意义 // 东岳论丛, 2001, 第04期, 第125-128页.
6. 陈灵强, 夏海微. 全球化语境下的身份认同及其危机 // 江淮论坛, 2006, 第01期, 第184-189页.

УДК 811.11-112

А. А. Сазонова

аспирант каф. немецкой филологии МГЛУ ЕАЛИ;

e-mail: sazonova2010@mail.ru.

САКРАЛЬНЫЙ СМЫСЛ РУКОПОЛОЖЕНИЯ (HANDAUFLEGUNG) (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОЗАВЕТНЫХ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ В ПЕРЕВОДЕ М. ЛЮТЕРА)

Статья посвящена изучению рукоположения как одного из важнейших религиозных священных таинств, описанных в Библии, и как одного из презентантов концепта «Арт». На примерах немецких новозаветных библейских текстов представлены результаты анализа сакрального смысла рукоположения (Handauflegung).

Ключевые слова: концепт «Арт»; сакральное; сакральный смысл рукоположения (Handauflegung); Новый Завет.

Sazonova A. A.

Post-Graduate Student, MSLU ELI; e-mail: sazonova2010@mail.ru.

SACRED MEANING OF THE ORDINATION (BASED ON THE GERMAN BIBLICAL TEXTS OF THE NEW TESTAMENT TRANSLATED BY M. LUTHER)

This article is devoted to a study of the ordination as one of the most significant religious sacred rituals described in the Bible and one of the representatives of the concept «Art». The results of the analysis of the ordination sacred meaning on the basis of the German biblical texts of the New Testament have been given.

Key words: concept «Art»; sacred; sacred meaning of the ordination (Handauflegung); the New Testament.

Сакральное (от лат. *sacrum* – священное) принадлежит к тем фундаментальным мировоззренческим категориям, без которых было бы немисливо существование ни одного архаичного и/или современного общества. Уже на самых ранних этапах зарождения цивилизации человек начал задаваться вопросами об устройстве мироздания и проявлять интерес к объектам окружающей действительности. Многолетние наблюдения и коллективный жизненный опыт позволили в значительной степени расширить границы познания мира и привели к осознанию того, что сакральное – это именно то, на чем «зидается религиозное поведение, то, что придает ему специфический характер, внушает

верующему особенное чувство почтительности, предохраняет его веру от критического рассмотрения, делает ее чем-то не подлежащим обсуждению, ставит ее вне и по ту сторону рассудка» [3, с. 152].

Что касается примитивных (архаичных) обществ, то для них носителем сакрального могли быть предметы культа (талисманы, части тела и вещи усопших), представители фауны и флоры (черная кошка, крот, тимьян, мандрагора), пространство/место (леса, пещеры, места захоронений людей), моменты времени (восход Солнца, около 9 часов утра, три часа пополудни). При этом стоит отметить, что ни один из вышеперечисленных объектов по природе своего происхождения никакого отношения к сакральному не имел; люди верили, что только мистическая сила способна наделять и/или лишать человека, предмет или явление каких-либо сверхспособностей. Сакральное соотносилось с чем-то запретным, вселяющим ужас, но в то же самое время, оно служило «гарантией» положительного исхода дела. Примечательно в данном случае то, что для представителей архаичных обществ источник магической силы, которой наделялись те или иные предметы, люди или явления оставался непознанным, большую значимость для них представлял сам факт того, что тот или иной предмет/человек/явление действительно обладает сверхъестественной силой.

В христианской теологической традиции сакральное (*священное*) мыслится как «исходящее от Бога, посланное или данное Им» [2]. В отличие от язычества здесь не возникает сомнений в том, что та сила, которая ниспосылается человеку свыше, и есть Божья благодать. Бог – единственный источник святости. Он одаривает благодатью избранных Им людей и поставляет их особым Божественным правом на свершение благодеяний от Его лица.

Как гласит Священное Писание, у Иисуса Христа было много учеников и последователей. Однако лишь некоторые из них были удостоены великой чести служить Ему в Царствии и на земле. Вот что говорится об этом в Евангелии от Иоанна:

Nicht ihr habt mich nicht erwählt, sondern ich habe euch erwählt und bestimmt, daß ihr hingehet und Frucht bringt und eure Frucht bleibt, wenn ihr den Vater bittet in meinem Namen, er's euch gebe (Joh. 15, 16) [10, S. 132].

– «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам» [1, с. 121].

Своих избранных учеников – апостолов Иисус наделил особым правом и властью совершения Святой Евхаристии (Святое Прича́стие). После претворения на Тайной Вечери хлеба и вина в истинные Тело и Кровь Свои, Иисус, обратившись к своим ученикам, сказал:

Und er nahm das Brot, dankte und brach's und gab's ihnen und sprach: Das ist mein Leib, der für euch gegeben wird; das tut zu meinem Gedächtnis (Лк. 22,19) [10, S. 104].

– И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание (Лк. 22:19) [1, с. 94].

Так они были поставлены на апостольское служение Иисусом Христом. Слова «Сие творите в мое воспоминание» были адресованы не только самим апостолам, но и их последователям *и заключали в себе заповедь о том, что все деяния и таинства должны свершаться во Имя и в память Христа*. По словам В. И. Алексева, это становится возможным, поскольку «сотворенный по образу Божьему, человек получает свободную творческую силу как знак и подтверждение собственного богоподобия» [9, S. 23].

Одним из таинств, во время которого происходит поставление в священнослужители и наделение их Божественной благодатью, является таинство Священства, или ординация, в немецком языке – Handauflegung. Именно этот феномен и его отражение в языке в качестве репрезентанта концепта «Agn» стал предметом нашего исследования. В статье анализируются сакральные смыслы рукоположения (Handauflegung). Материалом для настоящего исследования послужили тексты Священного Писания на немецком (перевод М. Лютера) и русском (Русский Синодальный перевод) языках.

Исследование выполнено в рамках теоллингвистики [4], точнее в ее разделе – теолингвоконцептологии [6, с. 175]. В данном исследовании мы придерживаемся определения концепта, предложенного В. А. Степаненко, а именно: «Концепт в контексте онтологического учения о языке можно понимать двояко: в широком смысле – это результат взаимопрорастания энергий иррационального и рационального в области сознания (его онтологическая составляющая); в узком смысле – это «схваченное» и смоделированное исследователем онтологическое имя, конструкт имени, «преломленный» через язык(и) и культуру(ы) и имеющий в своей основе онтологическую форму, содержание и логико-онтологические категории (его гносеологическая составляющая)» [там же, с. 202].

Поскольку рукоположение является не только словом, но и жестом, то наше исследование вносит определенный вклад в дальнейшую разработку нового направления в концептологии – «Семиотике концептов», предложенной Ю. С. Степановым [5, с. 78–88].

Отправным пунктом нашего исследования стало раскрытие сути рукоположения как одного из важнейших церковных таинств. В католическом богословии «рукоположение – таинство, благодаря которому миссия, доверенная Христом своим апостолам, продолжает осуществляться в Церкви» [8]. Иными словами, рукоположение – это таинство апостольского служения, которое, в свою очередь, согласно канонам современной католической Церкви, осуществляется на трех уровнях: епископском, пресвитерском и диаконском. При этом стоит отметить, что правом совершения этого таинства для всех трех уровней обладает только епископ. «В данном обряде отсутствует какая-либо тайносовершительная формула, его основными элементами являются возложение рук другими епископами на кандидата и молитва призывания Святого Духа. Перед совершением таинства рукоположенный простирается ниц перед алтарем в виде креста в знак смирения и посвящения жизни Христу» [2].

Анализируя немецкие библейские тексты новозаветного происхождения, мы заметили, что в их содержании отсутствует какой-либо смысловозначительный компонент между собственно «рукоположением», понятием, трактуемым сегодня скорее как церковный ритуал возведения в священный сан, и смежным ему «возложением рук», упоминание о котором мы находим не только при описании посвящения/ординации (лат. *ordinatio* – «включение в орден»), но также при других, не менее значимых Библейских событиях и деяниях. Одним из примеров, иллюстрирующих данное наблюдение, является эпизод, описывающий посвящение на службу Христову учеников и последователей Апостолов:

Da riefen die Zwölf die Menge der Jünger zusammen und sprachen: Es ist nicht recht, daß wir für die Mahlzeiten sorgen und darüber das Wort Gottes vernachlässigen. Darum, ihr lieben Brüder, seht euch um nach sieben Männern in euer Mitte, die einen guten Ruf haben und voll heiligen Geistes und Weisheit sind, die wir bestellen wollen zu diesem Dienst. Wir aber wollen ganz beim Beten und beim Dienst des Wortes bleiben. Und die Rede gefiel der ganzen Menge gut; und sie wählten Stephanus, einen Mann voll Glaubens und heiligen Geistes, und Philippus und Prochorus und Nikanor und Timon

und Parmenas und Nikolaus, den Judengenossen aus Antiochia. Diese Männer stellten sie vor die Apostel; die beteten und legten die Hände auf sie. Und das Wort Gottes breitete sich aus, und die Zahl der Jünger wurde sehr groß in Jerusalem. Es wurden auch viele Priester dem Glauben gehorsam» (Apg. 6, 2–7) [10, S. 146-147]. – Тогда двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пешись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу; а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки. И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере (Деян. 6:2–7) [2, с. 136].

Как видно из вышеприведенного примера, рукоположение и возложение рук действительно могут взаимозаменять и взаимодополнять друг друга. Данное обстоятельство, с одной стороны, значительно расширяет ареал нашего исследования, с другой стороны, требует более тщательного подхода к интерпретации данных понятий в каждом конкретном случае.

В ходе изучения новозаветных библейских текстов в переводе М. Лютера нами был выявлен 21 случай описания рукоположения/возложения рук, которые в соответствии с их функциональной принадлежностью были распределены по следующим тематическим группам: поставление на богослужение (*ординация*), исцеление, благословение и крещение.

Поставление на богослужение (*ординация*). Рассматривая обряд рукоположения/возложения рук в Новом Завете, нельзя не отметить, что он значительно отличается от того священного ритуала, который традиционно проводится в современной католической церкви. Ключевой фигурой здесь является тот, кто обладает правом совершения церковных таинств и обрядов. В новозаветное время рукополагать мог любой из апостолов Иисуса Христа. В католической и православной традиции этим правом обладает только епископ. Здесь обряд рукоположения проводится не только для утверждения в церковной должности, но и для того, чтобы сохранить идущую от дня Пятидесятницы традицию посвящения человека служению Богу, наделение

его благодатью Святого Духа. В книге Нового Завета «Деяния святых апостолов» есть три эпизода, описывающих рукоположение в функции богослужения, а именно:

Diese stellten sie vor die Apostel und beteten und legten die Hände auf sie (Apg. 6, 6) [10, S. 146]. – Их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки (Деян. 6:6) [1, с. 136].

Da fasteten sie und beteten und legten die Hände auf sie und ließen sie ziehen (Apg. 13:3) [10, S. 156]. – Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их (Деян.13:3) [1, с. 146].

Da legten sie die Hände auf sie, und sie empfingen den heiligen Geist. Als aber Simon sah, daß der Geist gegeben wurde, wenn die Apostel die Hände auflegten, bot er ihnen Geld an und sprach: Gebt auch mir die Macht, damit jeder, dem ich die Hände auflege, den heiligen Geist empfangen (Apg. 8, 17–19) [10, S. 150]. – Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго. Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго (Деян. 8:17–19) [1, с. 140].

Как показывают выше приведенные примеры, рукоположение, совершаемое апостолами над мирянами, воспринималось последними не иначе как благословение самим Иисусом Христом. Оно совершалось над ними один раз и оставалось действительным на всю жизнь. Следует отметить, что Симон (волхв из Самарии, чудотворец), в своем стремлении обрести власть, и самому, подобно апостолам, наделять Святым Духом, был осужден апостолами. Данный эпизод служит подтверждением избранности апостолов, их исключительном предназначении. Симон же, не относящийся к числу тех, кто был преисполнен Святым Духом, никогда и ни за какие материальные блага не смог бы наделять Божественной силой через рукоположение/возложение рук.

Как уже упоминалось ранее, слова Иисуса Христа «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22:19) были адресованы не только самим Апостолам, но и их ученикам и последователям, которые также были наделены правом совершения таинства рукоположения/возложения рук. Таинство сохранения и передачи благодатных даров Святого Духа от Святых Апостолов своим ученикам в дальнейшем получило название апостольского преемства. В послании апостола Павла к Тимофею мы находим следующее обращение к своему ученику:

Die Hände lege niemandem zu bald auf; habe nicht teil an fremden Sünden! Halte dich selber rein (1 Tim. 5:22) [10, S. 250]. – Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах. Храни себя чистым (1 Тим. 5:22) [1, с. 255].

В своей назидательной речи, апостол Павел настоятельно призывает Тимофея возлагать руки только над тем служителем, кто имеет истинную веру в Бога. Другими словами, он предостерегает его и велит ему не спешить возлагать руки над тем, кто согрешил, в противном случае он разделит грех служителя.

Во «Втором Послании к Тимофею» Апостол Павел говорит о том, что тот Дар Божий, которым был наделен Тимофей, должен быть возгрет им (греч. «*anazureo*» «*возгревать*» означает «*разжечь снова*» или «*хранить в полном пламени*»). Иначе говоря, он должен хранить в себе Священный Дар и достойно служить Господу Богу:

Aus diesem Grund erinnere ich dich daran, daß du erweckest die Gabe Gottes, die in dir ist durch die Auflegung meiner Hände (2 Tim. 1:6) [10, S. 252]. – По сей причине напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение... (2 Тим. 1:6) [1, с. 256].

Исцеление. В процессе изучения новозаветных библейских текстов в переводе М. Лютера, нами были обнаружены многочисленные примеры описания чудесного исцеления людей. Так, в Новом Завете нами зафиксировано около 30 эпизодов, иллюстрирующих то, как Иисус Христос и его апостолы исцеляли больных и немощных от душевных и физических недугов. В девяти случаях излечение осуществлялось путем рукоположения / возложения рук на голову больного. В качестве иллюстрации можно привести фрагменты из Евангелия от Матфея и Евангелия от Марка:

Als er dies mit ihnen redete, siehe, da kam einer von den Vorstehern der Gemeinde, fiel vor ihm nieder und sprach: Meine Tochter ist eben gestorben, aber komm und lege deine Hand auf sie, so wird sie lebendig (Mt. 9:18) [10, S. 13]. – Когда Он говорил им сие, подошел к Нему некоторый начальник и, кланяясь Ему, говорил: дочь моя теперь умирает; но приди, возложи на нее руку Твою, и она будет жива (Мф. 9:18) [1, с. 10].

Также в качестве примера можно привести отрывок из книги «Евангелие от Марка»:

...und bat ihn sehr und sprach: Meine Tochter ist in den letzten Zügen; komm doch und lege deine Hand auf sie, daß sie gesund werde und lebe (Mk. 5, 23) [10, S. 49]. – ...И усиленно просит Его, говоря: дочь моя при

смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива (Мк. 5:23) [1, с. 43].

Из сказанного следует, что рукоположение/возложение рук Иисуса на голову больной девушки имело сакральное значение, поскольку являлось демонстрацией действия благодати Святого Духа.

В следующем фрагменте из книги «Деяния святых апостолов» мы находим яркий пример апостольского преемства, проявляющийся в том, что апостол Павел, подобно Иисусу Христу, мог исцелять больных, возложив на них свои руки:

Es geschah aber, daß der Vater des Publius am Fieber und an der Ruhr darnieder lag. Zu dem ging Paulus hinein und betete und legte die Hände auf ihn und machte ihn gesund (Apg. 28:8) [10, S. 177]. – Отец Публия лежал, страдая горячкою и болью в животе; Павел вошел к нему, помолился и, возложив на него руки свои, исцелил его (Деян. 28:8) [1, с. 167].

Благословение. Рукоположение/возложение рук в значении благословения встречается в Новом Завете, главным образом, в эпизодах, иллюстрирующих встречи Иисуса Христа с детьми. Так, в качестве примера можно привести фрагменты из Евангелия от Матфея и Евангелия от Марка:

Da wurden Kinder zu ihm gebracht, daß er die Hände auf sie legte und betete. Die Jünger aber fuhren sie an. Aber Jesus sprach: Lasset die Kinder und wehret ihnen nicht, zu mir zu kommen; denn solchen gehört das Himmelreich (Mt. 19:13; 15) [10, S. 27]. – Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. ...И, возложив на них руки, пошел оттуда (Мф. 19:13;15) [1, с. 22].

В качестве примера также можно привести фрагмент из книги «Св. Евангелие от Марка»:

Und sie brachten Kinder zu ihm, damit er sie anrührte. Die Jünger aber fuhren sie an. Als es aber Jesus sah, wurde er unwillig und sprach zu ihnen: Laßt die Kinder zu mir kommen und wehret ihnen nicht; denn solchen gehört das Reich Gottes. Wahrlich ich sage euch: Wer das Reich Gottes nicht empfängt wie ein Kind, der wird nicht hineinkommen. Und er herzte sie und legte die Hände auf sie und segnete sie» (Мк. 10:13–16) [10, S. 57]. – Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя,

тот не войдет в него. И, обняв их, возложил руки на них и благословил их (Мк. 10:13-16) [1, с. 50].

Как показано в вышеприведенных примерах, Иисус с негодованием воспринял то, что его ученики не хотели пускать к нему детей. Однако для самого Иисуса Христа не было никого чище тех, в ком нет лукавства и злобы, кто невинен и прост, т.е. детей.

Еще одно описание рукоположения мы находим в книге «Деяния святых апостолов», где есть эпизод, в котором Святой Дух призывает на служение Варнаву и Савла и просит отделить их, т.е. избрать на апостольское служение:

Als sie aber dem HERRN dienten und fasteten, sprach der heilige Geist: Sondert mir aus Barnabas und Saulus zu dem Werk, zu dem ich sie berufen habe. Da fasteten sie und beteten und legten die Hände auf sie und ließen sie ziehen (Apg. 13:2,3) [10, S. 156]. – Когда они служили Господу и постились, Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их. Сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию ... и проповедовали слово Божие (Деян.13:2,3) [1, с. 146].

Крещение. В Новом Завете в переводе М. Лютера есть лишь два эпизода, описывающих таинство крещения посредством рукоположения/возложения рук. В первом случае, речь идет о принятии самарянами Святого Духа и возложении на них рук во имя Иисуса Христа:

Als aber die Apostel hörten, daß Jerusalem, daß Samarien das Wort Gottes angenommen hatte, sandten sie zu ihnen Petrus und Johannes. Die kamen hinab und beteten für sie, daß sie den heiligen Geist empfangen. Denn er war noch auf keinen von ihnen gefallen, sondern sie waren allein getauft auf den Namen des Herrn Jesus. Da legten sie die Hände auf sie, und sie empfangen den heiligen Geist (Apg. 8:14-19) [10, S. 150]. – Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышав, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, которые, придя, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святаго. Ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса. Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго (Деян. 8:14-19) [1, с. 139].

Как показывает пример, крещение и принятие Святого Духа происходили в разное время: сначала крещение, затем рукоположение. Это свидетельствует о том, что само таинство крещения самарян могло считаться «неоконченным», пока на них не сойдет Святой Дух.

Что касается второго случая, в котором описывается крещение с участием рукоположения, то здесь налицо результат проведенного таинства, а именно сошедший и принятый Святой Дух, наделивший даром говорения языками и талантом пророчествования:

Und als Paulus die Hände auf sie legte, kam der heilige Geist auf sie, und sie redeten in Zungen und weissagten (Apg. 19:6) [10, S. 165]. – И, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать (Деян.19:6) [1, с. 155].

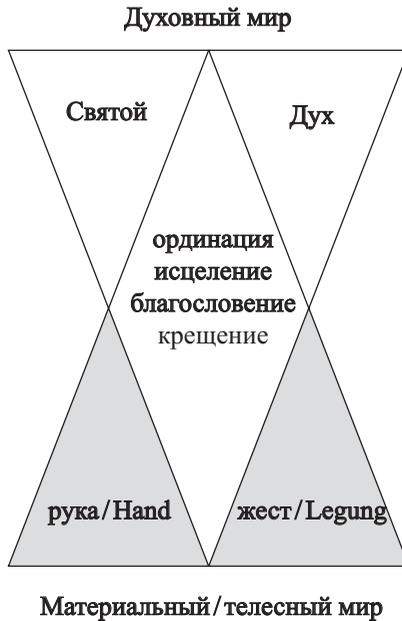

Рис. 1. Сакральный смысл рукоположения (Handlegung)

Приведенный выше анализ позволяет сделать следующие выводы (см. рис. 1):

1. Handauflegung является одним из многочисленных репрезентантов (der Ellbogen, das Handgelenk, der Faust, die Hand, der Finger, der Daumen, der Fingernagel и др.), через которые воплощается концепт «Arm».

2. Handauflegung входит в сакральный слой концепта «Arm», поскольку традиция рукоположения/возложения рук(и) идет от самого Христа, через Пятидесятницу к апостольскому преемству.

3. Через рукоположение происходит взаимопроникновение мира предметного (рука Hand + жест – legung) и мира духовного (Дары Святого Духа), взаимодействие двух энергий – Божественной и человеческой – с целью передачи и сохранения первой.

4. Результатом этого взаимопрорастания, в зависимости от ситуации, может быть поставление на богослужение (ординация), исцеление, благословение или крещение, в которых заключается сакральный смысл сакрального жеста – рукоположения.

5. Все вышесказанное можно представить в виде модели (см. рис. 1), известной в теолингвоконцептологии под названием «Два взаимопроникающих треугольника И. Г. Шварца» [5, с. 164–199].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Библия*. – М.: Российское библейское общество, 2013. – 1217 с.
2. *Википедия* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Святость> (дата обращения: 15.03.2014).
3. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное: пер. с фр. / вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.
4. *Постовалова В. И.* Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012. – № 4 (12). – Режим доступа: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/postovalova_v.i._-_2..pdf (дата обращения: 04.03.2014)
5. *Степаненко В. А.* Слово/Logos // Имя – имена – концепт – слова (сравнительно-типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul» на материале русского, немецкого и английского языков): монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 312 с.
6. *Степаненко В. А.* Прототипическая модель мироздания по данным ассоциативных словарей и концептуальных метафор // Прототипические и непрототипические единицы в языке: кол. монография / отв. ред. Л. М. Ковалева; под ред. С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 175–203.
7. *Степанов Ю. С.* Язык и метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
8. *Тайнство* Священства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://credoindeum.ru/publ/tainstva_katolicheskoy_cerkvi/tainstvo_svjashhenstva/4-1-0-41. – (дата обращения: 04.03.2014).
9. *Alexeev V.* Za Wszystko i za Wszystkich. – Lublin-New York-Lwów: Norbertinum, 2001. – 222 S.
10. *Lutherbibel*. Taschenausgabe ohne Apokryphen. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1985. – 986 S.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ ЕАЛИ
Выпуск 3 (714)
Серия Языкознание и литературоведение

Редактор *А. В. Каверзина*
Компьютерная верстка *А. В. Каверзина*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВПО МГЛУ

Подписано в печать 21.04.2015 г.
Объем 12,0 п. л. Формат 60х90/16
Заказ № 1312

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

Перепечатка материалов
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна